НИКОЛАЙ КУН
БОГИ И ГЕРОИ.
МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
Литрес

Николай Альбертович Кун
Боги и герои. Мифы Древней Греции

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36619678
Боги и герои. Мифы Древней Греции: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-094204-6

Аннотация

Николай Альбертович Кун – русский историк, педагог, писатель, автор самой популярной книги по мифологии Древней Греции. Он собрал и пересказал самые важные сюжеты легенд и мифов. В эту книгу вошли циклы об олимпийских богах, Персее и Андромеде, Тесее, Прометее, Орфее и Эвридике.

Содержание

Введение 10
Боги 14
Происхождение мира и богов 14
Зевс[2] 17
Рождение Зевса 17
Зевс свергает Крона. Борьба богов-олимпийцев с титанами 18
Борьба Зевса с Тифоном 20
Олимп 21
Посейдон и божества моря 26
Царство мрачного Аида (Плутона)[15] 30
Гера[20] 34
Ио 37
Аполлон[22] 40
Рождение Аполлона 40
Борьба Аполлона с Пифоном и основание Дельфийского оракула 41
Дафна 43
Аполлон у Адмета 45
Аполлон и музы 47
Сыновья Алоэя 48
Марсий 49
Асклепий (Эскулап) 50

Артемида[28] 52
Актеон 55
Афина Паллада[30] 58
Рождение Афины 58
Арахна 59
Гермес[33] 64
Как Гермес похитил коров Аполлона 65
Арес[38], Афродита, Эрот и Гименей[39] 70
Арес 70
Афродита[40] 72
Пигмалион 74
Нарцисс 76
Адонис[43] 82
Эрот 84
Гименей 85
Гефест[44] 86
Деметра[48] и Персефона 90
Похищение Персефоны Аидом[49] 90
Триптолем 97
Эрисихтон 99
Ночь, Луна, Заря и Солнце 101
Фаэтон 103
Дионис[57] 113
Рождение и воспитание Диониса 113
Дионис и его свита 115
Ликург 116

Дочери Миния 117
Тирренские морские разбойники[61] 118
Икарий 120
Мидас 121
Пан[64] 124
Пан и Сиринга 127
Состязание Пана с Аполлоном 128
Герои 130
Пять Веков[65] 130
Девкалион и Пирра (потоп)[66] 134
Прометей 137
Пандора 156
Эак[72] 159
Данаиды 162
Персей[75] 167
Рождение Персея 167
Персей убивает горгону Медузу 168
Персей и Атлас 175
Персей спасает Андромеду 177
Свадьба Персея 181
Возвращение Персея на Сериф 184
Персей в Аргосе 185
Сизиф 187
Беллерофонт[80] 189
Тантал[85] 197
Пелопс[86] 203

Европа[89] 211
Кадм[90] 217
Зет и Амфион 225
Ниоба 228
Кекроп[97], Эрихтоний[98] и Эрехтей[99] 234
Кефал и Прокрида 239
Прокна и Филомела 243
Борей и Орифия 248
Дедал и Икар[101] 250
Тесей[103] 257
Рождение и воспитание Тесея 257
Подвиги Тесея на пути в Афины 259
Тесей в Афинах 266
Путешествие Тесея на Крит 270
Тесей и Амазонки 277
Тесей и Пейрифой 279
Похищение Елены. Тесей и Пейрифой похищают Персефону. Смерть Тесея 282
Мелеагр[113] 287
Кипарис 292
Орфей и Эвридика 295
Орфей в подземном царстве 295
Смерть Орфея 300
Гиацинт 303
Полифем, Акид и Галатея 306
Диоскуры, Кастор и Полидевк 309

Атрей и Фиест 314
Эсак и Гесперия 318

Николай Альбертович Кун
Боги и герои. Мифы Древней Греции

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Введение

Николай Альбертович Кун – известный историк советского периода. Не одно поколение учителей – историков, филологов – изучало историю и литературу Древней Греции, Рима по книгам Н. А. Куна.

Эта книга являет собой систематический пересказ греческих мифов, которые объединяются под уже закрепившимся в литературе и истории названием «древнегреческая мифология».

Мифы (от греч. *mýhos* – предание, сказание) Древней Греции складывались постепенно, в течение очень длительного времени, передаваясь из поколения в поколение в устной форме странствующими певцами-аэдами, т. к. письменности тогда ещё не было.

Мифы древних греков можно разделить на два вида: **героические** (в сказочной форме передающие реальные исторические события) и **этиологические** (в которых объясняются те или иные названия и причины возникновения народных обычаев и обрядов).

Сюжеты героических мифов складывались на протяжении многих веков, отражая исторические этапы развития общества – от изобретения человеком орудий труда и приручения домашних животных до реальных исторических событий (сказание о Троянской войне), – подлинность кото-

рых подтверждается современными археологическими раскопками.

Благоприятные социальные и природные условия, в которых развивался греческий народ и его культура, богатая фантазия и эмоциональная восприимчивость, вызвали к жизни исключительное множество масштабных по форме и прекрасных по содержанию поэтических мифов. Многие крылатые выражения греческой мифологии давно вошли в обиход культурного человека и получили широкое распространение на правах пословиц, поговорок и афоризмов: «нить Ариадны», «авгиевы конюшни», «ахиллесова пята», «сизифов труд», «танталовы муки», «троянский конь», «красив как Аполлон», «силён как Геракл» и т. д.

Главными персонажами мифов были боги и герои. Через их поступки эллины (древние греки) передавали свои представления об устройстве мира, о природе, о человеческом обществе в целом. На основе древних легенд и мифов были созданы древнегреческими поэтами Гомером (предположительно жил между XII и VII вв. до н. э.) эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея»; Гесиодом (VIII–VII вв. до н. э.) – «Теогония», «Труды и дни»; Еврипидом (V в. до н. э.) – «Андромаха», «Гекуба», «Медея», «Геракл»; древнеримскими поэтами Овидием (I в. до н. э.) – «Метаморфозы»; Вергилием (I в. до н. э.) – «Энеида».

В начале первой части книги пересказываются мифы о происхождении мира и борьбе богов с гигантами и титана-

ми, которых в конце концов победил могучий тучегонитель и громовержец Зевс и утвердился на горе Олимп: «Здесь и супруга его Гера, и златокудрый Аполлон с сестрой своей Артемидой, и златая Афродита, и могучая дочь Зевса Афина, и много других богов» – Гермес (вестник богов), Арес (бог войны), Гименей (бог семьи и брака), Гефест (бог-кузнец), Деметра (богиня земледелия и плодородия) – все те, кого народная фантазия причислила к сонму главных богов.

Мифы рассказывают, что, кроме этих главных богов, вся земля была населена богами и богинями, олицетворявшими силы природы. В реках обитали нимфы-наяды, в море – нереиды, в лесах – дриады и сатиры, в горах жила нимфа Эхо. В небе главным богом считался Гелиос – солнце, – объезжавший каждый день весь мир на золотой колеснице, запряжённой огнедышащими конями. Румяная Эос – заря – возвещала его выезд своим появлением на небосводе. Ночью землю освещала Селена – луна. Ветры были представлены богами Бореем (северный ветер) и Зефиром (западный ветер). Три богини судьбы – мойры – пряли нить человеческой жизни, обрывая её, когда считали нужным.

Мифические сказания о жизни и подвигах героев изложены автором во второй части книги по мотивам поэмы Гесиода «Труды и дни». Герои – это дети смертных людей и бессмертных богов, наделённые сверхъестественной мощью и смелостью. Герои-вожди – люди, но живут и совершают свои поступки под «присмотром» Олимпа. Ведь даже

могучего титана Прометея жестоко наказал Зевс, когда тот, восстав против богов, похитил с Олимпа и принёс людям огонь. Прикованный к скале, Прометей испытывал нечеловеческие муки от орла, клевавшего его печень. Никто не смеет нарушать волю богов и выдавать их тайны!

Боги

Происхождение мира и богов

Мифы о богах и их борьбе с гигантами и титанами изложены в основном по поэме Гесиода «Теогония» («Происхождение богов»). Некоторые сказания заимствованы также из поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» и поэмы римского поэта Овидия «Метаморфозы» («Превращения»)

Вначале существовал лишь вечный, безграничный, тёмный Хаос. В нём заключался источник жизни мира. Всё возникло из безграничного Хаоса – весь мир и бессмертные боги. Из Хаоса произошла и богиня Земля – Гея. Широко раскинулась она, могучая, дающая жизнь всему, что живёт и растёт на ней. Далеко же под Землёй, так далеко, как далеко от нас необъятное, светлое небо, в неизмеримой глубине родился мрачный Тартар – ужасная бездна, полная вечной тьмы. Из Хаоса, источника жизни, родилась и могучая сила, всё оживляющая Любовь – Эрос. Начал создаваться мир. Безграничный Хаос породил вечный Мрак – Эреба и тёмную Ночь – Нюкту. А от Ночи и Мрака произошли вечный Свет – Эфир и радостный светлый День – Гемера. Свет разлился по миру, и стали сменять друг друга ночь и день.

Могучая, благодатная Земля породила беспредельное го-

лубое Небо – Урана, и раскинулось Небо над Землёй. Гордо поднялись к нему высокие Горы, рожденные Землёй, и широко разлилось вечно шумящее Море. Матерью-Землёй рождены Небо, Горы и Море, и нет у них отца.

Уран (Небо) воцарился в мире и взял себе в жёны благодатную Землю. Шесть сыновей и шесть дочерей – могучих грозных титанов – было у Урана и Геи. Их сын, титан Океан, обтекающий, подобно безбрежной реке, всю землю, и богиня Фетида породили на свет все реки, которые катят свои волны к морю, и морских богинь – океанид. Титан же Гиперион и Тейя дали миру детей: Солнце – Гелиоса, Луну – Селену и румяную Зарю – розоперстую Эос (Аврору). От Астрея и Эос произошли все звёзды, которые горят на тёмном ночном небе, и все ветры: бурный северный ветер Борей, восточный Эвр, влажный южный Нот и западный ласковый ветер Зефир, несущий обильные дождём тучи.

Кроме титанов породила могучая Земля трёх великанов – циклопов с одним глазом во лбу – и трёх громадных, как горы, пятидесятиголовых великанов – сторуких (гекатонхейров), названных так потому, что сто рук было у каждого из них. Против их ужасной силы ничто не может устоять, их стихийная мощь не знает предела.

Возненавидел Уран своих детей-великанов, в недра богини Земли заключил он их в глубоком мраке и не позволил им выходить на свет. Страдала мать их Земля. Её давило это страшное бремя, заключённое в её недрах. Вызвала она де-

тей своих, титанов, и стала убеждать восстать против отца Урана, но они боялись поднять руку на отца. Только младший из них, коварный Крон[1], хитростью низверг своего отца и отнял у него власть.

Богиня Ночь родила в наказание Крону целый сонм ужасных божеств: Таната – смерть, Эриду – раздор, Апату – обман, Кер – уничтожение, Гипноса – сон с роем мрачных, тяжёлых видений, не знающую пощады Немесиду – отмщение за преступления и много других. Ужас, раздоры, обман, борьбу и несчастье внесли эти боги в мир, где воцарился на троне своего отца Крон.

[1] От *греч.* chróhos – время.

Зевс[2]

Рождение Зевса

Крон не был уверен, что власть навсегда останется в его руках. Он боялся, что и против него восстанут дети и обрекут его на ту же участь, на какую обрёк он своего отца Урана. Он боялся своих детей. И повелел Крон жене своей Рее приносить ему рождавшихся детей и безжалостно проглатывал их. В ужас приходила Рея, видя судьбу детей своих. Уже пятерых проглотил Крон: Гестию[3], Деметру[4], Геру, Аида (Гаде-

---

[2] У римлян – Юпитер.Картина жизни богов на Олимпе дана по произведениям Гомера «Илиада» и «Одиссея», прославляющим родоплеменную аристократию и возглавляющим её басилевсов как лучших из людей, стоящих много выше остальной массы населения. Боги Олимпа отличаются от аристократии и басилевсов лишь тем, что они бессмертны, могущественны и могут творить чудеса. Бог Зевс – тот же басилевс, правящий, опираясь на аристократию богов, всей землёй и небом. Посейдон – такой же идеализированный басилевс, как Зевс. Он правит морем, окружённый аристократией морских богов. Следовательно, среди богов, как и среди людей, мы видим басилевсов, правивших каждый своей областью. Зевс правит небом и землёй, Посейдон – морем, а Аид – подземным царством. Классовый характер ярко выражен в религии Греции.

[3] Богиня жертвенного огня и огня домашнего очага, покровительница городов и государства. В Риме впоследствии с Гестией была отождествлена Веста, богиня домашнего очага.

[4] Великая богиня плодородия земли, дающая рост всему, что произрастает на земле, плодородие нивам, благословляющая труд земледельца. Римляне назвали

са) и Посейдона[5].

Рея не хотела потерять и последнего своего ребенка. По совету своих родителей, Урана (Неба) и Геи (Земли), удалилась она на остров Крит, и там, в глубокой пещере, родился у неё младший сын, Зевс. В этой пещере Рея скрыла своего сына от жестокого отца, а ему дала проглотить вместо сына длинный камень, завёрнутый в пелёнки. Крон не подозревал, что был обманут своей женой.

А Зевс тем временем рос на Крите. Нимфы Адрастея и Идея лелеяли маленького Зевса, они вскормили его молоком божественной козы Амалфеи. Пчёлы носили мёд маленькому Зевсу со склонов высокой горы Дикты. У входа же в пещеру юные куреты[6] ударяли в щиты мечами всякий раз, когда маленький Зевс плакал, чтобы не услыхал его плача Крон и не постигла бы Зевса участь его братьев и сестёр.

Зевс свергает Крона. Борьба богов-олимпийцев с титанами

Вырос и возмужал прекрасный и могучий бог Зевс. Он восстал против своего отца и заставил его вернуть на свет

богиню Деметру именем своей древней богини плодородной нивы – Церерой. Мифы о Деметре см. ниже.

[5] У римлян им соответствовали Юнона, Плутон и Нептун.

[6] Полубоги, охранители и защитники Зевса. Позднее куретами называли на Крите жрецов Зевса и Реи.

поглощённых им детей. Одного за другим изверг из уст Крон своих детей богов, прекрасных и светлых. Они начали борьбу с Кроном и титанами за власть над миром.

Ужасна и упорна была эта борьба. Дети Крона утвердились на высоком Олимпе. На их сторону стали и некоторые из титанов, а первыми – титан Океан и дочь его Стикс с детьми Рвением, Мощью и Победой. Опасна была эта борьба для богов-олимпийцев: могучи и грозны были их противники титаны, – но Зевсу на помощь пришли циклопы. Они выковали ему громы и молнии, их метал Зевс в титанов. Борьба длилась уже десять лет, но победа не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. Наконец решился Зевс освободить из недр земли сторуких великанов – гекатонхейров – и призвал их на помощь. Ужасные, громадные, как горы, вышли они из недр земли и ринулись в бой. Они отрывали от гор целые скалы и бросали их в титанов. Сотнями летели скалы навстречу титанам, когда они подступили к Олимпу. Стонала земля, грохот наполнил воздух, всё кругом колебалось. Даже Тартар содрогался от этой борьбы. Зевс метал одну за другой пламенные молнии и оглушительно рокочущие громы. Огонь охватил всю землю, моря кипели, дым и смрад заволокли всё густой пеленой.

Наконец могучие титаны дрогнули. Их сила была сломлена, они были побеждены. Олимпийцы сковали их и низвергли в мрачный Тартар, в вековечную тьму. У медных несокрушимых врат Тартара на стражу стали сторукие гекатонхей-

ры, и стерегут они, чтобы не вырвались опять на свободу из Тартара могучие титаны. Власть титанов в мире миновала.

Борьба Зевса с Тифоном

Но не окончилась этим борьба. Гея (Земля) разгневалась на олимпийца Зевса за то, что он так сурово поступил с её побеждёнными детьми – титанами. Она вступила в брак с мрачным Тартаром и произвела на свет ужасное стоголовое чудовище – Тифона. Громадный, с сотней драконовых голов, поднялся Тифон из недр земли. Диким воем всколебал он воздух. Лай собак, человеческие голоса, рёв разъярённого быка, рыканье льва слышались в этом вое. Бурное пламя клубилось вокруг Тифона, и земля колебалась под его тяжкими шагами. Боги содрогнулись от ужаса. Но смело ринулся на него Зевс-громовержец, и загорелся бой. Опять засверкали молнии в руках Зевса, раздались раскаты грома. Земля и небесный свод потряслись до основания. Ярким пламенем вспыхнула опять земля, как и во время борьбы с титанами. Моря кипели от одного приближения Тифона. Сотнями сыпались огненные стрелы-молнии громовержца Зевса; казалось, что от их огня горит сам воздух и горят тёмные грозовые тучи. Зевс испепелил Тифону все его сто голов. Рухнул Тифон на землю; от тела его исходил такой жар, что плавилось всё вокруг. Зевс поднял тело Тифона и низверг в мрачный Тартар, породивший его. Но и в Тартаре грозит ещё Ти-

фон богам и всему живому. Он вызывает бури и извержения; он породил с Эхидной, полуженщиной-полузмеёй, ужасного двуглавого пса Орфо, адского пса Кербера[7], лернейскую гидру и Химеру; часто колеблет Тифон землю.

Победили боги-олимпийцы своих врагов. Никто больше не мог противиться их власти. Они могли теперь спокойно править миром. Самый могущественный из них, громовержец Зевс, взял себе небо, Посейдон – море, а Аид – подземное царство душ умерших. Земля же осталась в общем владении. Хотя и поделили сыновья Крона между собой власть над миром, но всё же над всеми ними царит повелитель неба Зевс; он правит людьми и богами, он ведает всем в мире.

Олимп

Высоко на светлом Олимпе царит Зевс, окружённый сонмом богов. Здесь и супруга его Гера, и златокудрый Аполлон с сестрой своей Артемидой, и златая Афродита, и могучая дочь Зевса Афина[8], и много других богов. Три прекрасные Оры охраняют вход на высокий Олимп и подымают закрывающее врата густое облако, когда боги нисходят на землю или возносятся в светлые чертоги Зевса. Высоко над Олимпом широко раскинулось голубое бездонное небо, и льётся

---

[7] Иначе – Цербер.

[8] У римлян греческим богиням Гере, Артемиде, Афродите и Афине соответствовали: Юнона, Диана, Венера и Минерва.

с него золотой свет. Ни дождя, ни снега не бывает в царстве Зевса; вечно там светлое, радостное лето. А ниже клубятся облака, порой закрывают они далёкую землю.

Там, на земле, весну и лето сменяют осень и зима, радость и веселье сменяются несчастьем и горем. Правда, и боги знают печали, но они скоро проходят, и снова водворяется радость на Олимпе.

Пируют боги в своих золотых чертогах, построенных сыном Зевса Гефестом[9]. Царь Зевс сидит на высоком золотом троне. Величием и гордо-спокойным сознанием власти и могущества дышит мужественное, божественно прекрасное лицо Зевса. У трона его – богиня мира Эйрена и постоянная спутница Зевса, крылатая богиня победы Ника. Вот входит прекрасная, величественная богиня Гера, жена Зевса. Зевс чтит свою жену; почётом окружают Геру, покровительницу брака, все боги Олимпа. Когда, блистая своей красотой, в пышном наряде, великая Гера входит в пиршественный зал, все боги встают и склоняются перед женой громовержца Зевса. А она, гордая своим могуществом, идёт к золотому трону и садится рядом с царём богов и людей – Зевсом. Около трона Геры стоит её посланница, богиня радуги, легкокрылая Ирида, всегда готовая быстро нестись на радужных крыльях исполнять повеления Геры в самые дальние края земли.

Пируют боги. Дочь Зевса, юная Геба, и сын царя Трои,

[9] У римлян – Вулкан.

Ганимед, любимец Зевса, получивший от него бессмертие, подносят им амброзию[10] и нектар – пищу и напиток богов. Прекрасные хариты[11] и музы услаждают их пением и танцами. Взявшись за руки, водят они хороводы, а боги любуются их лёгкими движениями и дивной, вечно юной красотой. Веселее становится пир олимпийцев. На этих пирах решают боги все дела, на них определяют они судьбу мира и людей.

С Олимпа рассылает людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы. В руках Зевса судьба людей: счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть – всё в его руках. Два больших сосуда стоят у врат дворца Зевса. В одном сосуде дары добра, в другом – зла. Зевс черпает в них добро и зло и посылает людям. Горе тому человеку, которому громовержец черпает дары только из сосуда со злом. Горе и тому, кто нарушает установленный Зевсом порядок на земле и не соблюдает его законов. Грозно сдвинет сын Крона свои густые брови, чёрные тучи заволокут тогда небо. Разгневается великий Зевс, и страшно подымутся волосы на голове его, глаза загорятся нестерпимым блеском; взмахнёт он своей десницей – удары грома раскатятся по всему небу, сверкнёт пламенная молния, и сотрясётся высокий Олимп.

Не один Зевс хранит законы. У его трона стоит хранящая законы богиня Фемида. Она созывает, по повелению громовержца, собрания богов на светлом Олимпе и народные со-

[10] Пища богов, дающая бессмертие.

[11] У римлян – грации.

брания на земле, наблюдая, чтобы не нарушился порядок и закон. На Олимпе – и дочь Зевса, богиня Дика, наблюдающая за правосудием. Строго карает Зевс неправедных судей, когда Дика доносит ему, что не соблюдают они законов, данных Зевсом. Богиня Дика – защитница правды и враг обмана.

Зевс хранит порядок и правду в мире и посылает людям счастье и горе. Но хотя посылает людям счастье и несчастье Зевс, всё же судьбу людей определяют неумолимые богини судьбы – мойры[12], живущие на светлом Олимпе. Судьба самого Зевса в их руках. Властвует рок над смертными и над богами. Никому не уйти от велений неумолимого рока. Нет такой силы, такой власти, которая могла бы изменить хоть что-нибудь в том, что предназначено богам и смертным. Лишь смиренно склониться можно перед роком и подчиниться ему. Одни мойры знают веления рока. Мойра Клото прядёт жизненную нить человека, определяя срок его жизни. Оборвётся нить, и кончится жизнь. Мойра Лахесис вынимает, не глядя, жребий, который выпадает человеку в жизни. Никто не в силах изменить определённой мойрами судьбы, так как третья мойра, Атропос, всё, что назначили в жизни человеку её сёстры, заносит в длинный свиток, а что занесено в свиток судьбы, то неизбежно. Неумолимы великие, суровые мойры.

Есть ещё на Олимпе и богиня судьбы, счастья и благоден-

[12] У римлян – парки.

ствия – Тюхе́[13]. Из рога изобилия, рога божественной козы Амалфеи, молоком которой был вскормлен сам Зевс, сыплет она дары людям, и счастлив тот человек, который встретит на своём жизненном пути богиню счастья Тюхе, но как редко это бывает и как несчастлив тот человек, от которого отвернётся богиня Тюхе, только что дававшая ему свои дары!

Так царит окружённый сонмом светлых богов на Олимпе великий царь людей и богов Зевс, охраняя порядок и правду во всём мире.

[13] У римлян – Фортуна.

Посейдон и божества моря

Глубоко в пучине моря стоит чудесный дворец великого брата громовержца Зевса, колебателя земли Посейдона. Властвует над морями Посейдон, и волны моря послушны малейшему движению его руки, вооружённой грозным трезубцем. Там, в глубине моря, живёт с Посейдоном и его прекрасная супруга Амфитрита, дочь морского вещего старца Нерея, которую похитил великий властитель морской глубины Посейдон у её отца. Он увидал однажды, как водила она хоровод со своими сёстрами нереидами на берегу острова Наксоса. Пленился бог моря прекрасной Амфитритой и хотел увезти её на своей колеснице, но Амфитрита укрылась у титана Атласа, который держит на своих могучих плечах небесный свод. Долго не мог Посейдон найти прекрасную дочь Нерея. Наконец открыл ему её убежище дельфин. За эту услугу Посейдон поместил дельфина в число небесных созвездий, похитил у Атласа прекрасную дочь Нерея и женился на ней.

С тех пор живёт Амфитрита с мужем своим Посейдоном в подводном царстве. Высоко над дворцом шумят морские волны. Сонм морских божеств окружает Посейдона, послушный его воле. Среди них сын Посейдона Тритон, громовым звуком своей трубы из раковины вызывающий грозные бури. Среди божеств и прекрасные сёстры Амфитриты,

нереиды. Посейдон властвует над морем. Когда он на своей колеснице, запряжённой дивными конями, мчится по морю, тогда расступаются вечно шумящие волны и дают дорогу повелителю Посейдону. Равный красотой самому Зевсу, быстро несётся он по безбрежному морю, а вокруг него играют дельфины, рыбы выплывают из морской глубины и теснятся вокруг его колесницы. Когда же взмахнёт Посейдон своим грозным трезубцем, тогда, словно горы, вздымаются морские волны, покрытые белыми гребнями пены, и бушует на море свирепая буря. Бьются тогда с шумом морские валы о прибрежные скалы и колеблют землю. Но простирает Посейдон свой трезубец над волнами, и они успокаиваются. Стихает буря, снова спокойно море, ровно, как зеркало, и чуть слышно плещется у берега – синее, беспредельное.

Много божеств окружает великого брата Зевса, Посейдона; среди них вещий морской старец Нерей, ведающий все сокровенные тайны будущего. Нерею чужды ложь и обман; только правду открывает он богам и смертным. Мудры советы, которые дает вещий старец. Пятьдесят прекрасных дочерей у Нерея. Весело плещутся юные нереиды в волнах моря, сверкая среди них своей божественной красотой. Взявшись за руки, вереницей выплывают они из морской пучины и водят хоровод на берегу под ласковый плеск тихо набегающих на берег волн спокойного моря. Эхо прибрежных скал повторяет тогда звуки их нежного пения, подобного тихому рокоту моря. Нереиды покровительствуют мореходу и дают

ему счастливое плавание.

Среди божеств моря – и старец Протей, меняющий, подобно морю, свой образ и превращающийся, по желанию, в различных животных и чудовищ. Он тоже вещий бог, нужно только уметь застигнуть его неожиданно, овладеть им и заставить его открыть тайну будущего. Среди спутников колебателя земли Посейдона и бог Главк, покровитель моряков и рыбаков, обладатель дара прорицания. Часто, всплывая из глубины моря, открывал он будущее и давал мудрые советы смертным. Могучи боги моря, велика их власть, но властвует над всеми ними великий брат Зевса Посейдон.

Все моря и все земли обтекает седой Океан[14] – бог-титан, равный самому Зевсу по почёту и славе. Он живёт далеко на границах мира, и не тревожат его сердце дела земли. Три тысячи сыновей – речных богов и три тысячи дочерей – океанид, богинь ручьев и источников, у Океана. Сыновья и дочери великого бога Океана дают благоденствие и радость смертным своей вечнокатящейся живящей водой, которой поят всю землю и всё живое.

[14] Греки утверждали, что всю землю кругом обтекает поток, катящий свои воды в вечном водовороте.

Царство мрачного Аида (Плутона)[15]

Глубоко под землёй царит неумолимый мрачный брат Зевса, Аид. Полно мрака и ужасов его царство. Никогда не проникают туда радостные лучи яркого солнца. Бездонные пропасти ведут с поверхности земли в печальное царство Аида. Мрачные реки текут в нём. Там протекает всё леденящая священная река Стикс, водами которой клянутся сами боги.

Катят там свои волны Коцит и Ахеронт; души умерших оглашают своим стенанием, полным печали, их мрачные берега. В подземном царстве струятся и дающие забвение всего земного воды источника Леты[16]. По мрачным полям царства Аида, заросшим бледными цветами асфодела[17], носятся бесплотные, лёгкие тени умерших и сетуют на свою безрадостную жизнь без света и без желаний. Тихо раздаются их стоны, едва уловимые, подобные шелесту увядших листьев, гонимых осенним ветром. Нет никому возврата из этого царства печали. Трёхглавый адский пёс Кербер, на шее которого движутся с грозным шипением змеи, сторожит выход. Суровый

[15] Древние греки представляли себе царство Аида, царство душ умерших, мрачным и страшным, а «загробную жизнь» – несчастьем. Недаром тень Ахилла, вызванная Одиссеем из подземного царства, говорит, что лучше быть последним батраком на земле, чем царём в царстве Аида.

[16] Отсюда выражение «кануло в Лету», т. е. забыто навсегда.

[17] Дикий тюльпан.

старый Харон, перевозчик душ умерших, не повезёт через мрачные воды Ахеронта ни одну душу обратно, туда, где ярко светит солнце жизни. На вечное безрадостное существование обречены души умерших в мрачном царстве Аида.

В этом-то царстве, до которого не доходят ни свет, ни радость, ни печали земной жизни, правит брат Зевса, Аид. Он сидит на золотом троне со своей женой Персефоной. Ему служат неумолимые богини мщения эринии. Грозные, с бичами и змеями, преследуют они преступника; не дают ему ни минуты покоя и терзают его угрызениями совести; нигде нельзя скрыться от них, всюду находят они свою жертву. У трона Аида сидят судьи царства умерших – Минос и Радамант. Здесь же, у трона, бог смерти Танат с мечом в руках, в чёрном плаще, с громадными чёрными крыльями. Могильным холодом веют эти крылья, когда прилетает Танат к ложу умирающего, чтобы срезать своим мечом прядь волос с его головы и исторгнуть душу. Рядом с Танатом и мрачные керы. На крыльях своих носятся они, неистовые, по полю битвы. Керы ликуют, видя, как один за другим падают сражённые герои; своими кроваво-красными губами припадают они к ранам, жадно пьют горячую кровь сражённых и вырывают из тела их души.

Здесь же, у трона Аида, и прекрасный юный бог сна Гипнос. Он неслышно носится на своих крыльях над землёй с головками мака в руках и льёт из рога снотворный напиток. Нежно касается он своим чудесным жезлом глаз людей, тихо

смыкает веки и погружает смертных в сладкий сон. Могуч бог Гипнос, не могут противиться ему ни смертные, ни боги, ни даже сам громовержец Зевс: и ему Гипнос смыкает грозные очи и погружает его в глубокий сон.

Носятся в мрачном царстве Аида и боги сновидений. Есть среди них боги, дающие вещие и радостные сновидения, но есть боги и страшных, гнетущих сновидений, пугающих и мучающих людей. Есть боги и лживых снов, что вводят человека в заблуждение и часто ведут к гибели.

Царство неумолимого Аида полно мрака и ужасов. Там бродит во тьме ужасное привидение Эмпуса с ослиными ногами, которое, заманив хитростью в ночной тьме людей в уединённое место, выпивает всю кровь и пожирает их ещё трепещущие тела. Там бродит и чудовищная Ламия: пробирается ночью в спальни счастливых матерей и крадёт у них детей, чтобы напиться их крови. Над всеми привидениями и чудовищами властвует великая богиня Геката. Три тела и три головы у неё. Безлунной ночью блуждает она в глубокой тьме по дорогам и у могил со всей своей ужасной свитой, окружённая стигийскими собаками[18]. Она посылает ужасы и тяжкие сны на землю и губит людей. Гекату призывают как помощницу в колдовстве, но она же и единственная помощница против колдовства для тех, которые чтут её и приносят ей на распутье, где расходятся три дороги, в жертву собак. Ужасно царство Аида, и ненавистно оно людям[19].

---

[18] Чудовищные собаки подземного царства Аида, с берегов подземной реки Стикс.

[19] Подземные боги, много древнее богов-олимпийцев, олицетворяли главным образом грозные силы природы. В народных верованиях они играли более значительную роль.

Гера[20]

Великая богиня Гера, жена эгидодержавного Зевса, покровительствует браку и охраняет святость и нерушимость брачных союзов. Она посылает супругам многочисленное потомство и благословляет мать во время рождения ребёнка.

Великую богиню Геру, после того как её вместе с братьями и сёстрами изверг из своих уст побеждённый Зевсом Крон, мать её Рея отнесла на край земли, к седому океану, где воспитала её Фетида. Гера долго жила вдали от Олимпа, в тиши и покое. Великий громовержец Зевс увидал её, полюбил и похитил у Фетиды. Боги пышно справили свадьбу Зевса и Геры. Ирида и хариты облекли Геру в роскошные одежды, и она сияла своей юной, величественной красотой среди сонма богов Олимпа, сидя на золотом троне рядом с великим царём богов и людей Зевсом. Все боги подносили дары повелительнице Гере, а богиня Земля (Гея) вырастила из недр своих в дар Гере дивную яблоню с золотыми плодами. Всё

[20] У римлян – Юнона. Богиня неба, покровительница брака, охранительница матери во время родов; особо почиталась в Спарте, Коринфе, в Олимпии и в Аргосе, где находился её знаменитый храм. В мифах о Гере отразилось и положение женщины в Греции. Как греческая женщина не пользовалась равноправием с мужчиной и в значительной мере находилась в подчинении у мужа, так и Гера находится в подчинении у своего мужа Зевса. В культе Геры сохранились следы тотемизма (мы имеем сведения, что её иногда изображали, например, с головой лошади). Уже это указывает на то, что Гера – одна из древнейших богинь Греции.

в природе славило царицу Геру и царя Зевса.

Гера царит на высоком Олимпе. Повелевает она, как и муж её Зевс, громами и молниями, по слову её покрывают

тёмные дождевые тучи небо, мановением руки подымает она грозные бури.

Прекрасна великая Гера, волоокая, лилейнорукая, из-под венца её ниспадают волной дивные кудри, властью и спокойным величием горят её очи. Боги чтут Геру, чтит её и муж, тучегонитель Зевс, и часто советуется с ней, но нередки и ссоры между Зевсом и Герой. Часто возражает Гера Зевсу и спорит с ним на советах богов. Тогда гневается громовержец и грозит своей жене наказаниями. Умолкает Гера и сдерживает свой гнев, вспоминая, как подверг её Зевс бичеванию, как сковал золотыми цепями и повесил между землёй и небом, привязав к её ногам две тяжёлые наковальни.

Могущественна Гера, нет богини, равной ей по власти. Величественная, в длинной роскошной одежде, сотканной самой Афиной, в колеснице, запряжённой двумя бессмертными конями, съезжает она с Олимпа. Вся из серебра колесница, из чистого золота колёса, а спицы их сверкают медью. Благоухание разливается по земле там, где проезжает Гера. Всё живое склоняется пред ней, великой царицей Олимпа.

Ио

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Часто терпит обиды Гера от мужа своего Зевса. Так было, когда Зевс полюбил прекрасную Ио и, чтобы скрыть её от жены своей Геры, превратил в корову, но этим не спас. Гера увидела белоснежную корову и потребовала у Зевса, чтобы подарил её ей. Муж не смог отказать. Гера же, завладев Ио, отдала её под охрану стоокому Аргусу[21]. Страдала несчастная Ио, но никому не могла поведать о своих страданиях: обращённая в корову, она была лишена дара речи. Не знающий сна Аргус стерёг Ио, не могла она скрыться от него. Зевс, видя её страдания, призвал своего сына Гермеса и велел ему похитить Ио.

Быстро примчался Гермес на вершину той горы, где стерёг стоокий страж Ио, и усыпил своими речами Аргуса. Лишь только сомкнулись его сто очей, как выхватил Гермес свой изогнутый меч и одним ударом отрубил Аргусу голову. Ио была освобождена. Но и этим Зевс не спас Ио от гнева Геры. Она послала чудовищного овода. Своим ужасным жалом овод гнал из страны в страну обезумевшую от мучений несчастную страдалицу Ио. Нигде не находила она себе покоя. В бешеном беге неслась она всё дальше и дальше, а овод летел за ней, поминутно вонзая в тело её своё жало,

[21] Олицетворение звёздного неба.

которое жгло как раскалённое железо. Где только не пробегала Ио, в каких только странах не побывала! Наконец, после долгих скитаний, достигла она в стране скифов, на Крайнем Севере, скалы, к которой прикован был титан Прометей. Он предсказал несчастной, что только в Египте избавится она от своих мук. Помчалась дальше, гонимая оводом, Ио. Много мук перенесла она, много видела опасностей, прежде чем достигла Египта. Там, на берегах благодатного Нила, Зевс вернул ей её прежний образ, и родился у неё сын Эпаф. Он был первым царём Египта и родоначальником великого поколения героев, к которому принадлежал и величайший герой Греции Геракл.

Аполлон[22]

Рождение Аполлона

Бог света, златокудрый Аполлон, родился на острове Делос. Мать его, Латона, гонимая гневом богини Геры, нигде не могла найти себе приюта. Преследуемая посланным Герой драконом Пифоном, она скиталась по всему свету и наконец укрылась на Делосе, носившемся в те времена по волнам бурного моря. Лишь только вступила Латона на Делос, как из морской пучины поднялись громадные столбы и оста-

---

[22] Один из древнейших богов Греции. В его культе ясно сохранились следы тотемизма. Так, например, в Аркадии поклонялись Аполлону, изображённому в виде барана. Первоначально Аполлон был богом, охраняющим стада, но постепенно все больше становился богом света. Позднее его стали считать покровителем переселенцев, покровителем основывающихся греческих колоний, а затем покровителем искусства, поэзии и музыки. Поэтому и в Москве на здании Большого академического театра стоит статуя Аполлона с лирой в руках, едущего на колеснице, запряжённой четвёркой коней. Кроме того, Аполлон стал богом, предсказывающим будущее. Во всем Древнем мире славилось его святилище в Дельфах, где жрица-пифия давала предсказания. Предсказания эти, конечно, составляли жрецы, хорошо знавшие всё, что делалось в Греции, и составляли так, что их можно было толковать и в ту и в другую сторону. Известно было в древности предсказание, данное в Дельфах царю Лидии Крезу во время его войны с Персией. Ему сказали: «Если ты перейдёшь реку Галис, то погубишь великое царство», – но какое царство: своё или персидское, – сказано не было.

новили этот пустынный остров. Он стал незыблемо на том самом месте, где стоит и до сих пор. Кругом Делоса шумело море. Уныло подымались скалы Делоса, обнажённые, без малейшей растительности. Лишь чайки морские находили приют на этих скалах и оглашали их своим печальным криком. Но вот родился бог Аполлон, и всюду разлились потоки яркого света. Как золотом, залили они скалы Делоса. Всё кругом зацвело, засверкало: и прибрежные скалы, и гора Кинт, и долина, и море. Громко славили родившегося бога собравшиеся на Делосе богини, поднося ему амброзию и нектар. Вся природа вокруг ликовала вместе с богинями.

Борьба Аполлона с Пифоном и основание Дельфийского оракула

Юный светозарный Аполлон понёсся по лазурному небу с кифарой[23] в руках, с серебряным луком за плечами; золотые стрелы громко звенели в его колчане. Гордый, ликующий, нёсся Аполлон высоко над землёй, грозя всему злому, всему порождённому мраком. Он стремился туда, где жил грозный Пифон, преследовавший его мать Латону, чтобы отомстить ему за всё зло, которое тот ей причинил.

Быстро достиг Аполлон мрачного ущелья, жилища Пифона. Кругом высились скалы, уходя высоко в небо. Мрак царил в ущелье. По дну его стремительно нёсся, седой от пены,

[23] Древнегреческий струнный музыкальный инструмент, подобный лире.

горный поток, а над потоком клубились туманы. Выполз из своего логовища ужасный Пифон. Громадное тело его, покрытое чешуёй, извивалось меж скал бесчисленными кольцами. Скалы и горы дрожали от тяжести его тела и сдвигались с места. Яростный Пифон всё предавал опустошению, смерть распространял он вокруг. В ужасе бежали нимфы и всё живое. Поднялся Пифон, могучий, яростный, раскрыл свою ужасную пасть и уже готов был поглотить златокудрого Аполлона. Тогда раздался звон тетивы серебряного лука, как искра сверкнула в воздухе не знающая промаха золотая стрела, за ней – другая, третья; стрелы дождём посыпались на Пифона, и он бездыханным упал на землю. Громко зазвучала торжествующая победная песнь (пэан) златокудрого Аполлона, победителя Пифона, и вторили ей золотые струны кифары бога. Аполлон зарыл в землю тело Пифона там, где стоят священные Дельфы, и основал в Дельфах святилище и оракул, чтобы прорицать в нём людям волю отца своего Зевса.

С высокого берега далеко в море Аполлон увидел корабль критских моряков. Под видом дельфина бросился он в синее море, настиг корабль и лучезарной звездой взлетел из морских волн на корму его. Аполлон привёл корабль к пристани города Крисы[24] и через плодородную долину повёл критских моряков, играя на золотой кифаре, в Дельфы и сделал их первыми жрецами своего святилища.

[24] Город на берегу Коринфского залива, служивший гаванью для Дельф.

Дафна

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Светлый, радостный бог Аполлон знает и печаль, и его постигло горе. Он познал горе вскоре после победы над Пифоном. Когда Аполлон, гордый своей победой, стоял над сражённым его стрелами чудовищем, он увидел около себя юного бога любви Эрота, натягивавшего свой золотой лук. Сме-

ясь, сказал ему Аполлон:

– На что тебе, дитя, такое грозное оружие? Предоставь-ка лучше мне посылать разящие золотые стрелы, которыми я сейчас убил Пифона. Тебе ль равняться славой со мной, стреловержцем? Уж не хочешь ли ты достигнуть большей славы, чем я?

Обиженный Эрот гордо ответил Аполлону:

– Стрелы твои, Феб-Аполлон, не знают промаха, всех разят они, но моя стрела поразит тебя.

Эрот взмахнул своими золотыми крыльями и в мгновение ока взлетел на высокий Парнас. Там вынул он из колчана две стрелы: одну – ранящую сердце и вызывающую любовь, ею пронзил он сердце Аполлона, другую – убивающую любовь, её пустил он в сердце нимфы Дафны, дочери речного бога Пенея.

Встретил как-то прекрасную Дафну Аполлон и полюбил её. Но лишь только Дафна увидала златокудрого Аполлона, как с быстротою ветра пустилась бежать, ведь стрела Эрота, убивающая любовь, пронзила её сердце. Поспешил ей вслед сребролукий бог.

– Стой, прекрасная нимфа, – взывал Аполлон, – зачем бежишь ты от меня, словно овечка, преследуемая волком? Словно голубка, спасающаяся от орла, несёшься ты! Ведь я же не враг твой! Смотри, ты поранила ноги об острые шипы терновника. О, погоди, остановись! Ведь я Аполлон, сын громовержца Зевса, а не простой смертный пастух.

Но всё быстрее бежала прекрасная Дафна. Как на крыльях мчался за ней Аполлон. Все ближе он. Вот сейчас настигнет! Дафна чувствует его дыхание. Силы оставляют её. Взмолилась Дафна к отцу своему Пенею:

– Отец Пеней, помоги мне! Расступись скорее, земля, и поглоти меня! О, отнимите у меня этот образ, он причиняет мне одно страдание!

Лишь только сказала она это, как тотчас онемели её члены. Кора покрыла её нежное тело, волосы обратились в листву, а руки, поднятые к небу, – в ветви. Долго, печальный, стоял Аполлон пред лавром и, наконец, промолвил:

– Пусть же венок лишь из твоей зелени украшает мою голову, пусть отныне украшаешь ты своими листьями мою кифару и мой колчан. Пусть никогда не вянет, о лавр, твоя зелень! Стой же вечнозелёным!

А лавр тихо зашелестел в ответ Аполлону своими густыми ветвями и, как бы в знак согласия, склонил свою зелёную вершину.

Аполлон у Адмета

Аполлон должен был очиститься от греха пролитой крови Пифона. Ведь и сам он очищает людей, совершивших убийство. Он удалился по решению Зевса в Фессалию, к прекрасному и благородному царю Адмету. Там пас он стада царя и этой службой искупил свой грех. Когда Аполлон играл

средь пастбища на тростниковой флейте или на золотой кифаре, дикие звери выходили из лесной чащи, очарованные его игрой. Пантеры и свирепые львы мирно ходили среди стад. Олени и серны сбегались на звуки флейты. Мир и радость царили вокруг. Благоденствие вселилось в дом Адмета: ни у кого не было таких плодов, его кони и стада были лучшими во всей Фессалии. Все это дал ему златокудрый бог. Аполлон помог Адмету получить руку дочери царя Иолка Пелия, Алкесты. Отец обещал отдать её в жёны лишь тому, кто будет в силах запрячь в свою колесницу льва и медведя. Тогда Аполлон наделил своего любимца Адмета непоборимой силой, и он исполнил эту задачу Пелия. Аполлон служил у Адмета восемь лет, а окончив срок своей искупающей грех службы, вернулся в Дельфы.

Весну и лето живёт Аполлон в Дельфах. Когда же наступает осень, вянут цветы и листья на деревьях желтеют, когда близка уже холодная зима, покрывающая снегом вершину Парнаса, тогда Аполлон на своей колеснице, запряжённой белоснежными лебедями, уносится в не знающую зимы страну гипербореев, в страну вечной весны. Там живёт он всю зиму. Когда же вновь зазеленеет всё в Дельфах, когда под живящим дыханием весны распустятся цветы и пёстрым ковром покроют долину Крисы, возвращается на лебедях своих златокудрый Аполлон в Дельфы прорицать людям волю громовержца Зевса. Тогда в Дельфах празднуют возвращение бога-прорицателя Аполлона из страны гиперборе-

ев. Всю весну и лето живёт он в Дельфах, посещает он и родину свою, Делос, где у него тоже есть великолепное святилище.

Аполлон и музы

Весной и летом на склонах лесистого Геликона, там, где таинственно журчат священные воды источника Гиппокрены, и на высоком Парнасе, у чистых вод Кастильского родника, Аполлон водит хороводы с девятью музами. Юные прекрасные музы, дочери Зевса и Мнемосины[25], – постоянные спутницы Аполлона. Он предводительствует хором муз и сопровождает их пение игрой на своей золотой кифаре. Величаво идёт Аполлон впереди хора муз, увенчанный лавровым венком, за ним следуют все девять муз: Каллиопа – муза эпической поэзии, Эвтерпа – муза лирики, Эрато – муза любовных песен, Мельпомена – муза трагедии, Талия – муза комедии, Терпсихора – муза танцев, Клио – муза истории, Урания – муза астрономии и Полигимния – муза священных гимнов. Торжественно гремит их хор, и вся природа как зачарованная внимает их божественному пению.

Когда же Аполлон в сопровождении муз появляется в сонме богов на светлом Олимпе и раздаются звуки его кифары и пение муз, тогда замолкает всё на Олимпе. Забывает Арес о шуме кровавых битв, не сверкает молния в руках тучего-

[25] Богиня памяти.

нителя Зевса, боги забывают раздоры, мир и тишина воцаряются на Олимпе. Даже орёл Зевса опускает свои могучие крылья и закрывает свои зоркие очи, не слышно его грозного клёкота, он тихо дремлет на жезле Зевса. В полной тиши торжественно звучат струны кифары Аполлона. Когда же Аполлон весело ударяет по золотым струнам кифары, тогда светлый, сияющий хоровод движется в пиршественном зале богов. Музы, хариты, вечно юная Афродита, Арес с Гермесом – все участвуют в весёлом хороводе, а впереди всех идёт величественная дева, сестра Аполлона, прекрасная Артемида. Залитые потоком золотого света, пляшут юные боги под звуки кифары Аполлона.

Сыновья Алоэя

Грозен далекоразящий Аполлон в своём гневе, и не знают тогда пощады его золотые стрелы. Многих поразили они. От них погибли гордые своей силой, не желавшие никому подчиняться сыновья Алоэя, От и Эфиальт. Уже в раннем детстве славились они своим громадным ростом, своей силой и не знающей преград храбростью. Будучи ещё юношами, стали грозить богам-олимпийцам От и Эфиальт: «О, дайте нам только возмужать, дайте только достигнуть полной меры нашей сверхъестественной силы. Мы нагромоздим тогда одну на другую горы Олимп, Пелион и Оссу[26] и взойдём по ним

[26] Величайшие горы на побережье Эгейского моря, в Фессалии.

на небо. Мы похитим тогда у вас, олимпийцы, Геру и Артемиду».

Так, подобно титанам, грозили олимпийцам непокорные сыновья Алоэя. Они исполнили бы свою угрозу. Ведь сковали же они цепями грозного бога войны Ареса – целых тридцать месяцев томился он в медной темнице. Долго бы ещё томился ненасытный бранью Арес в плену, если бы не похитил его, лишённого сил, быстрый Гермес. Могучи были От и Эфиальт. Аполлон не снёс их угроз. Натянул далекоразящий бог свой серебряный лук; словно искры пламени, сверкнули в воздухе его золотые стрелы, и пали пронзённые стрелами От и Эфиальт.

Марсий

Жестоко наказал Аполлон и фригийского сатира Марсия за то, что тот осмелился состязаться с ним в музыке. Кифаред[27] Аполлон не снёс такой дерзости. Однажды, блуждая по полям Фригии, Марсий нашёл тростниковую флейту. Её бросила богиня Афина, заметив, что игра на изобретённой ею самой флейте обезображивает её божественно прекрасное лицо. Афина прокляла своё изобретение и сказала: «Пусть же жестоко будет наказан тот, кто подымет эту флейту».

Ничего не зная о проклятии Афины, Марсий поднял

[27] То есть играющий на кифаре.

флейту и вскоре научился так хорошо играть на ней, что все заслушивались этой незатейливой музыкой. Марсий возгордился и вызвал самого покровителя музыки Аполлона на состязание.

Аполлон явился на вызов в длинной пышной хламиде, в лавровом венке и с золотой кифарой в руках.

Каким ничтожным казался перед величественным, прекрасным Аполлоном житель лесов и полей Марсий со своей жалкой тростниковой флейтой! Разве мог он извлечь из флейты такие дивные звуки, какие слетали с золотых струн кифары предводителя муз Аполлона! Победил Аполлон, но, разгневанный вызовом, велел повесить за руки несчастного Марсия и содрать с него, живого, кожу. Так поплатился Марсий за свою смелость. А кожу Марсия повесили в гроте у Келен во Фригии, и рассказывали потом, что она всегда начинала двигаться, словно танцевала, когда долетали в грот звуки фригийской тростниковой флейты, и оставалась неподвижной, когда раздавались величавые звуки кифары.

Асклепий (Эскулап)

Но не только мстителем является Аполлон, не только гибель шлёт он своими золотыми стрелами; он врачует болезни. Сын же Аполлона Асклепий – бог врачей и врачебного искусства. Мудрый кентавр Хирон воспитал Асклепия на склонах Пелиона. Под его руководством Асклепий стал та-

ким искусным врачом, что превзошёл даже своего учителя Хирона. Асклепий не только исцелял все болезни, но даже умерших возвращал к жизни. Этим прогневал он властителя царства умерших Аида и громовержца Зевса, так как нарушил закон и порядок, установленный Зевсом на земле. Разгневанный Зевс метнул свою молнию и поразил Асклепия. Но люди обожествили сына Аполлона как бога-целителя. Они воздвигли ему много святилищ, и среди них – знаменитое святилище Асклепия в Эпидавре.

По всей Греции чтили Аполлона. Греки почитали его как бога света, бога, очищающего человека от скверны пролитой крови, бога, прорицающего волю отца его Зевса, карающего, насылающего болезни и исцеляющего их. Его почитали юноши-греки как своего покровителя. Аполлон ещё и покровитель мореходства: помогает основанию новых колоний и городов. Художники, поэты, певцы и музыканты стоят под особым покровительством предводителя хора муз, Аполлона-кифареда. Аполлон равен самому Зевсу-громовержцу по тому поклонению, которое воздавали ему греки.

Артемида[28]

Вечно юная, прекрасная богиня родилась на Делосе в одно время с братом своим, златокудрым Аполлоном. Они близнецы. Самая искренняя любовь, самая тесная дружба соединяют брата и сестру. Глубоко любят они и мать свою Латону.

Всем даёт жизнь Артемида, а также заботится обо всём, что живёт на земле и растёт в лесу и в поле. Заботится она о диких зверях, о стадах домашнего скота и о людях. Она вызывает рост трав, цветов и деревьев, она благословляет рождение, свадьбу и брак. Богатые жертвы приносят греческие женщины славной дочери Зевса Артемиде, благословляющей и дающей счастье в браке, исцеляющей и насылающей болезни.

Богиня Артемида с луком и колчаном за плечами, с копьём охотника в руках весело охотится в тенистых лесах и за-

---

[28] У римлян – Диана. Одна из древнейших богинь Греции. Как можно предполагать, Артемида – богиня-охотница – первоначально была покровительницей животных – как домашних, так и диких. Сама Артемида в древнейшее время изображалась иногда в виде животного, например медведицы. Так изображалась Артемида брауронская в Аттике, недалеко от Афин. Затем Артемида становится богиней – охранительницей матери во время рождения ребёнка, дающей благополучные роды. Как сестра Аполлона, бога света, она считалась также богиней луны и отождествлялась с богиней Селеной. Культ Артемиды – один из самых распространённых в Греции. Знаменит был её храм в городе Эфесе (Артемида эфесская).

литых солнцем полях. Шумная толпа нимф сопровождает её, а она, величественная, в короткой одежде охотницы, доходящей лишь до колен, быстро несётся по лесистым склонам гор. Не спастись от её не знающих промаха стрел ни пугливому оленю, ни робкой лани, ни разъярённому кабану, что пытается скрыться в зарослях камыша. За Артемидой спешат её спутницы – нимфы. Весёлый смех, крики, лай своры собак далеко раздаются в горах, и отвечает им громко горное эхо. Когда же утомится богиня на охоте, то спешит она с нимфами в священные Дельфы, к любимому брату, стреловержцу Аполлону. Там отдыхает она. Под божественные звуки золотой кифары Аполлона водит она хороводы с музами и нимфами. Впереди всех идёт в хороводе Артемида, стройная, прекрасная – прекраснее всех нимф и муз и выше на целую голову. Любит отдыхать Артемида и в дышащих прохладой, увитых зеленью гротах, вдали от взоров смертных. Горе тому, кто нарушает покой её. Так погиб и юный Актеон, сын Автонои, дочери фиванского царя Кадма.

Актеон

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Однажды охотился Актеон со своими товарищами в лесах Киферона. Настал жаркий полдень. Утомлённые охотники расположились на отдых в тени густого леса, а юный Актеон, отделившись от них, пошёл искать прохлады в долинах Киферона. Вышел он на зелёную, цветущую долину Гаргафию[29], посвящённую богине Артемиде. Пышно разрослись в долине платаны, мирты и пихты; как тёмные стрелы, высились на ней стройные кипарисы, а зелёная трава пестрела цветами. Прозрачный ручей журчал в долине. Всюду царили тишина, покой и прохлада. В крутом склоне горы увидел Актеон прелестный грот, весь обвитый зеленью, и пошёл к нему, не зная, что это любимое место отдыха дочери Зевса, Артемиды.

Когда Актеон подошёл к гроту, Артемида, отдав лук и стрелы одной из нимф, готовилась к купанию. Освободив богиню от сандалий и завязав волосы узлом, нимфы уже хотели идти к ручью зачерпнуть студёной воды, как у входа в грот показался Актеон. Громко вскрикнули нимфы, увидав входящего Актеона, окружили Артемиду, пытаясь скрыть от взора смертного. Подобно тому, как пурпурным огнём зажи-

[29] Находится в Беотии; там же – одноимённый родник, питавший влагой всю долину.

гает облака восходящее солнце, так зарделось краской гнева лицо богини, гневом сверкнули её очи, и ещё прекраснее стала она. Разгневалась на то Артемида, что Актеон нарушил её покой, и в гневе превратила несчастного юношу в оленя. Ветвистые рога тотчас выросли на его голове, ноги и руки обратились в ноги стройного оленя. Вытянулась его шея, заострились уши, пятнистая шерсть покрыла всё тело. Пугливый олень обратился в поспешное бегство. Увидел Актеон своё отражение в ручье и хотел было воскликнуть: «О горе!» – но нет у него дара речи. Слёзы покатились из глаз – но из глаз оленя, и только разум человека сохранился у него. Что делать ему? Куда бежать?

Собаки Актеона почуяли след оленя (не узнали своего хозяина) и с яростным лаем бросились за ним. Через долины по ущельям Киферона, по стремнинам гор, через леса и поля как ветер нёсся прекрасный олень, закинув на спину ветвистые рога, а за ним мчались собаки. Всё ближе и ближе собаки, вот они настигли его, и их острые зубы впились в тело несчастного Актеона-оленя. Хочет крикнуть Актеон: «О, пощадите! Ведь это я, ваш хозяин!» – но только стон вырывается из груди оленя, и слышится в этом стоне звук голоса человека. Упал на колени олень Актеон. Скорбь, ужас и мольба видны в его глазах. Неизбежна гибель, рвут его тело на части рассвирепевшие псы.

Подоспевшие товарищи Актеона жалели, что нет его с ними при таком счастливом лове. Дивного оленя затравили со-

баки. Не знали товарищи Актеона, кто этот олень.

Так погиб Актеон, нарушивший покой богини Артемиды, единственный из смертных, видевший небесную красоту дочери громовержца Зевса и Латоны.

Афина Паллада[30]

Рождение Афины

Самим Зевсом рождена была богиня Афина Паллада. Зевс-громовержец знал, что у богини разума, Метис, будет двое детей: дочь Афина и сын, необычайного ума и силы. Мойры, богини судьбы, открыли Зевсу тайну, что сын богини Метис свергнет его с престола и отнимет у него власть над миром. Испугался великий Зевс. Чтобы избежать грозной судьбы, которую сулили ему мойры, он, усыпив богиню Метис ласковыми речами, проглотил её, прежде чем у неё родилась дочь, богиня Афина. Через некоторое время почувствовал Зевс страшную головную боль. Тогда он призвал своего сына Гефеста и приказал разрубить себе голову, чтобы избавиться от невыносимой боли и шума в голове. Взмахнул Гефест топором, мощным ударом расколол череп Зевсу, не причинив при этом вреда, и вышла на свет из головы громовержца могучая воительница, богиня Афина Паллада. В полном вооружении, в блестящем шлеме, с копьём и щи-

[30] У римлян – Минерва. Одна из наиболее почитаемых богинь Греции; играла большую роль в греческом народном эпосе. Афина – хранительница городов. В гомеровской Трое была статуя Афины, якобы упавшая с неба, так называемый «палладиум»: считалось, что она охраняет Трою. С ростом греческой культуры Афина стала также и покровительницей науки.

том предстала она пред изумлёнными очами богов-олимпийцев. Грозно потрясла она своим сверкающим копьём. Воинственный клич её раскатился далеко по небу, и до самого основания потрясся светлый Олимп. Прекрасная, величественная, стояла она перед богами. Голубые глаза Афины горели божественной мудростью, вся она сияла дивной, небесной, мощной красотой. Славили боги рождённую из головы отца Зевса любимую дочь его, защитницу городов, богиню мудрости и знания, непобедимую воительницу Афину Палладу.

Афина покровительствует героям Греции, даёт им свои полные мудрости советы и помогает, непоборимая, во время опасности. Она хранит города, крепости и их стены. Она даёт мудрость и знание, учит людей искусствам и ремёслам. И девушки Греции чтут Афину за то, что она учит их рукоделию. Никто из смертных и богинь не может превзойти Афину в искусстве ткать. Знают все, как опасно состязаться с ней в этом; знают, как поплатилась Арахна, дочь Идмона, пытавшаяся превзойти Афину в этом искусстве.

Арахна

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

На всю Лидию[31] славилась Арахна своим искусством. Часто собирались нимфы со склонов Тмола и с берегов зла-

[31] Государство в Малой Азии, разгромленное персами в VI в. до н. э.

тоносного Пактола любоваться её работой. Арахна пряла из нитей, подобных туману, ткани, прозрачные, как воздух. Гордилась она, что нет ей равных на свете в искусстве ткать. Однажды воскликнула она:

– Пусть приходит сама Афина Паллада состязаться со мной! Не победить ей меня; не боюсь я этого.

И вот, под видом седой сгорбленной старухи, опершись на посох, предстала перед Арахной богиня Афина и сказала:

– Не одно зло несёт с собой, Арахна, старость: годы несут

с собой опыт. Послушайся моего совета: стремись превзойти лишь смертных своим искусством. Не вызывай богиню на состязание. Смиренно моли её простить тебя за надменные слова. Молящих прощает богиня.

Арахна выпустила из рук тонкую пряжу; гневом сверкнули её очи. Уверенная в своём искусстве, смело ответила она:

– Ты неразумна, старуха. Старость лишила тебя разума. Читай такие наставления своим невесткам и дочерям, меня же оставь в покое. Я сумею и сама дать себе совет. Что я сказала, то пусть и будет. Что же не идёт Афина, отчего не хочет она состязаться со мной?

– Я здесь, Арахна! – воскликнула богиня, приняв свой настоящий образ.

Нимфы и лидийские женщины низко склонились пред любимой дочерью Зевса и принялась славить её. Одна лишь Арахна молчала. Подобно тому как алым светом загорается ранним утром небосклон, когда взлетает на небо на своих сверкающих крыльях розоперстая Заря (Эос), так зарделось краской гнева лицо Афины. Стоит на своём решении Арахна: по-прежнему страстно желает состязаться с Афиной. Она не предчувствует, что грозит ей скорая гибель.

Началось состязание. Великая богиня Афина выткала на своём покрывале посередине величественный афинский Акрополь, а на нём изобразила свой спор с Посейдоном за власть над Аттикой. Двенадцать светлых богов Олимпа, а среди них отец её, Зевс-громовержец, сидят как судьи

в этом споре. Поднял колебатель земли Посейдон свой трезубец и ударил им в скалу, и хлынул солёный источник из бесплодной скалы. А Афина, в шлеме, со щитом и в эгиде, потрясла своим копьем и глубоко вонзила его в землю. Из земли выросла священная олива. Боги присудили победу Афине, признав её дар Аттике за более ценный[32]. По углам изобразила богиня, как карают боги людей за непокорность, а вокруг выткала венок из листьев оливы. Арахна же изобразила на своём покрывале много сцен из жизни богов, в которых боги являются слабыми, одержимыми человеческими страстями. Кругом же выткала Арахна венок из цветов, перевитых плющом. Верхом совершенства была работа Арахны: не уступала по красоте работе Афины, – но в изображениях её видно было неуважение к богам, даже презрение. Страшно разгневалась Афина: разорвала работу Арахны, а её ударила челноком. Несчастная Арахна не перенесла позора: свила верёвку, сделала петлю и повесилась. Освободив её из петли, Афина сказала ей:

– Живи, непокорная. Но висеть и ткать тебе придётся вечно, и будет длиться это наказание и в твоём потомстве.

Афина окропила Арахну соком волшебной травы, и тотчас тело её сжалось, густые волосы упали с головы, и обратилась она в паука. С той поры висит паук Арахна в своей

[32] Сцена спора Афины с Посейдоном была изображена на фронтоне храма Парфенона в Афинах знаменитым греческим скульптором Фидием (V в. до н. э.); в сильно повреждённом виде фронтон сохранился до нашего времени.

паутине и вечно ткёт её, как ткала при жизни.

Гермес[33]

В гроте горы Киллена в Аркадии[34] родился сын Зевса и Майи, бог Гермес, посланник богов. С быстротой мысли переносится он с Олимпа на самый дальний край света в своих крылатых сандалиях с жезлом-кадуцеем в руках. Гермес охраняет пути, посвящённые ему гермы[35] можно видеть поставленными при дорогах, на перекрёстках и у входов в дома всюду в Древней Греции. Он покровительствует путникам в путешествии при жизни, он же ведёт души умерших в их последний путь – в печальное царство Аида. Своим волшебным жезлом смыкает он глаза людям и погружает их в сон.

---

[33] У римлян – Меркурий. Один из древнейших богов Греции; был первоначально богом – покровителем стад, его изображали иногда с бараном на руках. В гомеровском эпосе Гермес прежде всего посланник богов и проводник душ умерших в подземное царство Аида. Гермес – покровитель путешественников; с развитием торговли Гермес становится богом – покровителем торговли, а следовательно, изворотливости, обмана и даже воровства. Кроме того, Гермес – покровитель юношества, атлетов, бог гимнастики; его статуи ставились в палестрах и гимнасиях – учреждениях, в которых обучали борьбе, кулачному бою, метанию диска, бегу, прыганию и т. д. После завоевания Александром Македонским всей персидской державы (конец IV в. до н. э.), когда в Азии и Египте возникают греческие государства, Гермес отождествляется с египетским богом науки и магии Тотом и становится также богом магии и астрологии (т. е. гадания по звёздам); его начинают называть богом Гермесом трижды величайшим.

[34] Область в центральной части Пелопоннеса.

[35] Каменные столбы, наверху которых высекалась голова Гермеса.

Гермес – покровитель путей и путников, торговых отношений и торговцев, даёт в торговле прибыль и посылает людям богатство. Гермес изобрёл меры, числа, азбуку и обучил всему этому людей. Он же и бог красноречия, а вместе с тем – изворотливости и обмана. Никто не может превзойти его в ловкости, хитрости и даже воровстве, так как он необычайно ловкий вор. Это он украл однажды в шутку у Зевса его скипетр, у Посейдона – трезубец, у Аполлона – золотые стрелы и лук, а у Ареса – меч.

Как Гермес похитил коров Аполлона

Едва родился Гермес в прохладном гроте Киллены, как уже замыслил первую свою проделку: решил похитить коров у сребролукого Аполлона, который пас в это время стада богов в долине Пиэрии, в Македонии. Тихонько, чтобы не заметила мать, выбрался Гермес из пелёнок, выпрыгнул из колыбели и прокрался к выходу из грота. У самого грота он увидал черепаху, поймал её и из щита черепахи и трёх веток сделал первую лиру, натянув на неё сладкозвучные струны. Тайком вернулся Гермес в грот, спрятал лиру в своей колыбели, а сам опять ушёл и быстро, как ветер, понёсся в Пиэрию. Там он похитил из стада Аполлона пятнадцать коров, привязал к их ногам тростник и ветки, чтобы замести след, и быстро погнал по направлению к Пелопоннесу. Когда уже поздно вечером гнал коров через Беотию, Гермес встретил

старика, работавшего в своём винограднике.

– Возьми себе одну из этих коров, – сказал ему Гермес, – только никому не рассказывай, что видел, как я прогнал здесь коров.

Старик, обрадованный щедрым подарком, дал слово Гермесу молчать и не показывать никому, куда тот погнал коров. Гермес пошёл дальше, но не отошёл далеко: захотелось ему испытать старика – сдержит ли он данное слово. Спрятав коров в лесу и изменив свой вид, вернулся он назад и спросил старика:

– Скажи-ка, не прогнал ли тут мальчик коров? Если ты мне укажешь куда, я дам тебе быка и корову.

Недолго колебался старик, сказать или нет, очень уж хотелось ему получить ещё быка и корову, и показал Гермесу, куда угнал мальчик коров. Страшно рассердился Гермес на старика за то, что не сдержал слова, и в гневе превратил его в немую скалу, чтобы вечно молчал он и помнил, что надо держать данное слово.

После этого вернулся Гермес за коровами и быстро погнал их дальше. Наконец пригнал он их в Пилос. Двух коров принёс он в жертву богам, потом уничтожил все следы жертвоприношения, а оставшихся коров спрятал в пещере, введя их в неё задом, чтобы следы вели не в пещеру, а наружу.

Сделав всё это, Гермес спокойно вернулся в грот к матери своей Майе и лёг потихоньку в колыбель, завернувшись в пелёнки.

Но Майя заметила отсутствие сына и с упрёком сказала ему:

– Плохое замыслил ты дело. Зачем похитил коров Аполлона? Разгневается он, а ты знаешь, как грозен в гневе своём сребролукий. Разве не боишься его разящих без промаха стрел?

– Не боюсь я Аполлона, – ответил матери Гермес, – пусть себе гневается. Если он вздумает обидеть тебя или меня, то я в отместку разграблю всё его святилище в Дельфах, украду все его треножники, золото, серебро и одежды.

А Аполлон уже заметил пропажу коров и пустился их разыскивать, но нигде не мог найти. Наконец вещая птица привела его в Пилос, но и там не нашёл своих коров златокудрый Аполлон. В пещеру же, где были спрятаны коровы, он не вошёл – ведь следы вели не в пещеру, а из неё.

Наконец, после долгих бесплодных поисков, пришёл он к гроту Майи. Заслышав приближение Аполлона, Гермес ещё глубже забрался в свою колыбель и плотнее завернулся в пелёнки. Разгневанный Аполлон вошёл в грот Майи и увидал, что Гермес с невинным лицом лежит в своей колыбели. Он начал упрекать Гермеса за кражу коров и требовать, чтобы вернул их, но Гермес от всего отрекался, уверяя Аполлона, что и не думал красть у него коров и совершенно не знает, где они.

– Послушай, мальчик! – воскликнул в гневе Аполлон. – Я свергну тебя в мрачный Тартар, и не спасет тебя ни отец,

ни мать, если ты не вернешь мне моих коров.

– О, сын Латоны! – ответил Гермес. – Не видал я, не знаю и от других не слыхал о твоих коровах. Разве этим я занят? Другое теперь у меня дело, другие заботы. Я забочусь лишь о сне, молоке матери да моих пелёнках. Нет, клянусь, я даже не видел вора твоих коров.

Как ни сердился Аполлон, добиться от хитрого, изворотливого Гермеса ничего не мог. Наконец златокудрый бог вытащил из колыбели Гермеса и заставил его идти в пелёнках к отцу их Зевсу, чтобы тот решил их спор. Пришли оба бога на Олимп. Как ни изворачивался Гермес, как ни хитрил, всё же Зевс велел ему отдать Аполлону похищенных коров.

С Олимпа повёл Гермес Аполлона в Пилос, захватив по дороге сделанную им из щита черепахи лиру. В Пилосе он показал, где спрятаны коровы. Пока Аполлон выгонял коров из пещеры, Гермес сел около неё на камне и заиграл на лире. Дивные звуки огласили долину и песчаный берег моря. Изумлённый Аполлон с восторгом слушал игру Гермеса, а потом отдал ему похищенных коров – так пленили его звуки лиры. А Гермес, чтобы забавляться, когда будет пасти коров, изобрёл себе свирель[36], столь любимую пастухами Греции.

Изворотливый, ловкий, носившийся быстро, как мысль, по свету прекрасный сын Майи и Зевса, Гермес, уже в ран-

[36] Музыкальный духовой инструмент, состоящий из семи разной длины тростниковых трубочек, связанных друг с другом.

нем детстве своём доказавший свою хитрость и ловкость, служил также и олицетворением юношеской силы. Всюду в палестрах[37] стояли его статуи. Он бог молодых атлетов. Его призывали они перед борьбой и состязаниями в быстром беге.

Кто только не чтил Гермеса в Древней Греции: и путник, и оратор, и купец, и атлет, и даже воры.

[37] В античной Греции существовали, главным образом при школах, особые площадки, окружённые часто колоннами, на которых обучали физическим упражнениям, борьбе, кулачному бою и т. п. Такие площадки называли палестрами.

Арес[38], Афродита, Эрот и Гименей[39]

Арес

Бог войны, неистовый Арес, – сын громовержца Зевса и Геры. Не любит его Зевс. Часто говорит он своему сыну, что он самый ненавистный ему среди богов Олимпа. Зевс не любит сына за его кровожадность. Не будь Арес его сыном, он давно низверг бы его в мрачный Тартар, туда, где томятся титаны. Сердце свирепого Ареса радуют только жестокие битвы. Неистовый, носится он средь грохота оружия, криков и стонов битвы между сражающимися, в сверкающем вооружении, с громадным щитом. Следом за ним несутся его сыновья, Деймос и Фобос – ужас и страх, а рядом с ними богиня раздора Эрида и сеющая убийства богиня Энюо. Кипит, грохочет битва; ликует Арес; со стоном падают воины. Торжествует Арес, когда сразит своим ужасным мечом вои-

---

[38] У римлян – Марс. Бог войны, несущий гибель и разрушение, древнегреческий идеал храброго воина. Он сравнительно с другими богами Греции пользовался меньшим почётом. Это сказывается и в том, что, по словам греков, сам бог Зевс недолюбливает своего сына Ареса, постоянно затевающего раздоры, губящего людей и радующегося, когда во время битвы рекой льётся людская кровь.

[39] У римлян *Афродита* – Венера; *Эрот* – Амур или Купидон; *Гименей* – бог брака.

на и хлынет на землю горячая кровь. Без разбора разит он и направо и налево; груда тел вокруг жестокого бога.

Свиреп, неистов, грозен Арес, но победа не всегда сопутствует ему. Часто приходится Аресу уступать на поле битвы воинственной дочери Зевса, Афине Палладе. Побеждает она Ареса мудростью и спокойным сознанием силы. Нередко и смертные герои одерживают верх над Аресом, особенно если им помогает светлоокая Афина Паллада. Так, поразил Ареса медным копьём герой Диомед под стенами Трои. Сама Афина направила удар. Далеко разнёсся по войску троянцев и греков ужасный крик раненого бога. Словно десять тысяч воинов вскрикнули сразу, вступая в яростную битву, – так закричал от боли покрытый медными доспехами Арес. Вздрогнули в ужасе греки и троянцы, а неистовый Арес понёсся, окутанный мрачным облаком, покрытый кровью, с жалобами на Афину к отцу своему Зевсу. Но отец Зевс не стал слушать его жалоб. Он не любит своего сына, которому приятны лишь распри, битвы да убийства.

Если даже жена Ареса, прекраснейшая из богинь Афродита, приходит на помощь своему мужу, когда он в пылу битвы встретится с Афиной, и тогда выходит победительницей любимая дочь громовержца Зевса. Воительница Афина одним ударом повергает на землю прекрасную богиню любви Афродиту. Со слезами возносится на Олимп вечно юная, дивно прекрасная Афродита, а вслед ей раздаётся торжествующий смех и несутся насмешки Афины.

Афродита[40]

Не изнеженной, ветреной богине Афродите вмешиваться в кровавые битвы. Она будит в сердцах богов и смертных любовь. Благодаря этой власти она царит над всем миром.

Никто не может избежать её власти, даже боги. Только воительница Афина, Гестия и Артемида не подчинены её могуществу. Высокая, стройная, с нежными чертами лица, с мягкой волной золотых волос, как венец лежащих на её прекрасной голове, Афродита – олицетворение божественной красоты и неувядаемой юности. Когда она идёт, в блеске своей красоты, в благоухающих одеждах, тогда ярче светит солнце, пышнее цветут цветы. Дикие лесные звери бегут к ней из чащи леса; к ней стаями слетаются птицы, когда она идёт по лесу. Львы, пантеры, барсы и медведи кротко ласкаются к ней. Спокойно идёт среди диких зверей Афродита, гордая своей лучезарной красотой. Её спутницы, оры и хариты, богини красоты и грации, прислуживают ей: облачают в роскошные одежды, причёсывают её златые волосы, венчают её голову сверкающей диадемой.

---

[40] Первоначально богиня неба, посылающая дождь, а также, по-видимому, и богиня моря. На мифе об Афродите и её культе сильно сказалось восточное влияние, главным образом культа финикийской богини Астарты. Постепенно Афродита становится богиней любви. Бог любви Эрот (Амур) – её сын.

Около острова Кифера родилась Афродита, дочь Урана, из белоснежной пены морских волн. Лёгкий, ласкающий ветерок принёс её на остров Кипр[41]. Там окружили юные оры вышедшую из морских волн богиню любви, облекли в златотканую одежду и увенчали венком из благоухающих цветов. Где только не ступала Афродита, там пышно разрастались цветы. Весь воздух полон был благоуханием. Эрот и Гимерот[42] повели дивную богиню на Олимп. Громко приветствовали её боги. С тех пор всегда живёт среди богов Олимпа златая Афродита, вечно юная, прекраснейшая из богинь.

Пигмалион

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Афродита дарит счастье тому, кто верно служит ей. Так дала она счастье и Пигмалиону, великому кипрскому художнику. Пигмалион ненавидел женщин и жил уединённо, избегая брака. Однажды сделал он из блестящей белой слоновой кости статую девушки необычайной красоты. Как живая стояла эта статуя в мастерской художника. Казалось, она дышит; казалось, что вот-вот двинется, пойдёт и заговорит. Целыми часами любовался художник своим произведением

[41] По названию острова – Кипр, – где Афродита явилась из пены морской, её также именовали Кипридой.

[42] Бог страстной любви.

и полюбил, наконец, созданную им самим статую. Он дарил ей драгоценные ожерелья, браслеты и серьги, наряжал в роскошные одежды, украшал голову венками из цветов. Как часто шептал Пигмалион:

– О, если бы ты была живая, если бы могла отвечать на мои речи, о как был бы я счастлив!

Но статуя была нема.

Наступили дни празднества в честь Афродиты. Пигмалион принёс богине любви в жертву белую тёлку с вызолоченными рогами, простёр к богине руки и с молитвой прошептал:

– О, вечные боги и ты, златая Афродита! Если вы можете дать всё молящему, то дайте мне жену, столь же прекрасную, как та статуя девушки, которая сделана мной самим.

Пигмалион не решился просить богов-олимпийцев оживить его статую: боялся прогневать такой просьбой. Ярко вспыхнуло жертвенное пламя перед изображением богини любви Афродиты – так она будто бы давала понять Пигмалиону, что боги услышали его мольбу.

Вернулся художник домой, подошёл к статуе, и – о счастье, о радость! – статуя ожила! Бьется её сердце, светится жизнь в её глазах. Так дала богиня Афродита красавицу жену Пигмалиону.

Нарцисс

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Но кто не чтит златую Афродиту, кто отвергает дары её, кто противится её власти, того немилосердно карает богиня любви. Так покарала она сына речного бога Кефиса и нимфы Лавриоиы, прекрасного, но холодного, гордого Нарцисса. Никого не любил он, кроме одного себя, лишь себя считал достойным любви.

Однажды, когда он заблудился в густом лесу во время охоты, увидала его нимфа Эхо. Нимфа не могла сама заговорить с Нарциссом. На ней тяготело наказание богини Геры: молчать должна была нимфа Эхо, а отвечать на вопросы могла лишь тем, что повторяла последние слова. С восторгом смотрела Эхо на стройного красавца юношу, скрытая от него лесной чащей. Нарцисс огляделся кругом, не зная, куда идти, и громко крикнул:

– Эй, кто здесь?

– Здесь! – раздался громкий ответ Эхо.

– Иди сюда! – крикнул Нарцисс.

– Сюда! – ответила Эхо.

С изумлением оглянулся прекрасный Нарцисс по сторо-

нам, но никого не увидел, и удивлённый громко воскликнул:

– Сюда, скорей ко мне!

И радостно откликнулась Эхо:

– Ко мне!

Протягивая руки, поспешила нимфа из леса, но гневно оттолкнул её прекрасный юноша, ушёл поспешно и скрылся в тёмном лесу.

Спряталась в лесной непроходимой чаще и несчастная, отвергнутая нимфа, где страдала от любви к Нарциссу, никому не показывалась и только печально отзывалась на всякий возглас.

А Нарцисс, всё такой же гордый, самовлюблённый, всех отвергал. Многих нимф сделала несчастными его гордость. И вот одна из отвергнутых им нимф воскликнула: «Полюби же и ты, Нарцисс! И пусть не отвечает тебе взаимностью человек, которого ты полюбишь!»

Исполнилось пожелание нимфы. Разгневалась богиня любви Афродита на то, что Нарцисс отвергает её дары, и наказала его. Однажды весной во время охоты Нарцисс подошёл к ручью и захотел напиться студёной воды. Ещё ни разу не касались вод этого ручья ни пастух, ни горные козы, ни разу не падала в ручей сломанная ветка, даже ветер не заносил в ручей лепестков пышных цветов. Вода его была чиста и прозрачна. Как в зеркале, отражалось в ней всё вокруг: и кусты, разросшиеся по берегу, и стройные кипарисы, и голубое небо. Нагнулся Нарцисс к ручью, опершись руками на

камень, выступавший из воды, и отразился в ручье весь, во всей своей красе. Тут-то и постигла его кара Афродиты.

В изумлении смотрит он на своё отражение в воде, и сильная любовь овладевает им. Полные любви глаза устремлены на прекрасного юношу, который манит его, зовёт, простирает к нему руки. Наклоняется Нарцисс к зеркалу вод, чтобы поцеловать своё отражение, но целует только студёную прозрачную воду ручья. Всё забыл Нарцисс: не уходит от ручья, не отрываясь любуется самим собой. Он не ест, не пьёт, не спит. Наконец, полный отчаяния, восклицает Нарцисс, простирая руки к своему отражению:

– О, кто страдал так жестоко! Нас разделяют не горы, не моря, а только полоска воды, и всё же не можем мы быть с тобой вместе. Выйди же из ручья!

Задумался Нарцисс, глядя на своё отражение в воде. Вдруг страшная мысль пришла ему в голову, и тихо шепчет он своему отражению, наклоняясь к самой воде:

– О горе! Я боюсь, не полюбил ли я самого себя! Ведь ты – я сам! Я люблю самого себя. Я чувствую, что жить мне осталось немного. Едва расцветши, увяну я и сойду в мрачное царство теней. Смерть не страшит меня: смерть принесёт ко-

нец мукам любви.

Покидают силы Нарцисса, бледнеет он и чувствует уже приближение смерти, но всё-таки не может оторваться от своего отражения. Плачет Нарцисс, и падают его слёзы в прозрачные воды ручья. Тут заметил юноша, как по зеркальной поверхности воды пошли круги, прекрасное изображение пропало, и воскликнул со страхом:

– О, где ты? Вернись! Останься! Не покидай меня, ведь это жестоко. О, дай хоть смотреть на тебя!

Но вот опять спокойна вода, опять появилось отражение, опять, не отрываясь, смотрит на него Нарцисс. Тает он, как роса на цветах, в лучах горячего солнца. Видит и несчастная нимфа Эхо, как страдает Нарцисс. Она по-прежнему любит его, страдания Нарцисса болью сжимают ей сердце.

– О горе! – восклицает Нарцисс.

– Горе! – отвечает Эхо.

Наконец, измученный, слабеющим голосом воскликнул Нарцисс, глядя на своё отражение:

– Прощай!

И ещё тише, чуть слышно, прозвучал отклик нимфы Эхо:

– Прощай…

Склонилась голова Нарцисса на зелёную прибрежную траву, и мрак смерти покрыл его очи. Умер Нарцисс. Плакали в лесу младые нимфы, и плакала Эхо. Приготовили нимфы юному Нарциссу могилу, но когда пришли за его телом, то не нашли его. На том месте, где склонилась на траву голо-

ва Нарцисса, вырос белый душистый цветок – цветок смерти; нарцисс зовут его.

Адонис[43]

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Но богиня любви, так покаравшая Нарцисса, знала и сама муки любви, и ей пришлось оплакивать любимого ею Адониса. Она любила сына царя Кипра, Адониса. Никто из смертных не был равен ему красотою, он был даже прекрасней богов-олимпийцев. Забыла для него Афродита и Патмос, и цветущую Киферу. Адонис был ей милее даже светлого Олимпа. Всё время проводила она с юным Адонисом. С ним охотилась она в горах и лесах Кипра подобно деве Артемиде. Забыла Афродита о своих золотых украшениях, о своей красоте. Под палящими лучами и в непогоду охотилась она на зайцев, пугливых оленей и серн, избегая охоты на грозных львов и кабанов. И Адониса просила она избегать опасностей охоты на львов, медведей и кабанов, чтобы не случилось с ним несчастья. Редко покидала богиня царского сына, а покидая его, каждый раз молила помнить её просьбы.

Однажды в отсутствие Афродиты собаки Адониса во вре-

[43] Миф об Адонисе и Афродите заимствован греками у финикиян. Имя Адонис не греческое, а финикийское и значит «господин». Финикияне же заимствовали этот миф у вавилонян: о богине плотской любви Иштар и прекрасном Таммузе, умиравшем и каждую весну воскресавшем боге плодородия и скотоводства.

мя охоты напали на след громадного кабана. Они подняли зверя и с яростным лаем погнали его. Адонис радовался такой богатой добыче, даже не подозревая, что это его последняя охота. Всё ближе лай собак, вот уже мелькнул громадный кабан среди кустов. Адонис уже готовился пронзить разъярённого кабана своим копьём, как вдруг кинулся на него кабан и своими громадными клыками смертельно ранил любимца Афродиты. Умер Адонис от страшной раны.

Когда Афродита узнала о смерти Адониса, то, полная невыразимого горя, сама пошла в горы Кипра искать тело любимого юноши. По крутым горным стремнинам, среди мрачных ущелий, по краям глубоких пропастей шла Афродита. Острые камни и шипы терновника изранили нежные ноги богини. Капли её крови падали на землю, оставляя след всюду, где проходила богиня. Наконец нашла Афродита тело Адониса. Горько плакала она над рано погибшим прекрасным юношей. Чтобы навсегда сохранилась память о нём, велела богиня вырасти из крови Адониса нежному анемону. А там, где падали из израненных ног богини капли крови, всюду выросли пышные розы, алые, как кровь Афродиты. Сжалился Зевс-громовержец над горем богини любви и повелел брату своему Аиду и жене его Персефоне отпускать каждый год Адониса на землю из печального царства теней умерших. С тех пор полгода остаётся Адонис в царстве Аида, а полгода живёт на земле с богиней Афродитой. Вся природа ликует, когда возвращается на землю, к ярким лучам солнца

юный прекрасный любимец златой Афродиты Адонис.

Эрот

Прекрасная Афродита царит над миром. У неё, как у Зевса-громовержца, есть посланник: через него выполняет она свою волю. Этот посланник Афродиты – сын её, Эрот, весёлый, шаловливый, коварный, а подчас и жестокий мальчик. Эрот носится на своих блестящих золотых крыльях над землями и морями, быстрый и лёгкий, как дуновение ветерка. В руках его – маленький золотой лук, за плечами – колчан со стрелами. Никто не защищён от этих золотых стрел. Без промаха попадает в цель Эрот; как стрелок не уступает он самому стреловержцу, златокудрому Аполлону. Когда попадает в цель Эрот, глаза его светятся радостью, он с торжеством высоко закидывает свою курчавую головку и громко смеётся.

Стрелы Эрота несут с собой радость и счастье, но часто страдания, муки любви и даже гибель. Самому златокудрому Аполлону, самому тучегонителю Зевсу немало страданий причинили эти стрелы.

Зевс знал, как много горя и зла принесёт с собой в мир сын златой Афродиты, поэтому хотел, чтобы умертвили его ещё при рождении. Но разве могла допустить это мать? Она скрыла Эрота в непроходимом лесу, и там, в лесных дебрях, вскормили малютку молоком своим две свирепые львицы.

Вырос Эрот, и вот носится он по всему миру, юный, прекрасный, и сеет своими стрелами в мире то счастье, то горе, то добро, то зло.

Гименей

Есть ещё один помощник и спутник у Афродиты – это юный бог брака Гименей. Он летит на своих белоснежных крыльях впереди свадебных шествий. Ярко горит пламя его брачного факела. Хоры девушек призывают во время свадьбы Гименея, моля его благословить брак молодых и послать радость в их жизни.

Гефест[44]

Гефест, сын Зевса и Геры, бог огня, бог-кузнец, с которым никто не может сравниться в искусстве ковать, родился на светлом Олимпе, но появился на свет слабым и хромым. В гнев пришла великая Гера, когда показали ей богини некрасивого хилого сына, схватила его и сбросила с Олимпа вниз, на далёкую землю.

Долго нёсся по воздуху несчастный ребёнок, пока упал в волны безбрежного моря. Сжалились над ним морские богини – Эвринома, дочь великого Океана, и Фетида, дочь вещего морского старца Нерея. Они подняли упавшего в море маленького Гефеста и унесли с собой глубоко под воды. Там в лазурном гроте воспитали они Гефеста. Вырос бог Гефест некрасивым, хромым, но с могучими руками, широкой грудью и мускулистой шеей. Каким он был дивным художником в своём кузнечном ремесле! Много выковал он великолепных украшений из золота и серебра своим воспитательницам – Эвриноме и Фетиде.

Долго таил Гефест в своём сердце гнев на мать свою, богиню Геру, и наконец решил отомстить ей за то, что сбросила

---

[44] У римлян – Вулкан. Первоначально бог огня; с развитием ремёсел, и особенно кузнечного ремесла, становится покровителем металлургии того времени. Особенно чтили Гефеста в Афинах, где ремёсла достигли наибольшего в Греции развития.

его с Олимпа. Он выковал золотое кресло необыкновенной красоты и послал его на Олимп в подарок матери. В восторг пришла жена громовержца Зевса, увидав чудесный подарок. Действительно, только царица богов и людей могла сидеть на кресле такой необычайной красоты. Но – о ужас! – лишь только Гера села в кресло, как обвили её несокрушимые путы и оказалась она прикованной к креслу. Бросились боги ей на помощь. Напрасно – никто из них не был в силах освободить царицу Геру. Боги поняли, что только Гефест, выковавший кресло, может освободить свою великую мать.

Тотчас послали они бога Гермеса, вестника богов, за богом-кузнецом. Вихрем помчался Гермес на край света, к берегам океана. В мгновение ока пронёсся Гермес над землёй и морем и явился в грот, где работал Гефест. Долго просил он Гефеста идти с ним на высокий Олимп – освободить царицу Геру, но наотрез отказался бог-кузнец: помнил зло, которое причинила ему мать, – не помогли ни просьбы, ни мольбы Гермеса. На помощь ему явился Дионис, весёлый бог вина. С громким смехом поднёс он Гефесту чашу благовонного вина, за ней другую, а за ней ещё и ещё. Охмелел Гефест, и теперь с ним можно было сделать всё – вести куда угодно. Бог вина Дионис победил Гефеста. Гермес и Дионис посадили Гефеста на осла и повезли на Олимп. Покачиваясь, ехал Гефест. Кругом Гефеста неслись в весёлой пляске увитые плющом менады[45] с тирсами[46] в руках. Неуклюже прыга-

[45] Спутницы Диониса – то же, что вакханки; в пер. на русский – «неистовству-

ли охмелевшие сатиры. Дымились факелы, громко раздавались звон тимпанов[47], смех, гремели бубны. А впереди шёл великий бог Дионис в венке из винограда и с тирсом. Весело двигалось шествие. Наконец пришли на Олимп. Гефест уже не помнил обиду и в один миг освободил свою мать.

Гефест остался жить на Олимпе и построил всем богам величественные золотые дворцы, а себе – дворец из золота, серебра и бронзы. В нём он живёт с женой своей, прекрасной приветливой Харитой, богиней грации и красоты.

В этом же дворце находилась и кузница Гефеста. Бóльшую часть времени там он и проводил. Посередине этой полной чудес кузницы стояла громадная наковальня, в углу – горн с пылающим огнём и мехи. Дивные это были мехи – их не нужно приводить в движение руками, они повиновались слову Гефеста. Скажет он – и работают мехи, раздувая огонь в горне в ярко пышущее пламя. Покрытый потом, весь чёрный от пыли и копоти, работал бог-кузнец в своей кузнице и выковывал дивные произведения: несокрушимое оружие, украшения из золота и серебра, чаши и кубки, треножники, которые катятся сами на золотых колёсах как живые.

Окончив работу, омыв в благовонной ванне пот и копоть, Гефест шёл, прихрамывая и пошатываясь на своих слабых

ющие».

[46] Палка, обвитая плющом или виноградом, с кедровой шишкой на конце.

[47] Ударный музыкальный инструмент, имевший форму двух бронзовых чашек, которыми ударяли друг о друга.

ногах, на пир богов, к отцу своему, громовержцу Зевсу. Приветливый, добродушный, часто прекращал он готовую разгореться ссору Зевса и Геры. Без смеха не могли боги видеть, как хромой Гефест ковыляет вокруг пиршественного стола, разливая богам благоухающий нектар, и смех заставлял богов забыть ссоры.

Но бог Гефест мог быть и грозным. Многие испытали силу его огня и страшные, могучие удары его громадного молота. Даже волны бушующих рек Ксанф и Симоис смирил под Троей своим огнём Гефест. Грозный, разил он своим молотом и могучих гигантов.

Велик бог огня, искуснейший, божественный кузнец Гефест: давал он тепло и радость, был ласков и приветлив, но и карал грозно.

Деметра[48] и Персефона

Могущественна великая богиня Деметра, дающая плодородие земле: без её благотворной силы ничто не произрастает ни в тенистых лесах, ни на лугах, ни на тучных пашнях.

Похищение Персефоны Аидом[49]

Была у великой богини Деметры юная прекрасная дочь Персефона, рождённая от самого великого сына Крона, громовержца Зевса. Однажды прекрасная Персефона вместе со своими подругами, океанидами, беззаботно резвилась в цветущей Нисейской долине[50]. Подобно легкокрылой бабочке перебегала юная дочь Деметры от цветка к цветку, рвала пышные розы, душистые фиалки, белоснежные лилии и красные гиацинты. Беспечно резвилась Персефона, не ведая той судьбы, которую назначил ей отец её Зевс. Не думала Персефона, что не скоро увидит она опять ясный свет солн-

---

[48] У римлян – Церера. Богиня плодородия и земледелия, которую особенно чтили земледельцы Греции; в её честь справлялись многочисленные празднества. Характерно, что в поэмах Гомера богиня Деметра словно отодвинута на второй план. Это доказывает, что чтить её как величайшую богиню греки стали тогда, когда земледелие заняло главенствующее место, а скотоводство потеряло былое значение.

[49] Изложено по гомеровскому гимну.

[50] Долина в области Мегары, на берегу Саронического залива.

ца, не скоро будет любоваться цветами и вдыхать их сладкий аромат. Зевс отдал её в жёны мрачному своему брату Аиду, властителю царства теней умерших, и с ним должна была жить Персефона во мраке подземного царства, лишённая света горячего южного солнца.

Аид видел, как резвилась в Нисейской долине Персефона, и решил тотчас похитить её. Он упросил богиню земли Гею вырастить необычной красы цветок. Согласилась богиня Гея, и вырос дивный цветок в Нисейской долине; его пьянящий аромат далеко разлился во все стороны. Персефона увидала цветок; вот она протянула руку и схватила его за стебелёк, вот уже сорван цветок. Вдруг разверзлась земля, и на чёрных конях появился из земли в золотой колеснице владыка царства теней умерших мрачный Аид. Он схватил юную Персефону, поднял на свою колесницу и в мгновение ока скрылся на своих быстрых конях в недрах земли. Только вскрикнуть успела Персефона. Далеко разнёсся крик ужаса юной дочери Деметры: донёсся и до морских пучин, и до высокого светлого Олимпа. Никто не видел, как похитил Персефону мрачный Аид, видел лишь бог солнца Гелиос.

Богиня Деметра, услыхав крик Персефоны, поспешила в Нисейскую долину, всюду искала дочь, спрашивала подруг её, океанид, но нигде не было её. Океаниды не видали, куда скрылась Персефона.

Тяжкая скорбь об утрате единственной возлюбленной дочери овладела сердцем Деметры. Облачившись в тёмные

одежды, девять дней, ничего не сознавая, ни о чём не думая, блуждала великая богиня Деметра по земле, проливая горькие слёзы: всюду искала Персефону, всех просила о помощи, – но никто не мог помочь её горю. Наконец, уже на десятый день, пришла она к богу Гелиосу и стала молить его со слезами:

– О, лучезарный Гелиос! Ты объезжаешь на златой колеснице высоко по небу всю землю и все моря, ты видишь всё, ничто не может скрыться от тебя; если ты имеешь хоть немного жалости к несчастной матери, то скажи мне, где моя дочь Персефона, скажи, где мне искать её! Я слышала её крик, её похитили у меня. Скажи, кто похитил её. Я всюду искала её, но нигде не могу найти!

Ответил Деметре лучезарный Гелиос:

– Великая богиня, ты знаешь, как я чту тебя, видишь, как скорблю вместе с тобой в твоём горе. Знай: великий тучегонитель Зевс отдал дочь твою в жёны своему мрачному брату, владыке Аиду. Он похитил Персефону и увёз в своё полное ужасов царство. Побори же тяжёлую печаль, богиня, – ведь велик муж твоей дочери: женой могущественного брата Зевса она стала.

Ещё больше опечалилась богиня Деметра и разгневалась на громовержца Зевса за то, что отдал без её согласия Персефону в жёны Аиду. Она покинула богов, покинула светлый Олимп, приняла вид простой смертной и, облекшись в тёмные одежды, долго блуждала между смертными, проливая

горькие слёзы.

Всякий рост на земле прекратился. Листья на деревьях завяли и облетели. Леса стояли обнажёнными. Трава поблекла; цветы опустили свои пёстрые венчики и засохли. Не было плодов в садах, засохли зелёные виноградники, не зрели в них тяжёлые сочные грозди. Прежде плодородные нивы были пусты, ни былинки не росло на них. Замерла жизнь на земле. Голод царил повсеместно: всюду слышались плач и стоны. Гибель грозила всему людскому роду, но ничего не видела, не слышала Деметра, погружённая в печаль по нежно любимой дочери.

Наконец Деметра пришла к городу Элевсину. Там, у городских стен, села в тени оливы на «камень скорби» у самого «колодца дев». Недвижима сидела Деметра, подобная изваянию. Прямыми складками спадала до самой земли её тёмная одежда. Голова её была опущена, а из глаз одна за другой катились слёзы и падали ей на грудь. Долго сидела так Деметра, одна, неутешная.

Увидали её дочери царя Элевсина Келея. Они удивились, заметив у источника плачущую женщину в тёмных одеждах, подошли к ней и с участием спросили, кто она. Но богиня Деметра не открылась им. Она сказала, что её зовут Део, что родом она с Крита, что её увели разбойники, но она бежала от них и после долгих скитаний пришла к Элевсину. Деметра попросила дочерей Келея отвести её в дом их отца и согласилась стать служанкой их матери, воспитывать детей и вы-

полнять любую работу.

Дочери Келея не думали, что вводят в дом отца своего великую богиню, и привели Деметру к матери своей Метанейре. Когда входила Деметра в покои, коснулась головой дверного проёма, и весь дом озарился дивным светом. Метанейра поняла, что не простую смертную привели к ней дочери, и встала навстречу богине. Низко склонилась жена Келея перед незнакомкой и предложила ей занять место царицы. Отказалась Деметра и молча села на простое сиденье служанки, по-прежнему безучастная ко всему, что делалось вокруг. Служанка же Метанейры, весёлая Ямба, видя глубокую печаль незнакомки, как могла, старалась развеселить её: громко звучал её смех и сыпались шутки. Улыбнулась Деметра – в первый раз с тех пор, как похитил у неё Персефону мрачный Аид, – и в первый раз согласилась вкусить пищи.

Деметра осталась у Келея воспитывать его сына Демофонта. Решив дать ребёнку бессмертие, богиня держала его у своей божественной груди, на коленях; младенец дышал вместе с ней. Деметра натирала его амброзией, а ночью, когда все в доме Келея спали, заворачивала в пелёнки и помещала в жарко пылавшую печь. Но Демофонт так и не получил бессмертия. Увидала как-то раз Метанейра своего сына лежащим в печи, страшно испугалась и стала молить Деметру больше так не делать. Разгневалась богиня, вынула младенца из печи и сказала:

– О, неразумная! Я хотела дать бессмертие твоему сыну,

сделать его неуязвимым. Знай же: я Деметра, дающая силы и радость смертным и бессмертным.

Открывшись Келею и Метанейре, Деметра приняла свой обычный образ богини, и божественный свет разлился по покоям Келея. Богиня Деметра стояла, величественная и прекрасная, золотистые волосы спадали на её плечи, глаза горели божественной мудростью, от одежд её лилось благоухание. Пали на колени перед ней Метанейра и её Келей.

Богиня Деметра повелела выстроить храм в Элевсине, у источника Каллихоры, и в нём поселилась. При этом храме Деметра сама учредила празднества.

Печаль по нежно любимой дочери не покинула Деметру, не забыла она и гнева своего на Зевса. По-прежнему бесплодна была земля. Голод становился всё сильнее, так как на полях земледельцев не всходило ни единой травки. Напрасно тащили быки земледельцев тяжёлые плуги по пашне – бесплодна была их работа. Гибли целые племена. Вопли голодных неслись к небу, но не внимала им Деметра. Наконец перестали куриться на земле жертвы бессмертным богам. Гибель грозила всему живому. Не хотел гибели смертных великий тучегонитель Зевс, поэтому послал к Деметре вестницу богов Ириду. Быстро помчалась она на своих радужных крыльях в Элевсин, к храму Деметры, и принялась звать её, молить вернуться на светлый Олимп в сонм богов, но не вняла та её мольбам. Посылал и других богов великий Зевс к Деметре, но богиня не хотела возвращаться на Олимп,

до тех пор пока не возвратит Аид её дочь Персефону.

Послал тогда к своему мрачному брату Аиду великий Зевс быстрого, как мысль, Гермеса. Гермес спустился в полное ужасов царство Аида, предстал перед сидящим на золотом троне владыкой душ умерших и поведал ему волю Зевса.

Аид согласился отпустить Персефону к матери, но предварительно дал ей проглотить зерно плода граната, символ брака. Взошла Персефона на золотую колесницу мужа с Гермесом, и помчались бессмертные кони Аида. Никакие препятствия не были страшны им, и в мгновение ока достигли они Элевсина.

Забыв всё от радости, Деметра бросилась навстречу своей дочери и заключила её в свои объятия. Снова была с ней её возлюбленная дочь Персефона. С ней вернулась Деметра на Олимп. Тогда великий Зевс решил, что две трети года будет жить с матерью Персефона, а на одну треть – возвращаться к мужу своему Аиду.

Великая Деметра вернула плодородие земле, и снова всё зацвело, зазеленело. Нежной весенней листвой покрылись леса; запестрели цветы на изумрудной мураве лугов. Вскоре заколосились хлебородные нивы; зацвели и заблагоухали сады; засверкала на солнце зелень виноградников. Пробудилась вся природа. Все живое ликовало и славило великую богиню Деметру и дочь её Персефону.

Но каждый год покидает свою мать Персефона, и каждый раз Деметра погружается в печаль и снова облекается

в тёмные одежды. И вся природа горюет об ушедшей. Желтеют на деревьях листья, и срывает их осенний ветер; вянут цветы, нивы пустеют, наступает зима. Спит природа, чтобы проснуться в радостном блеске весны тогда, когда вернётся к своей матери из безрадостного царства Аида Персефона. Когда же возвращается к Деметре её дочь, тогда великая богиня плодородия щедрой рукой сыплет свои дары людям и благословляет труд земледельца богатым урожаем.

Триптолем

Великая богиня Деметра, дающая плодородие земле, сама научила людей, как возделывать хлебородные нивы. Она дала юному сыну царя Элевсина, Триптолему, семена пшеницы, и он первый трижды вспахал плугом рарийское поле у Элевсина и бросил в тёмную землю семена. Богатый урожай дало поле, благословлённое самой Деметрой. На чудесной колеснице, запряжённой крылатыми змеями, Триптолем по повелению Деметры облетел все страны и всюду научил людей земледелию.

Был Триптолем и в далекой Скифии, у царя Линха. Его тоже научил он земледелию, но гордый царь скифов захотел отнять у Триптолема славу учителя и присвоить её себе. Линх задумал убить во время сна великого Триптолема, но Деметра не допустила злодеяния, решив покарать Линха за то, что, нарушив обычай гостеприимства, поднял руку на её

избранника.

Когда Линх ночью прокрался в покой, где мирно спал Триптолем, Деметра обратила царя скифов в дикую рысь в то самое мгновение, когда занес он над спящим кинжал.

Скрылся в тёмных лесах обращённый в рысь Линх,

а Триптолем покинул страну скифов, чтобы, переносясь из страны в страну на своей чудесной колеснице, учить людей великому дару Деметры – земледелию.

Эрисихтон

Не одного царя скифов Линха покарала богиня Деметра: покарала и царя Фессалии Эрисихтона. Надменен и нечестив был Эрисихтон, никогда не чтил богов жертвами. В своей нечестивости он осмелился дерзко оскорбить великую богиню Деметру, решив срубить в её священной роще столетний дуб, где жила любимица богини, дриада. Ничто не остановило Эрисихтона.

– Хотя бы это была не любимица Деметры, а сама богиня, – воскликнул нечестивец, – всё же срублю я этот дуб!

Эрисихтон вырвал из рук слуги топор и вонзил его глубоко в дерево. Тяжкий стон раздался внутри дуба, и хлынула кровь из его коры. Поражённые, стояли перед дубом слуги царя. Один из них осмелился остановить его, но разгневанный Эрисихтон убил слугу, воскликнув:

– Вот тебе награда за твою покорность богам!

Эрисихтон срубил столетний дуб. С шумом, подобным стону, упал дуб на землю, и умерла жившая в нём дриада.

Облачившись в тёмные одежды, дриады священной рощи пришли к богине Деметре и стали молить её покарать Эрисихтона, убившего их дорогую подругу. Разгневалась Демет-

ра и послала за богиней голода. Посланная ею дриада быстро помчалась на колеснице Деметры, запряжённой крылатыми змеями, в Скифию, к горам Кавказа, и там нашла на бесплодной горе богиню голода – с впалыми глазами, бледную, с растрёпанными волосами, с грубой кожей, обтягивавшей кости. Посланница Деметры передала ей волю богини, и та повиновалась.

Явилась богиня голода в дом Эрисихтона и вдохнула ему неутолимый голод, сжигавший все его внутренности. Чем больше он ел теперь, тем сильнее становились муки голода. Всё своё состояние истратил он на всевозможные яства, которые не только не заглушали чувство голода, но, напротив, сильнее будили его. Наконец ничего не осталось у Эрисихтона, кроме дочери. Чтобы добыть себе денег на еду, он продал девушку в рабство, но та получила от бога Посейдона дар принимать любой образ и каждый раз освобождалась от покупавших её под видом то птицы, то – коня, то – коровы. Много раз продавал свою дочь Эрисихтон, но денег попрежнему не хватало. Голод мучил его всё сильнее и сильнее, всё нестерпимее становились его страдания. Наконец, совершенно обезумев, Эрисихтон стал рвать зубами своё тело и погиб в ужасных мучениях.

Ночь, Луна, Заря и Солнце

Медленно едет по небу в своей колеснице, запряжённой чёрными конями, богиня ночи Нюкта. Своим тёмным покровом закрыла она землю. Тьма окутала всё кругом. Вокруг колесницы богини ночи толпятся звёзды и льют на землю свой неверный, мерцающий свет – это юные сыновья богини Эос и Астрея. Много их, они усеяли всё ночное тёмное небо. Вот на востоке чуть посветлело, словно призрачным светом залило небо. Разгорается он всё сильнее и сильнее. Это восходит на небо богиня луны – Селена. Круторогие быки медленно везут её колесницу по небу. Спокойно, величественно едет богиня в своей длинной белой одежде, с серпом луны на головном уборе. Она мирно светит на спящую землю, заливая всё серебристым сиянием. Объехав небесный свод, богиня спустится в глубокий грот горы Латма в Карии. Там лежит погруженный в вечную дремоту прекрасный Эндимион[51]. Любит его Селена. Она склоняется над ним, ласкает его и шепчет ему слова любви. Но не слышит её погружённый в дремоту Эндимион, потому так печальна Селена и печален свет, который льёт она на землю ночью.

Всё ближе утро. Богиня луны уже давно спустилась

[51] Считался то сыном царя Карии Эфлия, а то самого Зевса; возможно также, что Эндимион – древний карийский бог сна. (Кария – страна в Малой Азии, на побережье Средиземного моря.)

с небосклона. Чуть посветлел восток. Ярко загорелся на востоке предвестник зари Форос – утренняя звезда. Подул лёгкий ветерок. Всё ярче разгорается восток. Вот открыла розоперстая богиня зари ворота, из которых скоро выедет лучезарный бог солнца Гелиос. В ярко-шафранной одежде, на розовых крыльях взлетает богиня зари на посветлевшее небо, залитое розовым светом. Льёт богиня из золотого сосуда на землю росу, и роса осыпает траву и цветы сверкающими как алмазы каплями. Благоухает всё на земле, всюду курятся ароматы. Проснувшаяся земля радостно приветствует восходящего бога Гелиоса.

На четвёрке крылатых коней в золотой колеснице, которую выковал бог Гефест, выезжает на небо с берегов океана лучезарный бог. Вершины гор озаряют лучи восходящего солнца, и они высятся словно залитые огнём. Звёзды бегут с небосклона при виде Гелиоса, одна за другой скрываются они в лоне тёмной ночи, всё выше поднимается его колесница. В лучезарном венце и в длинной сверкающей одежде едет он по небу и льёт свои живительные лучи на землю, даёт ей свет, тепло и жизнь.

Совершив свой дневной путь, бог Гелиос спускается к священным водам океана. Там ждёт его золотой чёлн, в котором он плывёт назад, к востоку, в страну, где находится его чудесный дворец. Бог солнца там отдыхает ночью, чтобы взойти в прежнем блеске на следующий день.

Фаэтон

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Только раз нарушен был заведённый в мире порядок и не выезжал бог солнца на небо, чтобы светить людям. Это случилось так. Был у Гелиоса от Климены, дочери морской богини Фетиды, сын Фаэтон. Однажды родственник Фаэтона, сын громовержца Зевса Эпаф, насмехаясь над ним, сказал:

– Не верю я, что ты сын лучезарного Гелиоса. Мать твоя говорит неправду. Твой отец простой смертный.

Разгневался Фаэтон, краска стыда залила его лицо, побежал к матери, бросился к ней на грудь и со слезами стал жаловаться на оскорбление. Но мать его, простёрши руки к лучезарному солнцу, воскликнула:

– О сын! Клянусь тебе Гелиосом, который нас видит и слышит, которого и ты сам сейчас видишь, что он твой отец! Пусть лишит он меня своего света, если я говорю неправду. Пойди сам к нему, дворец его недалеко от нас. Он подтвердит тебе мои слова.

Фаэтон тотчас отправился к отцу своему Гелиосу. Быстро достиг он дворца, искрившегося всеми цветами радуги, сиявшего золотом, серебром и драгоценными камнями. Так дивно украсил его сам бог Гефест. Фаэтон вошёл во дворец, увидал сидевшего в пурпурной одежде на троне Гелиоса, но приблизиться к лучезарному богу не мог: его глаза – глаза

смертного – не выносили сияния, исходившего от его венца. Бог солнца спросил Фаэтона:

– Что привело тебя ко мне, сын мой?

– О свет всего мира, о отец Гелиос! Только смею ли я называть тебя так? – воскликнул Фаэтон. – Дай мне доказательство, что ты мой отец. Уничтожь, молю тебя, моё сомненье!

Гелиос снял лучезарный венец, подозвал Фаэтона к себе, обнял и сказал:

– Да, ты мой сын; правду сказала тебе мать твоя Климена. А чтобы ты не сомневался более, проси у меня что хочешь, и, клянусь водами священной реки Стикс, я исполню твою просьбу.

Едва сказал это Гелиос, как Фаэтон стал просить его позволить ему поехать по небу в его золотой колеснице. В ужас пришёл лучезарный бог:

– Безумный, что ты просишь! О если бы мог я нарушить мою клятву! Ты просишь невозможного, Фаэтон: не по силам это смертному! Даже бессмертные боги не в силах устоять на моей колеснице. Сам великий Зевс-громовержец не может править ею, хотя нет никого могущественнее его! Подумай только: вначале дорога так крута, что даже мои крылатые кони едва взбираются по ней. Посередине она идёт так высоко над землёй, что и мной овладевает страх, когда я смотрю вниз, на расстилающиеся подо мной моря и земли. В конце же дорога так стремительно опускается к священным берегам океана, что без моего опытного управления ко-

лесница стремглав полетит вниз и разобьётся. Ты думаешь, может быть, встретишь в пути много прекрасного. Нет, среди опасностей, ужасов и диких зверей идёт путь. Узок он; если же ты уклонишься в сторону, то ждут тебя там рога грозного тельца, грозит тебе лук кентавра, яростный лев, чудовищные скорпион и рак[52]. Много ужасов на пути по небу. Поверь мне, не хочу я быть причиной твоей гибели. О, если бы ты мог взглядом своим проникнуть мне в сердце и увидеть, как я боюсь за тебя! Посмотри вокруг себя, взгляни на мир: как много в нём прекрасного! Проси всё, что хочешь, я ни в чём не откажу тебе, только не проси этого: ведь не награду просишь, а страшное наказание.

[52] Созвездия Тельца, Кентавра, Скорпиона и Рака.

Но Фаэтон ничего не хотел слушать: обвив руками шею

Гелиоса, просил исполнить его просьбу.

– Хорошо, я исполню твою просьбу. Не беспокойся, ведь я клялся водами Стикса. Ты получишь что просишь, но я думал, что ты разумнее, – печально ответил Гелиос.

Он повёл Фаэтона туда, где стояла его колесница. Залюбовался ею Фаэтон: она была вся золотая и сверкала разноцветными каменьями. Привели крылатых коней Гелиоса, накормленных амброзией и нектаром. Запрягли коней в колесницу. Розоперстая Эос открыла врата. Гелиос натёр лицо Фаэтону священной мазью, чтобы не опалило его пламя солнечных лучей, и возложил ему на голову сверкающий венец. Со вздохом, полным печали, даёт Гелиос последние наставления Фаэтону:

– Сын мой, запомни мои последние наставления: не гони лошадей, держи как можно твёрже вожжи. Сами побегут мои кони. Трудно удерживать их. Дорогу же ты ясно увидишь по колеям, что идут через всё небо. Не подымайся слишком высоко, чтобы не сжечь небо, но и низко не опускайся – не то опалишь всю землю. Не уклоняйся, помни, ни вправо, ни влево. Путь твой как раз посередине между змеёй и жертвенником[53]. Всё остальное я поручаю судьбе, на неё одну надеюсь. Но пора: ночь уже покинула небо, и взошла розоперстая Эос. Бери крепче вожжи. Но, может быть, ты изменишь ещё своё решение – ведь оно грозит тебе гибелью. О, дай мне самому светить земле! Не губи себя!

---

[53] Созвездия Змеи и Жертвенника.

Быстро вскочил на колесницу Фаэтон и схватил вожжи. Радуется он, ликует, благодарит отца своего Гелиоса и торопится в путь. Кони бьют копытами, пламя пышет у них из ноздрей, легко подхватывают они колесницу и сквозь туман быстро несутся вперёд по крутой дороге на небо. Непривычно легка для коней колесница. Вот кони мчатся уже по небу, но оставляют обычный путь Гелиоса и несутся без дороги. А Фаэтон не знает, где дорога, и не в силах править конями. Взглянул он с вершины неба на землю и побледнел от страха – так далеко под ним была она. Колени его задрожали, тьма заволокла очи. Уже пожалел он, что упросил отца дать ему править его колесницей, но что делать? Много проехал он, но впереди ещё длинный путь. С конями Фаэтон справиться не может, потому как не знает, как их звать, а сдержать вожжами нет у него силы. Вокруг видит он страшных небесных зверей и пугается ещё больше.

Есть место на небе, где раскинулся чудовищный, грозный скорпион, – туда и несут Фаэтона кони. Увидал несчастный юноша покрытого тёмным ядом скорпиона, грозящего ему смертоносным жалом, и, обезумев от страха, выпустил вожжи. Ещё быстрей понеслись тогда кони, почуяв свободу. То взвиваются они к самым звёздам, то, опустившись, несутся почти над самой землёй. Сестра Гелиоса, богиня луны Селена, с изумлением смотрела, как без дороги мчались кони её брата, никем не управляемые, по небу. Пламя от близко опустившейся колесницы охватило землю. Гибли большие бо-

гатые города, гибли целые племена. Горели горы, покрытые лесом: двуглавый Парнас, тенистый Киферон, зелёный Геликон, Кавказ, Тмол, Ида, Пелион, Осса[54]. Дымом заволокло всё кругом; и не видно Фаэтону, куда ехать. Вода в реках и ручьях закипела, в ужасе попрятались нимфы в глубоких гротах. Кипели Евфрат, Оронт, Алфей, Эврот[55] и другие реки. От жара трескалась земля, и солнечные лучи стали проникать даже в мрачное царство Аида. Моря начали пересыхать, и страдали от зноя морские божества. Тогда поднялась великая богиня Гея и громко воскликнула:

[54] *Киферон* – между Аттикой и Беотией; *Геликон* – на юго-западе Беотии; *Тмол* – в Лидии; *Ида* – во Фригии, в Малой Азии; *Пелион* и *Осса* – в Фессалии, на побережье Эгейского моря.

[55] *Оронт* – в Сирии; *Алфей* – на западе Пелопоннеса; *Эврот* – в Лаконии (на берегу Эврота находилась Спарта).

– О величайший из богов, Зевс-громовержец! Неужели должна я погибнуть, неужели погибнуть должно царство твоего брата Посейдона, неужели должно погибнуть всё живое? Смотри! Атлас едва уже выдерживает тяжесть неба: того и гляди рухнет оно на дворцы богов. Неужели всё вернётся в первобытный Хаос? О, спаси от огня то, что ещё осталось!

Зевс услышал мольбу богини Геи, грозно взмахнул десницей, бросил свою сверкающую молнию и её огнём не только

потушил огонь, но и разбил колесницу. Кони Гелиоса разбежались в разные стороны. По всему небу разбросало остатки колесницы и упряжь, а Фаэтон, с горящими на голове кудрями, пронёсся по воздуху, подобно падающей звезде, и упал в волны реки Эридан[56], вдали от своей родины. Там гесперийские нимфы подняли его тело и предали земле. В глубокой скорби отец Фаэтона, Гелиос, закрыл свой лик и целый день не появлялся на голубом небе. Только огонь пожара освещал землю.

Долго несчастная мать Фаэтона, Климена, искала тело своего погибшего сына. Наконец нашла на берегах Эридана, но не тело, а гробницу. Горько плакала неутешная мать над гробницей сына, с ней оплакивали погибшего брата и дочери Климены, гелиады. Скорбь их была безгранична. Плачущих гелиад великие боги превратили в тополя. Стоят тополя-гелиады, склонившись над Эриданом, и падают их слёзы – смола – в студёную воду. Смола застывает и превращается в прозрачный янтарь.

Скорбел о гибели Фаэтона и друг его Кикн. Его сетования далеко разносились по берегам Эридана. Видя неутешную печаль Кикна, боги превратили его в белоснежного лебедя. С тех пор лебедь Кикн живёт на воде, в реках и широких светлых озерах и боится огня, погубившего его друга Фаэтона.

---

[56] У греков это название имели: река в Аттике; река на севере (возможно, Западная Двина); река По.

Дионис[57]

Рождение и воспитание Диониса

Зевс-громовержец любил прекрасную Семелу, дочь фиванского царя Кадма. Однажды обещал он ей исполнить любую её просьбу, в чём бы она ни заключалась, и поклялся в этом нерушимой клятвой богов, священными водами подземной реки Стикс. Но возненавидела Семелу великая богиня Гера и, задумав её погубить, сказала:

– Проси Зевса явиться тебе во всём величии бога-громовержца, царя Олимпа. Если он тебя действительно любит, то не откажет в этой просьбе.

Убедила Гера Семелу, и та попросила Зевса исполнить именно эту просьбу. Зевс же не мог ни в чём отказать Семеле, ведь он клялся водами Стикса. Громовержец явился ей

---

[57] У римлян – Вакх. Бог виноделия, вина, в Греции – «пришлый» бог, принесенный из Фракии. Празднества в честь Диониса важны были тем, что послужили началом театральных представлений в Афинах. Во время этих празднеств (великие Дионисии) выступали хоры наряженных в козьи шкуры певцов и исполняли особые гимны-дифирамбы; их начинал запевала, а хор ему отвечал; пение сопровождалось пляской. Из этих дифирамбов создалась трагедия (само слово можно объяснить как «песня козлов»). На сельских же празднествах в честь Диониса (сельские Дионисии) исполнялись шуточные песни, которые тоже начинал запевала и которые также сопровождались плясками (из них произошла комедия).

во всём величии царя богов и людей, во всём блеске своей славы. Яркая молния сверкала в руках Зевса; удары грома потрясали дворец Кадма. Вспыхнуло всё кругом от молнии Зевса. Огонь охватил дворец, всё кругом колебалось и рушилось. В ужасе упала Семела на землю, пламя жгло её. Она видела, что нет ей спасения, что погубила её просьба, внушенная Герой.

И родился у умирающей Семелы сын Дионис, слабый, нежизнеспособный ребёнок. Казалось, он тоже обречён был на гибель в огне. Но разве мог погибнуть сын великого Зевса? Из земли со всех сторон, как по мановению волшебного жезла, вырос густой зелёный плющ, прикрыл от огня своей зеленью несчастного ребёнка и спас от смерти.

Зевс взял спасённого сына, а поскольку тот был ещё так мал и слаб, что не мог бы жить, зашил его себе в бедро. В теле отца своего Дионис окреп и, окрепнув, родился второй раз из бедра громовержца Зевса. Тогда царь богов и людей призвал сына своего, быстрого посланника богов Гермеса, и велел ему отнести маленького Диониса к сестре Семелы Ино и её мужу Атаманту, царю Орхомена[58], которые должны были воспитать его.

Богиня Гера разгневалась на Ино и Атаманта за то, что они взяли на воспитание сына ненавистной ей Семелы, и решила их наказать. Наслала она на Атаманта безумие. В припадке безумия убил Атамант своего сына Леарха. Едва успе-

[58] Город в Беотии, на берегу Капаидского озера.

ла бегством спастись от смерти Ино с другим сыном, Меликертом. Муж погнался за ней, уже почти настиг. Впереди крутой скалистый морской берег, внизу шумит море, сзади настигает безумный муж – спасенья нет у Ино. В отчаянии бросилась она вместе с сыном в море с прибрежных скал. Приняли в море Ино и Меликерта нереиды. Воспитательница Диониса и её сын были обращены в морские божества, и с тех пор живут в морской пучине.

Диониса же спас от безумного Атаманта Гермес: перенёс в мгновение ока в Нисейскую долину и отдал там на воспитание нимфам. Дионис вырос прекрасным могучим богом вина, богом, дающим людям силы и радость, богом, дающим плодородие. Воспитательницы Диониса, нимфы, были взяты Зевсом в награду на небо, и светят они в тёмную звёздную ночь, под названием Гиад[59], среди других созвездий.

Дионис и его свита

С весёлой толпой украшенных венками менад и сатиров ходит весёлый бог Дионис (Вакх) по всему свету, из страны в страну. Он идёт впереди в венке из винограда с украшенным плющом тирсом в руках. Вокруг него в быстрой пляске кружатся с пением и криками молодые менады; скачут охмелевшие от вина неуклюжие сатиры с хвостами и козлиными

[59] Рассеянное скопление звёзд в созвездии Ориона (Тельца), одном из наиболее ярких на небе.

ногами. За шествием везут на осле старика Силена, мудрого учителя Диониса. Он сильно охмелел, едва сидит на осле, опершись на лежащий около него мех с вином. Венок из плюща сполз набок на его лысой голове. Покачиваясь, едет он, добродушно улыбаясь. Молодые сатиры идут около осторожно ступающего осла и бережно поддерживают старика, чтобы он не упал. Под звуки флейт, свирелей и тимпанов шумное шествие весело двигается в горах, среди тенистых лесов, по зелёным лужайкам. Весело идёт по земле Дионис, всё покоряя своей власти, и учит людей разводить виноград и делать из его тяжёлых спелых гроздей вино.

Ликург

Не везде признают власть Диониса. Часто приходится ему встречать и сопротивление; часто силой приходится покорять ему страны и города. Но кто же может бороться с великим богом, сыном Зевса? Сурово карает он тех, кто противится ему, кто не хочет признать его и чтить как бога. Первый раз пришлось Дионису подвергнуться преследованиям во Фракии, когда он в тенистой долине со спутницами своими менадами весело пировал и плясал, охмелев от вина, под звуки музыки и пения; тогда напал на него жестокий царь эдонов[60] Ликург. В ужасе разбежались менады, покидав на

[60] Фракийское племя, жившее по берегам реки Стримон (совр. Струма, или Карасу).

землю священные сосуды, сам Дионис тоже обратился в бегство и, спасаясь от преследования Ликурга, бросился в море, где укрыла его богиня Фетида. Отец Диониса, Зевс-громовержец, наказал Ликурга, осмелившегося оскорбить юного бога, ослепив и таким образом сократив срок его жизни.

Дочери Миния

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

И в Орхомене, в Беотии, не хотели сразу признать бога Диониса. Когда явился туда его жрец и стал звать девушек и женщин в леса и горы на весёлое празднество в честь бога вина, три дочери царя Миния не пожелали признать Диониса богом и не пошли на празднество. Все женщины Орхомена ушли из города в тенистые леса, где пением и плясками чествовали великого бога. Увитые плющом, с тирсами в руках, они носились с громкими криками, подобно менадам, по горам и славили Диониса, в то время как дочери царя Орхомена сидели дома и спокойно пряли и ткали. Наступил вечер, солнце село, а дочери царя всё ещё не бросали работу, словно хотели во что бы то ни стало её закончить.

Вдруг чудо предстало перед их глазами. Раздались во дворце звуки тимпанов и флейт, нити пряжи обратились в виноградные лозы, и тяжёлые гроздья повисли на них. Ткацкие станки зазеленели: их густо обвил плющ. Всюду разлилось благоухание мирта и цветов. С удивлением взирали

царские дочери на это чудо. Вдруг по всему дворцу, окутанному уже вечерними сумерками, засверкал зловещий свет факелов. Послышалось рыканье диких зверей. Во всех покоях дворца появились львы, пантеры, рыси и медведи. С грозным воем бегали они по дворцу и яростно сверкали глазами. В ужасе дочери царя старались спрятаться в самых дальних, в самых тёмных помещениях дворца, чтобы не видеть блеска факелов и не слышать рыканья зверей, но всё напрасно: нигде им не укрыться. Наказание бога Диониса этим не ограничилось. Тела царевен стали сжиматься, покрылись тёмной мышиной шерстью, вместо рук выросли крылья с тонкой перепонкой: обратились они в летучих мышей и с тех пор скрываются от дневного света в тёмных сырых развалинах и пещерах. Так наказал их Дионис.

Тирренские морские разбойники[61]

Изложено по гомеровскому гимну и поэме Овидия «Метаморфозы»

Дионис покарал и тирренских морских разбойников, но не столько за то, что они не признавали его богом, сколько за то зло, которое хотели причинить ему как простому смертному.

Однажды стоял юный Дионис на берегу лазурного мо-

[61] Так называли (ещё тирсенскими) этрусских морских разбойников – то есть народ, живший в древнейшее время на западе Италии, в современной Тоскане.

ря. Морской ветерок ласково играл его тёмными кудрями и чуть шевелил складки пурпурного плаща, спадавшего со стройных плеч юного бога. Вдали в море показался корабль и быстро стал приближаться к берегу. Вскоре рассмотрели моряки – это были тирренские морские разбойники – дивного юношу на пустынном морском берегу. Они быстро причалили, сошли на берег, схватили Диониса и увели на корабль. Разбойники и не подозревали, что захватили в плен бога. Ликовали разбойники, что такая богатая добыча попала им в руки, поскольку были уверены, что выручат за этого прекрасного юношу, продав в рабство, много золота. На корабле попытались они заковать Диониса в тяжёлые цепи, но они спадали с рук и ног юного бога. Он же сидел и со спокойной улыбкой смотрел на разбойников. Кормчий, заметив, что цепи не держатся на руках юноши, со страхом сказал своим товарищам:

– Несчастные! Что мы делаем! Уж не бога ли хотим мы сковать? Смотрите, даже наш корабль едва держит его! Не сам ли Зевс это, не сребролукий ли Аполлон или колебатель земли Посейдон? Нет, не похож он на смертного! Это один из богов, живущих на светлом Олимпе. Отпустите его скорее, высадите на землю. Как бы не созвал он буйные ветры и не поднял на море грозную бурю!

Но капитан со злобой ответил мудрому кормчему:

– Презренный! Смотри, ветер попутный! Быстро понесётся корабль наш по волнам безбрежного моря. О юноше же

мы позаботимся потом. Мы приплывём в Египет, или на Кипр, или в далёкую страну гипербореев и продадим его; пусть-ка там поищет этот юноша своих друзей и братьев. Нет, нам послали его боги!

Спокойно подняли разбойники паруса, и корабль вышел в открытое море. Вдруг совершилось чудо: по кораблю заструилось благовонное вино, и весь воздух наполнился благоуханием. Разбойники оцепенели от изумления. Но вот на парусах зазеленели виноградные лозы с тяжёлыми гроздьями; тёмно-зелёный плющ обвил мачту; всюду появились прекрасные плоды; уключины вёсел обвили гирлянды цветов. Когда увидали всё это разбойники, стали они молить мудрого кормчего править скорее к берегу. Но поздно! Юноша превратился во льва и с грозным рыканьем, яростно сверкая глазами, бросился на капитана и растерзал его. В ужасе кинулись разбойники на корму и столпились вокруг кормчего, а потом, потеряв надежду на спасение, один за другим попрыгали в морские волны. Дионис превратил их в дельфинов, а кормчему, приняв свой прежний образ, приветливо улыбаясь, сказал:

– Не бойся, не трону. Я Дионис, сын громовержца Зевса и дочери Кадма Семелы!

Икарий

Награждает Дионис людей, которые чтут его как бога. Так

он наградил Икария в Аттике, когда тот гостеприимно принял его, – подарил виноградную лозу. Икарий был первым, кто развёл в Аттике виноград, но печальна была судьба юноши.

Однажды дал он вина пастухам, но те, не зная, что такое опьянение, решили, что Икарий отравил их, убили его, а тело зарыли в горах. Дочь Икария Эригона долго искала отца и наконец с помощью своей собаки Майры нашла его гробницу. В отчаянии повесилась несчастная Эригона на том самом дереве, под которым лежало тело её отца. Дионис взял Икария, Эригону и её собаку Майру на небо. С той поры горят они на небе ясной ночью – это созвездия Волопаса, Девы и Большого Пса.

Мидас

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Однажды весёлый Дионис с шумной толпой менад и сатиров бродил по лесистым скалам Тмола во Фригии[62]. Не было в свите Диониса лишь Силена. Он отстал и, спотыкаясь на каждом шагу, сильно охмелевший, брёл по фригийским полям. Увидали его крестьяне, связали гирляндами из цветов и отвели к царю Мидасу. Мидас тотчас узнал учителя Диониса, с почётом принял его в своём дворце. Девять дней чествовал он бога роскошными пирами, а на десятый день

[62] Страна на северо-западе Малой Азии.

привёл к нему Силена. Обрадовался Дионис и позволил Мидасу в награду за тот почёт, который он оказал его учителю, выбрать себе любой дар. Тогда Мидас воскликнул:

– О, великий бог Дионис, повели, чтобы всё, к чему я прикоснусь, превращалось в чистое блестящее золото!

Дионис исполнил желание Мидаса, хоть и пожалел, что не избрал тот себе лучшего дара.

Ликуя, удалился Мидас и, радуясь полученному дару, сорвал зелёную ветвь с дуба – тотчас в золотую превратилась ветвь; сорвал в поле колосья – стали те золотыми, с золотыми зёрнами; сорвал яблоко – яблоко тоже обратилось в золото, словно из садов гесперид. Всё, к чему прикасался Мидас, тотчас обращалось в золото, а когда мыл руки, вместо воды стекали с них золотые капли. Ликовал Мидас. Вот пришёл он в свой дворец, где слуги приготовили богатый пир, и, счастливый, возлёг за стол. Тут-то он и понял, какой ужасный дар выпросил у Диониса. От одного прикосновения Мидаса всё обращалось в золото. Золотыми становились у него во рту и все яства, и вино. Испугавшись, что погибнет от голода, простёр он руки к небу и воскликнул:

– Смилуйся, смилуйся, о Дионис! Прости! Я молю тебя о милости! Возьми назад этот дар!

Явился Дионис и сказал Мидасу:

– Иди к истокам Пактола[63], смой в его водах с тела этот дар и свою вину.

---

[63] Река в Лидии, впадающая в реку Герм (совр. Гедис).

Отправился Мидас по велению Диониса к истокам Пактола и погрузился в его чистые воды. Золотом заструились воды Пактола и смыли с тела Мидаса дар, полученный от бога. С тех пор златоносным стал Пактол.

Пан[64]

Среди свиты Диониса часто можно было видеть и бога Пана. Когда родился великий Пан, то мать его, нимфа Дриопа, взглянув на сына, в ужасе обратилась в бегство. Он родился с козлиными ногами и рогами и с длинной бородой. Гермес, отец его, обрадовался рождению сына, взял его на руки и отнёс на светлый Олимп к богам. Все боги громко радовались рождению Пана и смеялись, глядя на него.

[64] Бог *Пан,* один из древнейших в Греции, не имел в гомеровскую эпоху и позже, вплоть до II в. до н. э., особого значения. Уже то, что бог Пан изображался как получеловек-полукозёл (пережиток тотемизма), указывает на его древность. Первоначально Пан – бог леса, бог пастухов, охранитель стад: даже в Аркадии и в Аргосе, где Пана больше чтили, его не включали в число богов-олимпийцев, – но постепенно утрачивает свой первоначальный характер и становится богом – покровителем всей природы.

Бог Пан не остался жить с богами на Олимпе: ушёл в тенистые леса, в горы. Там пас он стада, играя на звучной свирели. Лишь только услышат нимфы чудные звуки свирели Пана, как толпами спешат к нему, окружают его, и вскоре весёлый хоровод движется по зелёной уединённой долине под звуки музыки. Пан и сам любил принимать участие в танцах нимф. Когда развеселится Пан, тогда поднимется в лесах по склонам гор весёлый шум. Весело резвятся нимфы и сатиры вместе с шумливым козлоногим Паном. Когда же наступает жаркий полдень, Пан удаляется в густую чащу леса или в прохладный грот и там отдыхает. Опасно беспокоить тогда Пана – вспыльчив он, может в гневе послать тяжёлый давящий сон, а может, неожиданно появившись, испугать потревожившего его путника. Наконец, может наслать он и панический страх: такой ужас, когда человек опрометью бросается бежать, не разбирая дороги, через леса, через горы, по краю пропастей, не замечая, что бегство ежеминутно грозит ему гибелью. Случалось, что Пан целому войску внушал подобный страх, и оно обращалось в неудержимое бегство. Не следует раздражать Пана: когда вспылит, он грозен, – но если не гневается, то милостив и добродушен. Много благ посылает он пастухам. Бережёт и холит стада греков великий Пан, весёлый участник плясок неистовых менад, частый спутник бога вина Диониса.

Пан и Сиринга

И великого Пана не миновали стрелы златокрылого Эрота. Полюбил он прекрасную нимфу Сирингу. Горда была нимфа и отвергала любовь всех. Как и для дочери Латоны, великой Артемиды, так и для Сиринги охота была любимым занятием. Часто даже принимали Сирингу за Артемиду – так прекрасна была юная нимфа в своей короткой одежде, с колчаном за плечами и с луком в руках. Как две капли воды походила она тогда на Артемиду, лишь лук её был из рога, а не золотой, как у великой богини.

Пан увидал однажды Сирингу, хотел было подойти к ней, но взглянула на него нимфа и в страхе обратилась в бегство. Едва поспевал за ней Пан, стремясь догнать, но вот путь пресекла река. Куда бежать нимфе? Простёрла к реке руки Сиринга и стала молить бога реки спасти её. Бог реки внял мольбам нимфы и превратил её в тростник. Подбежавший Пан хотел уже обнять Сирингу, но обнял лишь гибкий, тихо шелестевший тростник. Стоит Пан, печально вздыхая, и слышится ему в нежном шелесте тростника прощальный привет прекрасной Сиринги. Срезал тогда несколько тростинок Пан, сделал из них сладкозвучную свирель, скрепив неравные коленца тростника воском, и назвал в память нимфы сирингой. С тех пор любил великий Пан играть в уединении лесов на свирели-сиринге, оглашая её нежными зву-

ками окрестные горы.

Состязание Пана с Аполлоном

Пан гордился своей игрой на свирели. Однажды вызвал он самого Аполлона на состязание. Это было на склонах горы Тмол. Судьёй был бог этой горы. В пурпурном плаще, с золотой кифарой в руках и в лавровом венке явился Аполлон на состязание. Пан первый начал состязание. Раздались простые звуки его пастушеской свирели и нежно понеслись по склонам Тмола. Когда замолкли отзвуки его свирели, ударил по золотым струнам своей кифары Аполлон. Полились величественные звуки божественной музыки. Все стоявшие кругом как зачарованные слушали музыку Аполлона. Торжественно гремели золотые струны кифары, вся природа погрузилась в глубокое молчание, и среди тишины широкой волной лилась мелодия, полная дивной красоты. Вот закончил Аполлон, замерли последние звуки его кифары, и бог горы Тмол присудил победу ему. Все принялись славить великого бога-кифареда, и только один Мидас не восторгался игрой Аполлона, а хвалил простую игру Пана. Разгневался Аполлон, схватил Мидаса за уши и вытянул их. С тех пор у Мидаса ослиные уши, которые он старательно прячет под большим тюрбаном. А опечаленный Пан, побеждённый Аполлоном, удалился глубже в чащу лесов. Часто раздаются там полные грусти, нежные звуки его свирели, и с любовью

внимают им юные нимфы.

Герои

Пять Веков[65]

Изложено по поэме Гесиода «Труды и дни»

Живущие на светлом Олимпе бессмертные боги первый род людской создали счастливым; это был золотой век. Бог Крон правил тогда на небе. Как блаженные боги, жили в те времена люди, не зная ни заботы, ни труда, ни печали. Не знали они и немощной старости; всегда были сильны и крепки их ноги и руки. Безболезненная и счастливая жизнь их была вечным пиром. Смерть, наступавшая после долгой их жизни, похожа была на спокойный, тихий сон. Они имели при жизни всё в изобилии. Земля сама давала им богатые плоды, и не приходилось им тратить труд на возделывание полей и садов. Многочисленны были их стада, и спокойно паслись они на тучных пастбищах. Безмятежно жили люди

[65] Поэт Гесиод, представитель крестьянства и мелких земельных собственников, рассказывает, как современные ему греки смотрели на происхождение человека и смену веков. В древности всё было лучше, но постепенно жизнь на земле ухудшалась, и хуже всего жилось во времена Гесиода: всё больше углублялось расслоение на классы и усиливалась эксплуатация бедноты богатыми, поэтому бедному крестьянству действительно жилось плохо под гнётом богатых крупных землевладельцев. Конечно, и после Гесиода жизнь бедняков в Греции лучше не стала, по-прежнему эксплуатировали их богатые.

золотого века. Сами боги приходили к ним советоваться. Но золотой век на земле кончился, и никого не осталось из людей этого поколения. После смерти люди золотого века стали духами, покровителями людей новых поколений. Окутанные туманом, они носятся по всей земле, защищая правду и карая зло. Так наградил их Зевс после их смерти.

Второй людской род и второй век уже не были такими счастливыми, как первый. Это был серебряный век. Не были равны ни силой, ни разумом люди серебряного века людям золотого. Сто лет росли они неразумными в домах своих матерей и, только возмужав, покидали их. Коротка была их жизнь в зрелом возрасте, а так как они были неразумны, то много несчастья и горя видели в жизни. Непокорны были люди серебряного века, не повиновались бессмертным богам и не хотели сжигать им жертвы на алтарях. Великий сын Крона Зевс, разгневавшись на них за то, что не повиновались богам, живущим на светлом Олимпе, уничтожил род их на земле. Зевс поселил их в подземном сумрачном царстве. Там и живут они, не зная ни радостей, ни печалей; им тоже воздают почести люди.

Отец Зевс создал третий род и третий век – век медный. Не похож он на серебряный. Из древка копья создал Зевс людей – страшных и могучих. Возлюбили люди медного века гордость и войну, обильную стонами. Не знали они земледелия и не ели плодов земли, которые дают сады и пашни. Зевс дал им громадный рост и несокрушимую силу. Неукротимо,

мужественно было их сердце и неодолимы их руки. Оружие их было выковано из меди, из меди были их дома, медными орудиями работали они. Не знали ещё в те времена тёмного железа. Своими собственными руками уничтожали друг друга люди медного века. Быстро сошли они в мрачное царство ужасного Аида. Как ни были они сильны, всё же чёрная смерть похитила их, и покинули они ясный свет солнца.

Лишь только этот род сошёл в царство теней, тотчас же великий Зевс создал на кормящей всех земле четвёртый век и новый род людской, более благородный, более справедливый, равный богам род полубогов-героев. И они все погибли в злых войнах и ужасных кровопролитных битвах. Одни погибли у семивратных Фив, в стране Кадма, сражаясь за наследие Эдипа. Другие пали под Троей, куда явились за прекраснокудрой Еленой, переплыв на кораблях широкое море. Когда всех их похитила смерть, Зевс-громовержец поселил их на краю земли, вдали от живых людей. Полубоги-герои живут на островах блаженных у бурных вод океана счастливой, беспечальной жизнью. Там плодородная земля трижды в год даёт им плоды, сладкие как мёд.

Последний род людской и пятый век – железный. Он продолжается и теперь на земле. Ночью и днём, не переставая, губят людей печали и изнурительный труд. Боги посылают людям тяжкие заботы. Правда, к злу примешивают боги и добро, но всё же зла больше, оно царит повсюду. Не чтут дети родителей; друг не верен другу; гость не находит

гостеприимства; нет любви между братьями. Не соблюдают люди данной клятвы, не ценят правды и добра. Друг у друга разрушают люди города. Всюду властвует насилие. Ценятся лишь гордость да сила. Богини Совесть и Правосудие покинули людей. В своих белых одеждах взлетели они на высокий Олимп к бессмертным богам, а людям остались только тяжкие беды, и нет у них защиты от зла.

Девкалион и Пирра (потоп)[66]

Много преступлений совершили люди медного века. Надменные и нечестивые, не повиновались они богам-олимпийцам. Громовержец Зевс прогневался на них; особенно же прогневил Зевса царь Ликосуры в Аркадии, Ликаон. Однажды Зевс под видом простого смертного пришёл в Ликосуру. Чтобы жители знали, что он бог, Зевс дал им знамение, и все жители пали ниц перед ним и чтили его как бога. Один лишь Ликаон не хотел воздать Зевсу божеских почестей и издевался над всеми, кто чтил Зевса. Решив испытать, бог ли Зевс, убил заложника, которого держал в темнице дворца, часть тела его сварил, часть изжарил и предложил как трапезу великому громовержцу. Страшно разгневался Зевс и ударом молнии разрушил дворец Ликаона, а его самого превратил в кровожадного волка.

Всё нечестивей становились люди, и решил великий тучегонитель, эгидодержавный Зевс уничтожить весь род людской. Для этого он задумал послать на землю такой мощный ливень, чтобы всё затопило. Зевс запретил дуть всем ветрам, лишь влажный южный ветер Нот гнал по небу тёмные дож-

---

[66] В этом мифе даётся рассказ о Всемирном потопе и о том, как Девкалион и Пирра спасаются в огромном ящике. Миф о потопе существовал и в древнем Вавилоне (это миф о Пирнапиштиме, или Утнапиштиме), который был заимствован и древними евреями (библейский миф о Всемирном потопе и Ное).

девые тучи. Ливень хлынул на землю. Вода в морях и реках подымалась всё выше и выше, заливая всё вокруг. Скрылись под водой города со своими стенами, домами и храмами, не видно было уже и башен, которые высоко подымались на городских стенах. Постепенно вода покрывала всё – и поросшие лесом холмы, и высокие горы. Вся Греция скрылась под бушующими волнами моря, лишь вершина двуглавого Парнаса одиноко подымалась средь волн. Там, где раньше крестьянин возделывал свою ниву и где зеленели богатые спелыми гроздьями виноградники, плавали рыбы, а в лесах, покрытых водой, резвились стада дельфинов.

Так погиб род людской медного века. Лишь двое спаслись среди общей гибели – Девкалион, сын Прометея, и жена его, Пирра. По совету отца своего Прометея Девкалион построил огромный ящик, положил в него съестных припасов и вошёл в него с женой своей. Девять дней и ночей носился ящик Девкалиона по волнам моря, покрывшим всю сушу. Наконец пригнали его волны к двуглавой вершине Парнаса. Ливень, посланный Зевсом, прекратился. Девкалион и Пирра вышли из ящика и принесли благодарственную жертву Зевсу, сохранившему их среди бурных волн. Вода схлынула, и снова показалась из-под волн земля, опустошённая, подобная пустыне.

Тогда эгидодержавный Зевс послал к Девкалиону вестника богов Гермеса. Быстро понёсся над опустевшей землёй вестник богов, предстал пред Девкалионом и сказал ему:

– Властитель богов и людей Зевс, зная твоё благочестие, повелел тебе выбрать награду; выскажи твоё желание, и исполнит его сын Крона.

Девкалион ответил Гермесу:

– О великий Гермес, об одном лишь молю я Зевса: пусть опять населит он землю людьми.

Быстрый Гермес понёсся обратно на светлый Олимп и передал Зевсу мольбу Девкалиона. Великий Зевс повелел Девкалиону и Пирре набрать камней и бросать их, не оборачиваясь, через голову. Девкалион исполнил веление могучего громовержца, и из камней, которые бросал он, создались мужчины, а из камней, брошенных женой его Пиррой, – женщины. Так земля получила после потопа снова население. Её заселил новый род людей, происшедших из камня.

Прометей

Миф о том, как Прометей был прикован по повелению Зевса к скале, изложен по трагедии Эсхила «Прикованный Прометей»[67]

Пустынная, дикая местность на самом краю земли, в стране скифов. Суровые скалы уходят за облака своими остроконечными вершинами. Кругом – никакой растительности, не видно ни единой травки, всё голо и мрачно. Всюду высятся тёмные громады камней, оторвавшихся от скал. Море шумит и грохочет, ударяясь своими валами о подножие скал, и высоко взлетают солёные брызги. Морской пеной покрыты прибрежные камни. Далеко за скалами виднеются снежные вершины Кавказских гор, подёрнутые лёгкой дымкой. Постепенно заволакивают даль грозные тучи, скрывая горные

[67] Эсхил рассказывает о том, как Зевс, правящий всем миром в качестве жестокого тирана, наказывает восставшего против него титана Прометея. Могучий титан, вопреки воле Зевса, похитил с Олимпа огонь и дал его людям, а ещё дал знания, научил земледелию, ремёслам, постройке кораблей, чтению и письму. Этим Прометей сделал жизнь людей счастливее и поколебал власть Зевса и его помощников – олимпийских богов. Но главная вина Прометея в том, что не хочет он открыть Зевсу тайну, от кого родится у Зевса сын, который будет могущественнее его и свергнет его с престола. Маркс за те слова, которые говорит Прометей: «По правде, всех богов я ненавижу», – и за его ответ Гермесу: «Знай хорошо, что я б не променял своих скорбей на рабское служенье. Мне лучше быть прикованным к скале, чем верным быть прислужником Зевеса», – заключил: «Прометей – самый благородный святой и мученик в философском календаре» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 26).

вершины. Всё выше и выше поднимаются по небу тучи и закрывают солнце. Ещё мрачнее становится всё кругом. Безотрадная, суровая местность. Никогда ещё не ступала здесь нога человека. Сюда-то, на край земли, привели скованного титана Прометея, чтобы приковать несокрушимыми цепями к вершине скалы, неодолимые слуги громовержца, Сила и Власть. Громадные тела их словно высечены из гранита. Не знают сердца их жалости, в глазах их никогда не светится сострадание, их лица суровы, как скалы, которые стоят вокруг. Печальный, низко склонив голову, идёт за ними бог Гефест со своим тяжёлым молотом. Ужасное дело предстоит ему: своими руками должен приковать он друга Прометея. Глубокая скорбь гнетёт Гефеста, но не смеет он ослушаться отца своего, громовержца Зевса, потому что знает, как неумолимо карает он неповиновение.

Сила и Власть возвели Прометея на вершину скалы и стали торопить Гефеста приниматься за работу. Их жестокие речи вызывают у Гефеста ещё больше страданий за друга. Неохотно взялся он за свой громадный молот: только необходимость заставляет его повиноваться, – но торопит его Сила:

– Скорей, скорей бери оковы! Прикуй Прометея могучими ударами молота к скале. Напрасна твоя скорбь о нём, ведь ты скорбишь о враге Зевса.

Сила грозит гневом Зевса Гефесту, если не прикуёт он Прометея так, чтобы ничто не могло освободить его. Ге-

фест приковывает к скале несокрушимыми цепями руки и ноги Прометея. Как ненавидит он теперь своё искусство – ведь благодаря ему должен приковать друга на долгие муки. Неумолимые служители Зевса всё время следят за его работой.

– Сильней бей молотом! Крепче стягивай оковы! Не смей их ослаблять! Хитёр Прометей, искусно умеет он находить выход и из неодолимых препятствий, – говорит Сила. – Крепче прикуй его, пусть здесь узнает он, каково обманывать Зевса.

– О, как подходят жестокие слова ко всему твоему суровому облику! – восклицает Гефест, принимаясь за работу.

Скала содрогается от тяжких ударов молота, и от края до края земли разносится грохот могучих ударов. Прикован наконец Прометей. Но это ещё не всё, нужно ещё прибить его к скале, пронзив ему грудь стальным несокрушимым остриём. Медлит Гефест, наконец восклицает:

– О Прометей! Как скорблю я, видя твои муки!

– Опять ты медлишь! – гневно говорит Гефесту Сила. – Ты всё скорбишь о враге Зевса! Смотри, как бы не пришлось тебе скорбеть о самом себе!

Наконец всё окончено. Всё сделано так, как повелел Зевс. Прикован титан, а грудь его пронзило стальное остриё. Издеваясь над Прометеем, говорит ему Сила:

– Ну вот, здесь ты можешь быть сколько хочешь надменным; будь горд по-прежнему! Давай теперь смертным дары

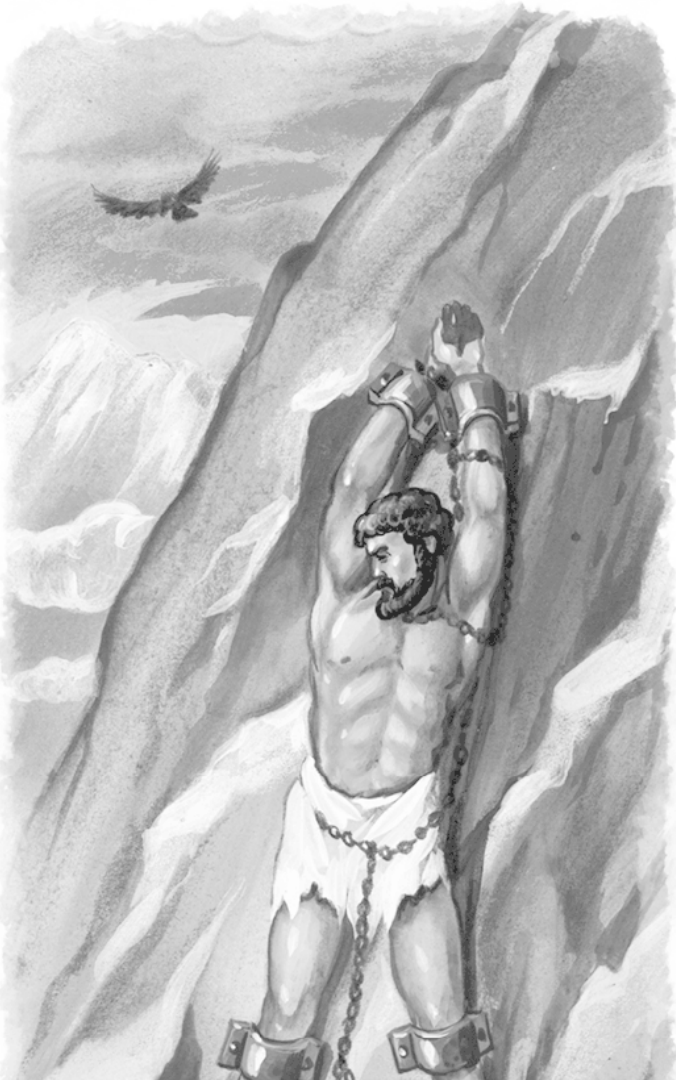
богов, похищенные тобой! Посмотрим, в силах ли будут помочь тебе твои смертные. Придётся тебе самому подумать о том, как освободиться из этих оков.

Но Прометей хранит гордое молчание. За всё время, пока приковывал его Гефест к скале, не проронил он ни единого слова, даже тихий стон не вырвался у него, ничем не выдал своих страданий.

Ушли слуги Зевса, Сила и Власть, а с ними ушёл и печальный Гефест. Один остался Прометей. Только теперь, когда слышать его могли лишь море да мрачные тучи, тяжкий стон вырвался из пронзённой груди могучего титана, только теперь стал он сетовать на злую судьбу свою.

Громко воскликнул Прометей, невыразимым страданием и скорбью прозвучали его сетования:

– О божественный Эфир и вы, быстронесущиеся ветры, о источники рек и несмолкающий рокот морских волн, о Земля, всеобщая праматерь, о всевидящее Солнце, обегающее весь круг земли, – всех вас зову я в свидетели! Смотрите, что терплю я! Вы видите, какой позор должен нести я неисчислимые годы! О горе, горе! Стонать я буду от мук и теперь, и много-много веков! Как найти мне конец моим страданиям? Но что же говорю я! Ведь я же знал всё, что будет. Муки эти не постигли меня нежданно. Я знал, что неизбежны веления грозного рока. Я должен нести эти муки! За что же? За то, что дал великие дары смертным, за это я должен страдать так невыносимо, и не избежать мне этих мук. О горе, горе!



Но вот послышался тихий шум: будто от взмахов крыльев, словно полёт лёгких тел всколыхнул воздух. С далёких берегов седого океана, из прохладного грота, с лёгким дуновением ветерка принеслись на колеснице к скале океаниды. Они слыхали удары молота Гефеста, донеслись до них и стоны Прометея. Слёзы заволокли, как пеленой, прекрасные очи океанид, когда увидели они прикованного к скале могучего титана. Родным был он океанидам. Отец его, Япет, был братом отца их, Океана, а жена Прометея, Гесиона, была их сестрой. Окружили скалу океаниды. Глубока их скорбь о Прометее. Но слова его, которыми клянёт он Зевса и всех богов-олимпийцев, пугают их. Они боятся, чтобы Зевс не сделал ещё более тяжкими страдания титана. За что постигла его такая кара, этого не знают океаниды. Полные сострадания, просят они Прометея поведать им, за что покарал его Зевс, чем прогневал его титан.

Прометей рассказал им, как помог Зевсу в борьбе с титанами, как убедил мать свою Фемиду и великую богиню земли Гею стать на сторону Зевса. Зевс победил титанов и сверг их, по совету Прометея, в недра ужасного Тартара. Завладел Зевс властью над миром и разделил её с новыми богами-олимпийцами, а тем титанам, которые помогали ему, не дал громовержец власти в мире. Зевс ненавидит титанов, боится их грозной силы. Не доверял Зевс и Прометею и ненавидел его. Ещё сильнее разгорелась эта ненависть, когда Про-

метей стал защищать несчастных смертных, которые жили ещё в то время, когда правил Крон, и которых Зевс хотел погубить. Прометей пожалел не обладавших ещё разумом людей: не хотел, чтобы сошли они несчастными в мрачное царство Аида, – и вдохнул им надежду, которой не знали люди, и похитил для них божественный огонь, хотя и знал, какая кара постигнет его за это. Страх ужасной казни не удержал гордого, могучего титана от желания помочь людям. Не удержали его и предостережения его вещей матери, великой Фемиды.

С трепетом слушали океаниды рассказ Прометея. Но вот на быстрокрылой колеснице принёсся к скале сам вещий старец Океан и стал уговаривать Прометея покориться власти Зевса: ведь должен же он знать, что бесплодно бороться с победителем ужасного Тифона. Океан сам страдает, видя те муки, которые терпит Прометей. Вещий старец готов спешить на светлый Олимп, чтобы молить Зевса помиловать титана, хотя и рисковал мольбами за него навлечь гнев громовержца на себя самого. Он верит, что мудрое слово защиты часто смягчает гнев, но напрасны все мольбы Океана. Прометей сказал ему гордо:

– Нет, не старайся спасти меня: как бы сострадание не принесло вреда тебе самому. До дна исчерпаю я всё зло, которое послала мне судьба.

– О, вижу я, – грустно ответил Океан, – что этими словами вынуждаешь ты меня вернуться назад, ничего не достиг-

нув. Верь же мне, о Прометей, что привела меня сюда лишь забота о твоей судьбе и любовь к тебе!

– Нет! Уходи! Скорей, скорей спеши отсюда! Оставь меня! – воскликнул Прометей.

С болью в сердце покинул Океан Прометея: умчался на своей крылатой колеснице, – а Прометей продолжил рассказ океанидам о том, что сделал для людей, как облагодетельствовал их, нарушив волю Зевса. В горе Мосх на Лемносе из горна своего друга Гефеста похитил Прометей огонь для людей. Он же научил их искусствам, счёту, чтению и письму, дал другие знания: познакомил с металлами, поведал, как в недрах земли добывать их и обрабатывать. Прометей смирил для смертных дикого быка и надел на него ярмо, чтобы могли люди обрабатывать свои поля, а также впряг коня в колесницу и сделал послушным человеку. Мудрый титан построил и оснастил первый корабль, распустил на нём льняной парус, чтобы быстрее нёсся по безбрежному морю. Раньше люди не знали лекарств, не умели лечить болезни, беззащитны были против них, но Прометей открыл им силу лекарств, чтобы смирили они болезни. Он научил их всему тому, что облегчает горести жизни и делает её счастливее и радостнее. Этим и прогневал он Зевса, за это и покарал его громовержец.

Но не вечно будет страдать Прометей. Он знает, что злой рок постигнет и могучего громовержца. Не избегнет он своей судьбы! Прометей знает, что царство Зевса не вечно: бу-

дет он свергнут с высокого царственного Олимпа. Знает вещий титан и великую тайну, как избежать Зевсу злой судьбы, но не откроет он этой тайны Зевсу. Никакая сила, никакие угрозы, никакие муки не исторгнут её из уст гордого Прометея.

Окончил Прометей свою повесть. С изумлением слушали его океаниды и дивились великой мудрости и несокрушимой силе духа могучего титана, осмелившегося восстать против громовержца Зевса. Опять овладел ими ужас, когда услыхали они, какой судьбой грозит Зевсу Прометей. Они знали, что если эти угрозы достигнут Олимпа, то ни перед чем не остановится громовержец, лишь бы узнать роковую тайну. Полными слёз глазами смотрели на Прометея океаниды, потрясённые мыслью о неизбежности велений сурового рока. Глубокое молчание воцарилось на скале, прерываемое лишь неумолкающим шумом моря.

Вдруг вдали раздался чуть слышный, едва уловимый стон скорби и боли; вот опять – уже ближе и громче. Гонимая громадным оводом, посланным Герой, вся в крови, покрытая пеной, неслась в неистовом, безумном беге обращённая в корову несчастная Ио, дочь речного бога Инаха, первого царя Арголиды. Истомлённая, обессиленная скитаниями, истерзанная жалом овода, остановилась она перед прикованным Прометеем и, громко стеная, стала сетовать на то, что пришлось ей вынести, а потом взмолилась:

– О Прометей! Здесь, на этом пределе моих скитаний, от-

крой мне, когда же кончатся мои муки, когда обрету я наконец покой.

– О, верь мне, Ио! – ответил Прометей. – Лучше не знать тебе этого, чем знать. Много ещё стран пройдёшь ты, много встретишь ужасов на своём пути. Твой тяжкий путь лежит через страну скифов, через высокий снежный Кавказ, через страну амазонок к проливу Босфору – так назовут его в честь тебя, когда ты переплывёшь его. Долго будешь ты затем блуждать по Азии. Ты пройдёшь мимо страны, где живут несущие смерть горгоны, на головах которых извиваются, шипя, змеи вместо волос. Остерегайся их! Остерегайся грифов[68] и одноких аримаспов[69] – ты их встретишь на своём пути. Наконец достигнешь ты Библинских гор, с которых низвергает свои благодатные воды Нил. Вот там-то, в стране, которую орошает Нил, у его устья найдёшь ты наконец покой. Там вернёт тебе Зевс твой прежний прекрасный образ, и родится у тебя сын Эпаф. Он будет властвовать над всем Египтом и станет родоначальником славного поколения героев. Из этого рода произойдёт и тот смертный, который освободит меня из оков. Вот что, Ио, поведала мне о судьбе твоей мать моя, вещая Фемида.

Громко воскликнула Ио:

---

[68] Чудовища с орлиными крыльями и головой и телом льва, сторожившие на крайнем севере Азии золотые россыпи.

[69] Мифический народ, что жил по соседству с грифами и вёл с ними непрекращавшуюся борьбу.

– О горе, горе! О сколько страданий сулит мне ещё злой рок! Сердце трепещет в груди моей от ужаса! Вновь овладевает мной безумие, снова вонзилось огненное жало в моё истерзанное тело, опять лишаюсь я дара речи! О горе, горе!

Безумно вращая глазами, в бешеном беге понеслась прочь от скалы Ио. Словно подхваченная вихрем, мчалась она вдаль. С громким жужжанием нёсся за ней овод, и, как огнём, жгло его жало несчастную Ио. Скрылась она в облаках пыли из глаз Прометея и океанид. Все тише, тише доносились до скалы вопли Ио, пока не замерли, наконец, вдали подобно тихому стону скорби.

Молчали Прометей и океаниды, скорбя о несчастной Ио, но вот воскликнул гневно Прометей:

– Как ни мучь ты меня, громовержец Зевс, но всё же настанет день, когда и тебя повергнут в ничтожество. Лишишься ты царства и свергнут будешь во мрак. Исполнятся тогда проклятия отца твоего Крона! Никто из богов не знает, как предотвратить от тебя эту злую судьбу! Лишь я знаю это! Вот сидишь ты теперь, могучий, на светлом Олимпе и мечешь громы и молнии, но они тебе не помогут, они бессильны против неизбежного рока. О повергнутый во прах, узнаешь ты, какая разница между властью и рабством!

Страх затуманил очи океанид, и ужас согнал краску с их прекрасных ланит. Наконец, простирая к Прометею свои руки, белые, как морская пена, воскликнули они:

– Безумный! Как не страшишься ты грозить так царю бо-

гов и людей Зевсу? О Прометей, ещё более тяжкие муки пошлёт он тебе! Подумай о судьбе своей, пожалей себя!

– На все готов я!

– Но ведь склоняется же мудрый пред неумолимым роком!

– О, молите, просите вы пощады! Ползите на коленях к грозному владыке! А мне – что мне громовержец Зевс? Чего бояться мне его? Не суждена мне смерть! Пусть делает что хочет Зевс: недолго ему властвовать над богами!

Едва промолвил эти слова Прометей, как по воздуху быстро, словно падающая звезда, пронёсся посланник богов Гермес и, грозный, предстал перед Прометеем. Его послал Зевс потребовать, чтобы титан открыл тайну: кто свергнет Зевса и как избегнуть веления судьбы? Стал Гермес грозить ужасной карой Прометею за неповиновение, но могучий титан, оставаясь непреклонен, с насмешкой ответил:

– Неразумным был бы ты дитём, если бы понадеялся узнать хоть что-нибудь. Знай же: не променяю я своих скорбей на рабское служение Зевсу. Мне лучше быть здесь прикованным к скале, чем пресмыкаться перед тираном. Нет такой казни, таких мук, которыми мог бы Зевс устрашить меня и вырвать из уст моих хоть единое слово. Нет, не узнает он, как спастись ему от судьбы, никогда не узнает и кто отнимет у него власть!

– Так слушай же, Прометей, что будет с тобой, если ты откажешься исполнить волю Зевса, – заявил в гневе тита-

ну Гермес. – Ударом своей молнии он низвергнет эту скалу с тобой вместе в мрачную бездну. Там, в каменной темнице, много-много веков лишённый света солнца, будешь терзаться ты в глубоком мраке. Пройдут века, и снова подымет тебя Зевс на свет из бездны, но не на радость, а на новые муки. Каждый день будет прилетать орёл, которого пошлёт Зевс, и острыми когтями и клювом терзать твою печень; вновь и вновь будет вырастать она, и всё ужасней будут твои страдания. Так будешь ты висеть на скале до той поры, пока кто-то другой не согласится добровольно сойти вместо тебя в мрачное царство Аида. Подумай, Прометей: не лучше ль покориться? Ведь ты же знаешь, что Зевс никогда не грозит напрасно!

Непреклонным остался гордый титан. Разве могло что-нибудь устрашить его сердце? Вдруг задрожала земля, всё кругом сотряслось; раздались оглушительные раскаты грома, и сверкнула нестерпимым светом молния. Забушевал неистово верный вихрь. Словно громады гор, поднялись на море пенистые валы. Заколебалась скала. Среди рёва бури, среди грома и грохота землетрясения раздался ужасный вопль Прометея:

– О, какой удар направил против меня Зевс, чтобы вызвать ужас в моём сердце! О высокочтимая мать Фемида, о Эфир, струящий всем свет! Смотрите, как несправедливо карает меня громовержец!

Рухнула со страшным грохотом скала с прикованным

к ней Прометеем в неизмеримую бездну, в вековечный мрак[70].

Протекли века, и снова поднял Зевс Прометея на свет из тьмы, но страдания его не кончились, а стали ещё тяжелее. Опять лежит он, распростёртый, на высокой скале, пригвождённый к ней, опутанный оковами. Жгут его тело палящие лучи солнца, проносятся над ним бури, хлещут дожди и град его измождённое тело, зимой же хлопьями падает на него снег и леденящий холод сковывает его члены. И этих мук мало! Каждый день громадный орёл прилетает, шумя могучими крыльями, на скалу, садится Прометею на грудь и принимается острыми как сталь когтями терзать его и рвать клювом печень. Потоками льётся кровь и обагряет скалу, чёрными сгустками застывает у подножия и, разлагаясь на солнце, невыносимым смрадом заражает кругом воздух. За ночь заживают раны титана и вновь вырастает печень, чтобы обеспечить пищу орлу. Годы, века длятся эти муки. Истомился могучий титан Прометей, но не сломлен его гордый дух страданиями.

Титаны давно примирились с Зевсом, покорились ему и признали его власть, и Зевс освободил их из мрачного Тартара. Теперь они, громадные, могучие, пришли на край земли к скале, где лежал скованный Прометей, окружили скалу и стали убеждать покориться Зевсу. Пришла и мать Прометея Фемида и тоже принялась умолять сына смирить свой

[70] Этим кончается трагедия Эсхила «Прикованный Прометей».

гордый дух и не противиться Зевсу, сжалиться над ней – ведь так невыносимо страдает она, видя его муки. Сам Зевс забыл уже свой прежний гнев. Теперь держава его сильна, ничто не может поколебать её, ничто не страшно ему. Да и правит он уже не как тиран, а охраняет государства, хранит законы, покровительствует людям и правде среди них. Только одно беспокоит ещё громовержца – тайна, которую знает один Прометей. Зевс готов, если Прометей откроет ему роковую тайну, помиловать могучего титана. Уже близко время, когда кончатся муки Прометея. Уже родился и возмужал великий герой, которому суждено судьбой освободить от оков титана. Непреклонный Прометей по-прежнему хранит тайну, изнывая от мук, но и его начинают покидать силы.

Наконец тот, кому предстояло освободить Прометея, во время своих странствований пришёл и сюда, на край земли. Герой этот – Геракл, сильнейший из людей, могучий как бог. С ужасом глядя на мучения Прометея, слушал могучий герой рассказ титана о злой судьбе его и пророчества о великих подвигах, какие ещё предстоит ему совершить. Преисполнился состраданием Геракл, но ещё не весь ужас его страданий видел. Вот послышался вдали шум могучих крыльев – это летит на свой кровавый пир орёл. Покружил он высоко в небе над Прометеем, вот уже собрался спуститься к нему на грудь, но не дал Геракл ему терзать титана: схватил свой лук, вынул из колчана смертоносную стрелу, призвал стреловержца Аполлона, чтобы верней направил её по-

лёт, и пустил. Громко зазвенела тетива лука, взвилась стрела, и, пронзённый, упал орёл в бурное море у самого подножия скалы. Миг освобождения настал. Принёсся с высокого Олимпа быстрый Гермес, обратился с ласковой речью к могучему Прометею и пообещал немедленное освобождение, если откроет он тайну, как избежать Зевсу злой судьбы, и тот наконец согласился:

– Пусть не вступает громовержец в брак с морской богиней Фетидой, так как богини судьбы, вещие мойры, вынули такой жребий Фетиде: кто бы ни был её мужем, от него родится у неё сын, который будет могущественней отца. Пусть боги отдадут Фетиду в жёны герою Пелею, и будет сын Фетиды и Пелея величайшим из смертных героев Греции.

После того как Прометей открыл великую тайну, Геракл разбил своей тяжёлой палицей его оковы и вырвал из груди несокрушимое стальное остриё, которым пригвождён был титан к скале. Поднялся титан, теперь свободный. Кончились его муки. Так исполнилось его предсказание, что смертный освободит его. Громкими радостными криками приветствовали титаны освобождение Прометея.

С тех пор носит Прометей на руке железное кольцо, в которое вставлен камень от той скалы, где терпел он столько веков невыразимые муки.

Вместо же Прометея в подземное царство душ умерших согласился сойти мудрый кентавр Хирон. Этим избавился он от страданий, которые причиняла ему неисцелимая рана, нанесённая нечаянно Гераклом.

Пандора

Когда Прометей похитил для смертных божественный огонь, научил их искусствам и ремёслам и дал им знания, счастливее стала жизнь на земле. Зевс, разгневанный поступком Прометея, жестоко покарал его, а людям послал на землю зло. Он повелел славному богу-кузнецу Гефесту смешать землю и воду и сделать из этой смеси прекрасную девушку, которая обладала бы силой людей, нежным голосом и взглядом очей, подобным взгляду бессмертных богинь. Дочь Зевса, Афина Паллада, должна была выткать для неё прекрасную одежду; богиня любви, златая Афродита, дать ей неотразимую прелесть, а Гермес – хитрый ум и изворотливость.

Тотчас же боги исполнили повеление Зевса. Гефест сделал из земли необычайно прекрасную девушку. Оживили её боги. Афина Паллада и хариты облачили девушку в сияющие как солнце одежды и надели на неё золотые ожерелья. Оры возложили на её пышные кудри венок из вешних благоухающих цветов. Гермес вложил ей в уста лживые и полные лести речи. Назвали боги её Пандорой, так как от всех получила она дары[71]. Пандора должна была принести с собой людям несчастье.

---

[71] *Пандора* значит «наделённая всеми дарами».

Когда это зло для людей было готово, Зевс послал Гермеса отнести Пандору на землю к брату Прометея Эпиметею. Мудрый Прометей много раз предостерегал своего неразумного брата и советовал ему не принимать даров от громовержца Зевса: боялся, что эти дары принесут с собой людям горе, – но не послушался Эпиметей совета мудрого брата. Пленила его своей красотой Пандора, и он взял её себе в жёны. Вскоре Эпиметей узнал, сколько зла принесла с собой Пандора людям.

В доме Эпиметея стоял большой сосуд, плотно закрытый тяжёлой крышкой. Никто не знал, что в этом сосуде, и никто не решался открыть его, так как всем было известно, что это грозит бедами. Любопытная Пандора тайно сняла с сосуда крышку, и разлетелись по всей земле те бедствия, которые были некогда в нём заключены. Только одна Надежда

осталась на дне громадного сосуда. Крышка сосуда снова захлопнулась, и не вылетела Надежда из дома Эпиметея. Этого не пожелал громовержец Зевс. Счастливо жили раньше люди, не зная зла, тяжёлого труда и губительных болезней. Теперь мириады бедствий распространились среди людей. Теперь злом наполнились и земля, и море. Незваными и днём и ночью приходят к людям зло и болезни, страдания несут они с собой людям. Неслышными шагами, молча приходят они, так как лишил их Зевс дара речи, сотворив зло и болезни немыми.

Эак[72]

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Зевс-громовержец, похитив прекрасную дочь речного бога Асопа, унёс её на остров Ойнопия, который стал называться с тех пор именем дочери Асопа – Эгиной. На этом острове родился сын Эгины и Зевса Эак. Когда Эак вырос, возмужал и стал царём острова Эгина, никто не мог сравняться с ним во всей Греции ни любовью к правде, ни справедливостью. Сами великие олимпийцы чтили Эака и часто избирали судьёй в своих спорах. По смерти же Эак, подобно Миносу и Радаманфу, стал по воле богов судьёй в подземном царстве.

Лишь великая богиня Гера ненавидела Эака так, что наслала великое бедствие на его царство. Окутал густой туман остров Эгина и продержался четыре месяца, пока не разогнал его южный ветер. Но не освобождение от бедствия, а гибель принёс своим дыханием ветер. От тлетворного тумана неисчислимое множество ядовитых змей наполнило пруды, источники и ручьи Эгины, всех отравили они своим ядом. Начался ужасный мор на острове, вымерло всё живое. Оста-

---

[72] Миф об Эаке особенно интересен тем, что в нём ясно выражен пережиток тотемизма. В мифе рассказывается о том, как из муравьёв произошло племя мирмидонян. Вера в то, что люди могут произойти от животных, свойственна первобытной религии.

лись невредимыми лишь Эак да его сыновья. В отчаянии воздел Эак руки к небу и воскликнул:

– О великий, эгидодержавный Зевс, если ты действительно был супругом Эгины, если ты действительно мой отец и не стыдишься своего потомства, то верни мне мой народ или же и меня скрой во мраке могилы!

Дал знамение Эаку Зевс, что внял его мольбе. Сверкнула молния, и раскатился удар грома по безоблачному небу. Понял Эак, что услышана его молитва. Там, где молился Эак отцу Зевсу, стоял могучий, посвящённый громовержцу дуб, а у его корней был муравейник. Случайно упал взгляд Эака на муравейник, полный тысяч трудолюбивых муравьёв. Эак долго смотрел, как хлопотали муравьи и строили свой муравьиный город, и сказал:

– О милостивый отец Зевс, дай мне столько трудолюбивых граждан, сколько муравьёв в этом муравейнике.

Лишь только промолвил это Эак, как дуб при полном безветрии зашелестел своими могучими ветвями. Ещё одно знамение послал Зевс Эаку.

Настала ночь, и увидел Эак чудесный сон. Ветви священного дуба Зевса были покрыты множеством муравьёв. Заколыхались ветви дуба, и дождём посыпались с них муравьи. Упав на землю, муравьи становились всё больше и больше; вот поднялись они на ноги, выпрямились, пропал их тёмный цвет и худоба; постепенно обращались они в людей. Проснулся Эак, но не поверил вещему сну, даже посетовал

на богов, что не шлют ему помощи. Вдруг раздался сильный шум. Эак услышал шаги и людские голоса, которых уже давно не слышал, и подумал, уж не сон ли это. Вдруг вбежал сын его Теламон, бросился к отцу и, радостный, воскликнул:

– Скорее, отец! Таких чудес ты вовсе не ждал.

Вышел Эак из покоя, и встретили его те самые люди, которых видел во сне, и провозгласили царём, а он назвал их мирмидонянами[73]. Так был вновь заселён Эгина.

[73] От слова *мирмекс* – муравей.

Данаиды

В основном изложено по трагедии Эсхила «Молящие о защите»

У сына Зевса и Ио Эпафа был сын Бел, а у него тоже были сыновья – Египт и Данай. Всей страной, которую орошает благодатный Нил, владел Египт, от него страна эта получила и своё имя. Данай же правил в Ливии. Боги дали Египту пятьдесят сыновей, а Данаю – пятьдесят прекрасных дочерей. Пленили своей красотой данаиды сыновей Египта, и захотели они вступить в брак с прекрасными девушками, но отказали им Данай и данаиды. Собрали сыновья Египта большое войско и пошли войной на Даная. Побеждённый своими племянниками, лишился своего царства Данай и бежал. С помощью богини Афины Паллады построил Данай первый пятидесятивёсельный корабль и пустился на нём со своими дочерьми в безбрежное, вечно шумящее море.

Долго носило по морским волнам корабль Даная, и приплыл он наконец к острову Родосу. Здесь Данай пристал с дочерьми к берегу, основал святилище своей покровительнице, богине Афине, принёс ей богатые жертвы. Но не остался Данай на Родосе. Опасаясь преследования сыновей Египта, поплыл он с дочерьми своими дальше, к берегам Греции, в Арголиду[74] – родину его прародительницы Ио. Сам Зевс

[74] Область на северо-востоке Пелопоннеса.

охранял корабль во время опасного плавания по безбрежному морю. После долгого пути пристал корабль к благодатным берегам Арголиды. Здесь надеялись Данай и данаиды найти защиту и спасение от ненавистного им брака с сыновьями Египта.

Под видом молящих о защите, с масличными ветвями в руках данаиды вышли на пустынный берег. Через некоторое время вдали показалось облако пыли, и по мере его приближения стало видно сверкание щитов, шлемов и копий, слышен грохот боевых колесниц. Это приближалось войско царя Арголиды Пеласга, сына Палехтона. Извещённый о прибытии корабля, Пеласг явился к берегу моря со своим войском, но не врага увидел там, а старца Даная и пятьдесят его прекрасных дочерей с ветвями в руках. Простирая к нему руки, с глазами, полными слёз, стали молить его дочери Даная защитить их от гордых сыновей Египта. Именем Зевса, могучего защитника молящих, заклинали данаиды Пеласга не выдавать их. Ведь не чужие они в Арголиде – это родина их прародительницы Ио.

Пеласг всё ещё колебался – страшила его война с могучими властителями Египта, – но ещё больше боялся он гнева Зевса, если, нарушив его законы, оттолкнёт тех, кто молит его именем громовержца о защите. Наконец Пеласг посоветовал Данаю самому пойти в Аргос и там положить на алтари богов масличные ветви в знак мольбы о защите. Сам же он решил собрать народ и спросить его совета, пообещав дана-

идам приложить все старания, чтоб убедить граждан Аргоса оказать им защиту.

С трепетом ждали данаиды решения народного собрания. Зная, как неукротимы сыновья Египта, как грозны в битве, они представляли, что их ждёт, если пристанут к берегу Арголиды корабли египтян. Что делать им, беззащитным девам, если лишат их приюта и помощи жители Аргоса? А несчастье было совсем близко. Уже прибыл вестник сыновей Египта и пригрозил силой отвести на корабль данаид. Схватив за руку одну из девушек, велел он рабам своим схватить и других, но тут опять явился царь Пеласг и взял данаид под свою защиту. Его не испугало и то, что вестник сыновей Египта грозил ему войной.

Гибель принесло Пеласгу и жителям Арголиды решение оказать защиту Данаю и его дочерям. Побеждённый в кровопролитной битве, принужден был бежать Пеласг на самый север своих обширных владений. Правда, Даная избрали царём Аргоса, но, чтобы купить мир у сыновей Египта, ему пришлось всё же отдать им в жёны своих прекрасных дочерей.

Пышно отпраздновали свадьбы с данаидами сыновья Египта, не ведая, какую участь несёт им этот брак. Кончились наконец шумные свадебные пиры; замолкли свадебные гимны; потухли брачные факелы; тьма ночи окутала Аргос. Глубокая тишина царила в объятом сном городе. Вдруг в тиши раздался предсмертный тяжкий стон, вот ещё один, ещё

и ещё. Ужасное злодеяние совершили под покровом ночи данаиды. Кинжалами, которые им дал отец их Данай, пронзили они своих мужей, лишь только сон сомкнул их очи. Так погибли ужасной смертью сыновья Египта. Спасся только один из них, прекрасный Линкей. Юная дочь Даная Гипермнестра успела полюбить его, поэтому, не в силах пронзить грудь своего мужа кинжалом, разбудила и тайно вывела из дворца.

В неистовый гнев пришёл Данай, когда узнал, что Гипермнестра ослушалась его повеления, заковал дочь в тяжёлые цепи и бросил в темницу. Собрался суд старцев Аргоса, чтобы судить юную деву за ослушание. Данай хотел предать дочь свою смерти, но на суд явилась сама богиня любви, златая Афродита, защитила Гипермнестру и спасла от жестокой казни. Сострадательная, любящая дочь Даная стала женой Линкея. Боги благословили этот брак многочисленным потомством великих героев. Сам Геракл, бессмертный герой Греции, принадлежал к роду Линкея.

Зевс не хотел гибели и других данаид, поэтому повелел Афине и Гермесу очистить их от скверны пролитой крови. Царь Данай устроил в честь богов-олимпийцев великие игры, и победители получили как награду в жёны его дочерей.

Всё же не избежали данаиды кары за совершённое злодеяние, пусть и после смерти своей. В мрачном царстве Аида данаиды должны наполнять водой громадный сосуд, не имеющий дна. Вечно предстояло им носить воду, черпая её в подземной реке, и выливать в сосуд. Вот, кажется, уже полон он,

но вытекает из него вода и принимаются за работу данаиды: носят воду и льют в сосуд без дна. И нет конца их бесплодной работе.

Персей[75]

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Рождение Персея

У царя Аргоса Акрисия, внука Линкея, была дочь Даная, славившаяся своей неземной красотой. Акрисию было предсказано оракулом, что погибнет он от руки сына Данаи. Чтобы избежать такой судьбы, Акрисий построил глубоко под землёй из бронзы и камня обширные покои и там заключил свою дочь Данаю, чтобы никто не видал её.

Но полюбил её великий громовержец Зевс, проник в подземные покои Данаи в виде золотого дождя, и стала дочь Акрисия женой Зевса. От этого брака родился у Данаи прелестный мальчик. Мать назвала его Персеем.

Недолго прожил маленький Персей со своей матерью в подземных покоях. Однажды Акрисий услышал детский голос и весёлый смех, спустился к дочери узнать, в чём дело. Увидав маленького прелестного мальчика, он очень удивился, а узнав, что это сын Данаи и Зевса, испугался. Тот-

---

[75] Один из наиболее популярных героев Греции, о котором сохранилось немало мифов, хотя и не одинаковых по содержанию. Интересно, что многих персонажей из этих мифов древние греки перенесли на небо. И теперь мы знаем их как созвездия Персей, Андромеда, Кассиопея (мать Андромеды) и Кефей (её отец).

час вспомнилось ему предсказание оракула, и опять пришлось думать, как избежать судьбы. Наконец Акрисий велел сделать большой деревянный ящик, заключил в него Данаю и Персея, забил ящик и приказал бросить в море.

Долго носило ящик по бурным волнам солёного моря, бросая из стороны в сторону, то высоко подымая на гребнях, то опуская в пучину, пока, наконец, не прибило к острову Сериф[76]. В то время был на берегу рыбак Диктис и как раз закинул в море сети. Запутался ящик в сетях, вот и вытащил его рыбак на берег, открыл и несказанно удивился, увидев поразительной красоты женщину и маленького прелестного мальчика. Диктис отвёл их к царю Серифа Полидекту.

Вырос при дворе Персей и стал сильным стройным юношей. Как звезда блистал он на Серифе своей божественной красотой, и не было ему равных ни силой, ни ловкостью, ни мужеством.

Персей убивает горгону Медузу

Полидект замыслил насильно взять себе в жёны прекрасную Данаю, но та ненавидела сурового царя Полидекта. Разгневался Полидект, когда Персей заступился за свою мать, и с этого времени думал только об одном – как его погубить. В конце концов решил жестокий Полидект послать Персея за головой горгоны Медузы, призвал к себе и сказал:

---

[76] Один из Кикладских островов в Эгейском море.

– Если ты действительно сын громовержца Зевса, то не откажешься совершить великий подвиг. Сердце твоё не дрогнет ни перед какой опасностью. Докажи же мне, что Зевс – твой отец, и принеси голову горгоны Медузы. О, верю я, Зевс поможет своему сыну!

Гордо взглянул Персей на Полидекта и спокойно ответил:

– Хорошо, я добуду тебе голову Медузы.

Отправился Персей в далёкий путь. Ему нужно было достигнуть западного края земли – той страны, где царили богиня ночи и бог смерти Танат и где жили ужасные горгоны. Всё тело их покрывала блестящая и крепкая как сталь чешуя, которую не мог разрубить ни один меч – только изогнутому мечу Гермеса было это под силу. Громадные медные руки с острыми стальными когтями были у горгон. На головах у них вместо волос двигались с шипением ядовитые змеи. Лица горгон, с их острыми как кинжалы клыками, с губами, красными, как кровь, и с горящими яростью глазами, были исполнены такой злобы, были так ужасны, что в камень обращался всякий от одного взгляда на них. На крыльях с золотыми сверкающими перьями горгоны быстро носились по воздуху, и горе тому, кто попадался им по пути! Горгоны разрывали его на части своими когтями и пили горячую кровь.

Тяжёлый, нечеловеческий подвиг предстояло совершить Персею, но боги Олимпа не могли дать погибнуть сыну Зевса. На помощь ему явился быстрый как мысль посланник богов Гермес и любимая дочь Зевса, воительница Афина. Афи-

на дала Персею медный щит, такой блестящий, что в нём отражалось всё как в зеркале, а Гермес – свой острый меч, который рубил самую твёрдую сталь как мягкий воск. Вестник богов указал юному герою, как найти горгон.

Долог был путь Персея. Много стран прошёл он, много видел народов. Наконец достиг он мрачной страны, где жили старые граи. Один только глаз и один зуб были у них на всех трёх. По очереди пользовались они ими. Пока глаз был у одной из грай, две другие были слепы, и зрячая грая вела слепых беспомощных сестёр. Когда же, вынув глаз, грая передавала его следующей по очереди, все три сестры были слепы. Эти-то граи и охраняли путь к горгонам, только они одни знали его. Тихо подкрался к ним во тьме Персей и по совету Гермеса вырвал у одной из грай чудесный глаз как раз в тот миг, когда она передавала его своей сестре. Вскрикнули граи от ужаса. Теперь они все трое были слепы. Что делать им, слепым и беспомощным? Стали они молить Персея, заклиная всеми богами, отдать им глаз. Они готовы были сделать всё для героя, лишь бы он вернул им их сокровище. Тогда Персей потребовал у них за возвращение глаза указать ему путь к горгонам. Долго колебались граи, но пришлось им, чтобы вернуть себе зрение, указать этот путь. Так узнал Персей, как попасть на остров горгон, и быстро отправился дальше.

Во время дальнейшего пути пришёл Персей к нимфам. От них получил он три подарка: шлем властителя подземно-

го царства Аида, который делал невидимым всякого, кто его надевал, сандалии с крыльями, с помощью которых можно было быстро носиться по воздуху, и волшебную сумку, которая то расширялась, то сжималась, смотря по величине того, что в ней лежало. Надел Персей крылатые сандалии, шлем Аида, перекинул через плечо чудесную сумку и быстро понёсся по воздуху к острову горгон.

Высоко в небе нёсся Персей. Под ним расстилалась земля с зелёными долинами, по которой серебряными лентами вились реки. Города виднелись внизу, в них ярко сверкали белым мрамором храмы богов. Вдали высились горы, покрытые зеленью лесов, и, как алмазы, горели в лучах солнца их вершины, покрытые снегом. Вихрем летел Персей всё дальше и дальше, выше и выше – так высоко, как не взлетают и орлы на своих могучих крыльях. Вот блеснуло вдали, как расплавленное золото, море; полетел над морем Персей, и едва уловимым шорохом доносился до него шум морских валов. Вот уже не видно земли. Во все стороны, куда только хватает взор Персея, раскинулась под ним гладь воды. Наконец в голубой дали моря чёрной полоской показался остров, на котором что-то сверкало в лучах солнца нестерпимым блеском. Приблизившись, ниже спустился Персей и, как орёл, стал парить над островом. Вскоре увидел он трёх ужасных горгон, которые спали, раскинув во сне свои медные руки. Огнём горела на солнце их стальная чешуя и золотые крылья, змеи на головах чуть шевелились. Поспешил

отвернуться Персей от горгон, чтобы не видеть их грозных лиц, – ведь один только взгляд чудовищ мог обратить в камень. Взял Персей щит Афины Паллады, и горгоны отразились в нём как в зеркале. Которая же из них Медуза? Как две капли воды похожи друг на друга горгоны, но лишь Медуза смертна, только её можно убить. Задумался Персей, но тут помог ему быстрый Гермес: указал на Медузу и тихо шепнул на ухо:

– Поспеши! Смелее спускайся вниз. Вон, крайняя к морю, Медуза. Отруби ей голову. Помни: не смотри на неё. Один взгляд, и ты погиб. Спеши, пока не проснулись горгоны!

Как падает с неба орёл на намеченную жертву, так ринулся Персей к спящей Медузе, глядя в ясный щит, чтобы верней нанести удар. Змеи на голове Медузы почуяли врага и с грозным шипением поднялись. Пошевелилась во сне Медуза, уже приоткрыла глаза, но в этот миг как молния сверкнул острый меч. Одним ударом отрубил Персей горгоне голову, и тёмная кровь потоком хлынула на скалу. С потоками крови из тела Медузы взвился к небу крылатый конь Пегас и великан Хрисаор. Быстро схватил Персей отрубленную голову и спрятал в чудесную сумку. Извиваясь в предсмертных судорогах, тело Медузы упало со скалы в море, и от шума проснулись её сёстры, Стейно и Эвриала. Взмахнув могучими крыльями, взвились они над островом и горящими яростью глазами принялись осматривать окрестности. Горгоны с шумом носились по воздуху, но бесследно исчез убийца сестры их Медузы. Ни одной живой души не видно было ни на острове, ни далеко в море. Невидимый в шлеме Аида, быстро нёсся над шумящим морем Персей. Вот уже и пески Ливии под ними. Сквозь сумку просочилась кровь из головы Медузы, упала тяжёлыми каплями на песок, и породили пески из этих капель крови ядовитых змей. Всё живое обращалось в бегство от них, и вскоре Ливия превратилась в пу-

стыню.

Персей и Атлас

Всё дальше нёсся Персей от острова горгон. Подобно туче, которую гонит бурный ветер, летел он по небу, пока не достиг наконец той страны, где правил сын титана Япета, брат Прометея великан Атлас. Тысячи стад тонкорунных овец, коров и быков круторогих паслось на полях Атласа. Роскошные сады росли в его владениях, а среди садов стояло дерево с золотыми ветвями и листвой; яблоки, которые росли на этом дереве, были тоже золотые. Атлас хранил как зеницу ока это дерево, считая его величайшим сокровищем.

Богиня Фемида когда-то предсказала, что явится к нему сын Зевса и похитит золотые яблоки, вот и боялся Атлас. Сад, где росло золотое дерево, он окружил высокой стеной, а у входа поставил стражем извергающего пламя дракона. Чужеземцев в свои владения из опасения, что с ними явится и сын Зевса, Атлас не допускал. Вот к нему-то и прилетел в своих крылатых сандалиях Персей и обратился с такими приветливыми словами:

– О Атлас, прими меня как гостя в твоём доме. Я сын Зевса Персей, я убил горгону Медузу. Позволь мне отдохнуть у тебя после моего подвига.

Как только услышал Атлас эти слова, тотчас же вспомнил предсказание богини Фемиды и воскликнул:

– Убирайся отсюда! Никакой ты не сын громовержца, а самозванец. Не поможет тебе и ложь о великом подвиге!

Атлас хотел уже выгнать героя за дверь, но Персей, понимая, что не сможет бороться с могучим великаном, сам поспешил выйти из дома. Гнев бушевал в сердце Персея: Атлас не только отказал ему в гостеприимстве, но и назвал лжецом.

Вот и сказал Персей великану:

– Хорошо, Атлас, будь по-твоему: я уйду, но по крайней мере прими от меня подарок!

С этими словами быстро вынул Персей голову Медузы и, отвернувшись, показал Атласу. Тотчас же обратился в гору великан. Его борода и волосы превратились в густолиственные леса, руки и плечи – в высокие скалы, голова – в вер-

шину горы, скрывшуюся в облаках. С тех пор поддерживает гора Атлас весь небесный свод со всеми его созвездиями.

Персей же, когда взошла на небо утренняя звезда, понёсся дальше.

Персей спасает Андромеду

После долгого пути Персей достиг царства Кефея, лежавшего в Эфиопии[77], на берегу океана. Там, на скале, у самой воды увидал он прикованную прекрасную Андромеду, дочь царя Кефея. Она должна была искупить вину своей матери Кассиопеи, которая прогневала морских нимф, заявив, что всех прекрасней она. Разгневались нимфы и умолили бога морей Посейдона наказать Кефея и Кассиопею. Посейдон послал по просьбе нимф чудовище, подобное исполинской рыбе. Оно всплывало из морской глубины и опустошало владения Кефея. Плачем и стонами наполнилось царство, и пришлось Кефею обратиться к оракулу Зевса Аммону[78], чтобы узнать, как избавиться от этого несчастья. Оракул дал такой ответ:

– Отдай свою дочь Андромеду на растерзание чудовищу, и окончится тогда кара Посейдона.

---

[77] Страна, лежавшая, по представлениям греков, на крайнем юге земли. Эфиопией греки, а затем римляне называли всю страну, находившуюся в Африке, к югу от Египта.

[78] Находился в оазисе Ливийской пустыни, к западу от Египта.

Народ, узнав ответ оракула, заставил царя приковать Андромеду к скале у моря. Бледная от ужаса, стояла у подножия скалы в тяжёлых оковах Андромеда и с невыразимым страхом смотрела на море, ожидая, что вот-вот появится чудовище и растерзает её. Слёзы катились из её глаз, ужас охватывал её от одной мысли о том, что должна она погибнуть в цвете прекрасной юности, полная сил, не изведав радостей жизни. Её-то и увидал Персей. Он принял бы её за дивную статую из белого паросского мрамора, если бы морской ветер не развевал её волосы и не падали из её прекрасных глаз крупные слёзы. С восторгом смотрел на неё юный герой, и могучее чувство любви к Андромеде загорелось в его сердце. Персей быстро спустился к ней и ласково спросил:

– О, скажи мне, прекрасная дева, чья эта страна, и назови своё имя! За что приковали тебя к скале?

Андромеда рассказала, за чью вину приходится ей страдать. Не хотела прекрасная дева, чтобы герой подумал, будто искупает она собственную вину. Ещё не окончила свой рассказ Андромеда, как заклокотала морская пучина, среди бушующих волн показалось чудовище и высоко подняло свою голову с развёрстой громадной пастью. Громко вскрикнула от ужаса Андромеда. Обезумев от горя, прибежали на берег Кефей и Кассиопея. Горько плачут они, обнимая дочь. Нет ей спасения!

Тогда заговорил сын Зевса Персей:

– У вас ещё будет время лить слёзы, а вот для спасения

вашей дочери его почти не осталось. Я, сын Зевса Персей, убил горгону Медузу. Отдайте мне в жёны вашу дочь Андромеду, и я спасу её.

Кефей и Кассиопея готовы были сделать всё для спасения дочери, поэтому с радостью согласились. Кефей пообещал даже Персею всё царство, лишь бы помочь Андромеде. Уже совсем рядом чудовище, быстро приближается к скале, широкой грудью рассекая волны подобно кораблю, который несётся по волнам как на крыльях от взмахов вёсел могучих юных гребцов. Не далее полёта стрелы было чудовище, когда Персей взлетел высоко в воздух. Тень его упала в море, и чудовище с яростью ринулось на неё. Персей же смело бросился с высоты на чудовище и глубоко вонзил ему в спину изогнутый меч. Почувствовав тяжёлую рану, высоко поднялось в волнах чудовище и стало биться в море, словно кабан, которого с неистовым лаем окружила стая собак, то погружаясь глубоко в воду, то вновь всплывая. Бешено бьёт по воде чудовище своим рыбьим хвостом, и тысячи брызг взлетают до самых вершин прибрежных скал. Пеной покрылось море. Раскрыв пасть, бросается чудовище на Персея, но с быстротой чайки взлетает он в своих крылатых сандалиях. Удар за ударом наносит он. Кровь и вода хлынули из пасти чудовища, поражённого насмерть. Крылья сандалий Персея намокли и едва держали героя в воздухе. Быстро понёсся могучий сын Данаи к скале, которая выдавалась из моря, обхватил её левой рукой и трижды погрузил свой меч в широкую грудь

чудовища.

Окончен ужасный бой. Радостные крики несутся с берега. Все славят могучего героя. Сняты оковы с прекрасной Андромеды, и, торжествуя победу, ведёт Персей невесту во дворец отца её Кефея.

Свадьба Персея

Богатые жертвы принёс Персей отцу своему Зевсу, Афине Палладе и Гермесу. Весёлый свадебный пир начался во дворце Кефея. Гименей и Эрот зажгли свои благоухающие факелы. Весь дворец Кефея был увит зеленью и цветами. Громко раздавались звуки кифар и лир, гремели свадебные хоры. Двери дворца распахнули настежь. В пиршественном зале всё сверкало золотом. Кефей и Кассиопея пируют с новобрачными, пирует и весь народ. Веселье и радость царили кругом. За пиром Персей рассказывал о своих подвигах. Вдруг грозный звон оружия раздался в пиршественном зале. По дворцу разнёсся военный клич, подобный шуму моря, когда оно, вздымаясь, бьётся своими гонимыми бурным ветром волнами о высокий скалистый берег. Это пришёл первый жених Андромеды Финей с большим войском.

Войдя во дворец и потрясая копьём, громко воскликнул Финей:

– Горе тебе, похититель невест! Не спасут тебя ни крылатые сандалии, ни даже сам Зевс-громовержец!

Финей хотел уже поразить копьём Персея, но царь Кефей

остановил его:

– Что ты делаешь! Что заставляет тебя так безумствовать? Так хочешь ты вознаградить Персея за подвиг? Это будет твоим свадебным подарком? Разве похитил у тебя Персей невесту? Нет, она была похищена тогда, когда вели её к скале на гибель. Почему же тогда ты не явился к ней на помощь, а теперь хочешь отнять у победителя награду? Что же не явился ты сам за Андромедой, когда она была прикована к скале, почему не отнял её у чудовища?

Ничего не ответил Кефею Финей, гневно смотрел он то на Кефея, то на прекрасного сына Зевса, и вдруг, напрягши все силы, бросил копьё в Персея. Мимо пролетело копьё и вонзилось в ложе Персея. Вырвал его могучей рукой юный герой, вскочил, грозно замахнулся, и поразил бы Финея насмерть, но тот спрятался за жертвенник, и копьё попало в голову героя Рета. Рухнул тот замертво, и в тот же миг закипел ужасный бой. Быстро принеслась с Олимпа воительница Афина на помощь брату Персею и, прикрыв его своей эгидой, вдохнула в него непобедимое мужество. Ринулся в бой Персей. Как молния блестел у него в руках смертоносный меч, которым он убил Медузу. Одного за другим разил он насмерть героев, пришедших с Финеем, и вот уже гора тел, залитых кровью, громоздится пред Персеем. Схватил он обеими руками огромную бронзовую чашу, в которой смешивали вино для пира, и метнул в голову героя Эвритоя. Как поражённый громом упал герой, и отлетела душа

его в царство теней. Один за другим падают герои, но много привёл их с собой Финей. Персей же был чужеземцем в царстве Кефея, немного товарищей нашлось у него в битве, поэтому почти одному пришлось ему бороться со множеством врагов. Многие соратники Персея уже пали в этой неистовой битве. Погиб сражённый копьём и певец, который сладкозвучным пением услаждал пирующих, играя на златострунной кифаре. Падая, певец задел за струны кифары, и печально, как предсмертный стон, зазвенели струны, но стук мечей и стоны умирающих заглушили этот звон. Словно град, гонимый ветром, летели стрелы. Прислонившись к колонне и прикрывшись блестящим щитом Афины, бился с врагами Персей, но те со всех сторон окружили героя, и бой становился всё неистовей. Видя, что грозит ему неминуемая гибель, воскликнул могучий сын Данаи:

– У врага, сражённого мною, найду я помощь! Сами принудили вы меня искать у него защиты! Скорей отвернитесь все, кто мне друг!

Быстро вынул из чудесной сумки Персей голову горгоны Медузы и поднял так высоко, как только можно. Один за другим обращались в каменные статуи противники Персея. Одни окаменели, замахнувшись мечом, чтобы пронзить грудь врага, другие – потрясая острыми копьями, третьи – прикрывшись щитами. Всего лишь взгляд на голову Медузы обращал их в мраморные статуи, и скоро весь пиршественный зал наполнился ими. Страх объял Финея, когда увидел

он, что все друзья его обратились в камень. Упав на колени и простирая руки с мольбой к Персею, воскликнул Финей:

– Ты победил, Персей! О, спрячь скорее ужасную голову Медузы! Молю тебя – спрячь её. О, великий сын Зевса, всё возьми, владей всем, оставь мне только жизнь!

С насмешкой ответил Персей Финею:

– Не бойся, жалкий трус! Не сразит тебя мой меч. На вечные времена дам я тебе награду! Вечно будешь ты стоять здесь, во дворце Кефея, чтобы жена моя утешалась, глядя на изображение своего первого жениха.

Протянул к Финею герой голову Медузы, и, как ни старался тот не смотреть на ужасную горгону, все же взгляд его упал на неё, и мигом обратился он в мраморную статую. Стоит обращённый в камень Финей, склонившись, как раб, пред Персеем. Навек сохранилось в глазах статуи выражение страха и рабской мольбы.

Возвращение Персея на Сериф

Недолго оставался Персей после этой кровавой битвы в царстве Кефея. Взяв с собой прекрасную Андромеду, вернулся он на Сериф, к царю Полидекту, и застал свою мать Данаю в великом горе. Спасаясь от Полидекта, ей пришлось искать защиты в храме Зевса. Не смела она ни на единый миг покинуть храм. Разгневанный Персей пришёл во дворец и застал Полидекта с друзьями за роскошным пиром. Не

ожидал царь Серифа, что Персей вернётся: был уверен, что погиб герой в борьбе с горгонами, – поэтому очень удивился, увидав его пред собой. Персей же спокойно сказал:

– Твоё приказание исполнено: я принёс голову Медузы.

Полидект не поверил, что Персей совершил такой великий подвиг, и стал издеваться над богоравным героем, даже назвал его лжецом. Издевались над Персеем и друзья Полидекта. Гнев закипел в груди Персея, не мог он простить оскорбления. Грозно сверкнув очами, Персей вынул голову Медузы и воскликнул:

– Если не веришь, Полидект, то вот тебе доказательство!

Полидект взглянул на голову горгоны и мгновенно обратился в камень. Не избежали этой участи и друзья царя, пировавшие с ним.

Персей в Аргосе

Персей передал власть над Серифом брату Полидекта Диктису, который некогда спас их с матерью, а сам с Данаей и Андромедой отправился в Аргос. Когда дед Персея Акрисий узнал о прибытии внука, то, вспомнив предсказание оракула, бежал далеко на север, в Лариссу. Персей же стал править в родном Аргосе. Он вернул шлем Аида, крылатые сандалии и чудесную сумку нимфам, вернул и Гермесу его острый меч. Голову же Медузы отдал он Афине Палладе, а она укрепила её у себя на груди, на своём сверкающем панцире.

Счастливо правил Персей в Аргосе.

Дед его Акрисий не избежал того, что определил ему неумолимый рок. Однажды устроил Персей пышные игры. Много героев собралось на них. В числе зрителей был и престарелый Акрисий. Во время состязаний Персей метнул могучей рукой бронзовый диск. Высоко, к самым облакам, взлетел он, а падая на землю, попал со страшной силой в голову Акрисия и поразил его насмерть. Так исполнилось предсказание оракула. Полный скорби, Персей похоронил Акрисия, сетуя, что стал невольным убийцей деда. Персей не захотел править в Аргосе, царстве убитого им Акрисия, и ушёл в Тиринф[79], где царствовал много лет. Аргос же Персей отдал во владение своему родственнику Мегапенту.

[79] Один из древнейших городов Греции; находился в Арголиде.

Сизиф

Изложено по поэмам «Илиада» Гомера и «Героини» Овидия

Сизиф, сын бога – повелителя всех ветров Эола, был основателем города Коринфа, который в древнейшие времена назывался Эфирой.

Никто во всей Греции не мог равняться по коварству, хитрости и изворотливости ума с Сизифом. Сизиф благодаря своей хитрости собрал неисчислимые богатства у себя в Коринфе; далеко распространилась слава о его сокровищах.

Когда пришёл к нему бог смерти мрачный Танат, чтобы низвести его в печальное царство Аида, то Сизиф, уже раньше почувствовав приближение бога смерти, коварно обманул бога Таната и заковал в оковы. Перестали тогда на земле умирать люди. Нигде не совершались больше пышные похороны; перестали приносить и жертвы богам подземного царства. Нарушился на земле порядок, заведённый Зевсом. Тогда громовержец Зевс послал к Сизифу могучего бога войны Ареса. Он освободил Таната из оков, а Танат исторг душу Сизифа и отвёл её в царство теней умерших.

Но и тут сумел помочь себе хитрый Сизиф: сказал жене своей, чтобы не погребала его тело и не приносила жертву подземным богам. Послушалась его жена. Аид и Персефона тем временем ждали похоронных жертв, а их всё не бы-

ло. Наконец приблизился к трону владыки царства умерших Аида Сизиф и сказал:

– О властитель душ умерших, великий Аид, равный могуществом Зевсу, отпусти меня на светлую землю. Я велю жене моей принести тебе богатые жертвы и вернусь обратно в царство теней.

Так обманул Сизиф владыку Аида, и тот отпустил его на землю. Сизиф не вернулся, конечно, а остался в пышном дворце своём, где весело пировал, радуясь, что один из всех смертных сумел вернуться из мрачного царства теней.

Разгневался Аид и снова послал Таната за душой Сизифа. Явился Танат во дворец хитрейшего из смертных и застал его за роскошным пиром. Исторг душу Сизифа ненавистный богам и людям бог смерти, и навсегда отлетела теперь она в царство теней.

Тяжкому наказанию подвергся Сизиф в загробной жизни за своё коварство, за все обманы, которые совершил на земле. Он осуждён вкатывать на высокую крутую гору громадный камень. Напрягая все силы, трудится Сизиф. Пот градом струится с него от тяжкой работы. Всё ближе вершина: ещё усилие, и окончен будет труд Сизифа, – но вырывается из рук его камень и с шумом катится вниз, подымая облака пыли. Снова принимается Сизиф за работу.

Так вечно катит камень Сизиф и никак не может достигнуть цели – вершины горы.

Беллерофонт[80]

Изложено по поэме «Метаморфозы» Овидия и стихам Пиндара

У Сизифа был сын, герой Главк, который правил в Коринфе после смерти отца. У Главка же был сын Беллерофонт, один из великих героев Греции. Прекрасен как бог был Беллерофонт и равен бессмертным богам мужеством. Беллерофонта ещё в юности постигло несчастье: он нечаянно убил одного гражданина Коринфа, – поэтому был вынужден бежать из родного города к царю Тиринфа Пройту. С великим почётом принял царь Тиринфа героя и очистил от скверны пролитой крови. Недолго пришлось Беллерофонту пробыть в Тиринфе. Пленилась его красотой жена Пройта, богоравная Антея, но Беллерофонт отверг её любовь. Воспылала тогда к нему ненавистью царица Антея и, решив погубить, пошла к мужу и сказала:

---

[80] Многое в этом мифе указывает на то, что Беллерофонт был местным солнечным богом: по небу он носился на крылатом коне; поразил своими стрелами чудовищную Химеру, олицетворявшую бурю, землетрясение и вулканические силы земли. Мифы о героях, подобных Беллерофонту, встречаются у многих народов земного шара.

– О царь! Тяжко оскорбляет тебя Беллерофонт: преследует меня, твою жену, своей любовью. Вот как он отблагодарил тебя за гостеприимство! Ты должен убить его.

Разгневался Пройт, но сам не мог поднять руку на своего гостя, так как боялся гнева Зевса, покровителя гостеприимства. Долго думал Пройт, как погубить Беллерофонта, и, наконец, решил послать его с письмом к отцу Антеи Иобату, царю Ликии[81]. На двойной сложенной и запечатанной табличке Пройт написал, как тяжко оскорбил его Беллерофонт, и попросил отомстить ему за оскорбление. Беллерофонт, не подозревая, какая опасность грозит ему, отправился с письмом к Иобату.

После долгого пути он наконец прибыл в Ликию. С радостью принял Иобат юного героя, девять дней чествовал пирами, а потом спросил о цели прибытия. Спокойно подал Беллерофонт царю Ликии письмо Пройта. Иобат взял двойную запечатанную табличку и раскрыл. В ужас пришёл он, когда прочёл написанное. Он должен был убить юного героя, которого успел уже полюбить за эти девять дней. Но сам Иобат, как и Пройт, не решился нарушить священный обычай гостеприимства. Чтобы погубить Беллерофонта, он решил послать героя на грозивший неминуемой смертью подвиг. Иобат поручил Беллерофонту убить грозное чудовище Химеру. Её породили ужасный Тифон и исполинская Ехид-

[81] Страна на юго-западе Малой Азии.

на. Спереди львом была Химера, в середине – горной дикой козой, а сзади – драконом. Огонь извергала она из трёх пастей. Никому не было спасенья от грозной Химеры. Одно приближение её несло с собой смерть.

Беллерофонта не остановила опасность этого подвига – смело взялся могучий герой за выполнение его. Он знал, что только тот может победить Химеру, кто владеет крылатым конем Пегасом[82], вылетевшим из тела убитой Персеем горгоны Медузы, знал он, и где найти этого дивного коня. Пегас часто спускался на вершину Акрокоринфа[83] и пил там воду из источника Пирена. Туда и отправился Беллерофонт. Он пришёл к источнику как раз в то время, когда спустившийся из-за облаков Пегас утолял свою жажду холодной, прозрачной как кристалл водой. Беллерофонт попытался поймать Пегаса: дни и ночи преследовал, – но всё напрасно. Не помогали никакие хитрости – Пегас не давался в руки Беллерофонту. Лишь только юный герой приближался к крылатому коню, как, взмахнув своими могучими крылами, с быстротой ветра уносился тот за облака и парил там подобно орлу. Наконец, по совету прорицателя Полиида Беллерофонт лег спать у источника Пирена, около жертвенника Афины Паллады, на том месте, где впервые увидел Пегаса. Беллерофонт

---

[82] Именем Пегаса названо созвездие. Позднее Пегас стал символом поэтического вдохновения: на нём поэты возносятся на Парнас, к богу Аполлону и музам.

[83] Гора, на которой находилась крепость (акрополь) Коринф.

надеялся получить во сне откровение богов, и действительно явилась ему любимая дочь громовержца Зевса Афина, научила, как поймать Пегаса, дала золотую уздечку и велела принести жертву богу моря Посейдону. Проснулся Беллерофонт, с изумлением увидел, что золотая уздечка лежит рядом с ним, и в горячей молитве возблагодарил великую богиню: он знал теперь, что завладеет Пегасом.

Вскоре к источнику Пирена прилетел на своих белоснежных крылах дивный конь. Смело вскочил на него Беллерофонт и накинул на голову золотую уздечку. Долго быстрее ветра носил Пегас по воздуху героя, наконец смирился, и с тех пор верно служил Беллерофонту.

Быстро помчался герой на Пегасе к горам Ликии, туда, где жила чудовищная Химера. Та почуяла приближение врага и выползла из тёмной пещеры, могучая, грозная. Палящий огонь вылетал из трёх её пастей, клубы дыма заволокли всё кругом. Высоко взлетел Пегас, и с вышины Беллерофонт одну за другой посылал свои стрелы в Химеру. В ярости билась она о скалы и опрокидывала их; неистовая, носилась по горам. Всё гибло кругом от её пламени. Всюду следовал за ней Беллерофонт на своём крылатом коне. Химера нигде не могла укрыться от метких стрел героя, смертоносные стрелы всюду настигали её. Убил грозное чудовище Беллерофонт и с великой славой вернулся к царю Иобату.

Но дал ему Иобат другое поручение: послал героя про-

тив воинственных солимов[84]. Много героев сложило головы в боях с солимами, но победил их Беллерофонт. И этого подвига было мало Иобату: ведь он стремился погубить героя, – поэтому послал его против непобедимых амазонок. И из этой войны вышел победителем Беллерофонт. Тогда выслал Иобат навстречу возвращавшемуся в славе победы герою сильнейших мужей Ликии, чтобы они убили непобедимого Беллерофонта, напав на него врасплох. Ликийцы заманили в засаду героя, но и здесь не погиб он. Все сильнейшие мужи Ликии пали от руки могучего героя. Понял тогда Иобат, какого великого героя принял у себя как гостя, и с великим почётом встретил славного победителя. Отдал Иобат ему в жёны дочь свою, а с нею полцарства в приданое. Ликийцы же выделили Беллерофонту в дар из своих полей плодороднейшую землю на вечное владение.

[84] Племя, жившее на северной границе Ликии.

С тех пор Беллерофонт жил в Ликии, окружённый почётом и славой, но жизнь свою кончил несчастливо. Возгордился великий герой и захотел стать равным богам-олимпийцам – так ослепила его великая слава. Решил взлететь

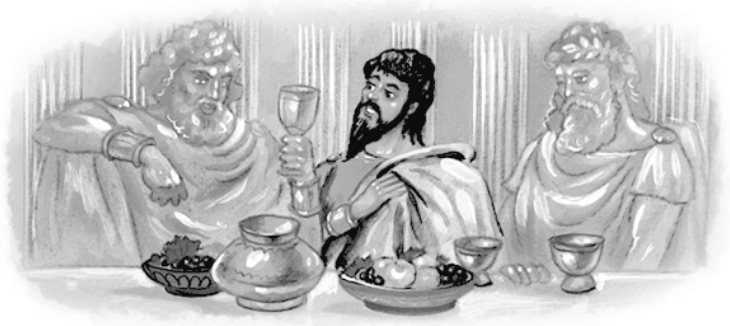
Беллерофонт на светлый Олимп, к бессмертным богам, на своём крылатом коне Пегасе, и за такое высокомерие наказал его Зевс. Громовержец наслал на крылатого Пегаса неистовую ярость, и конь сбросил Беллерофонта на землю, когда тот сел на него, чтобы вознестись на Олимп. От сильного удара головой могучий герой лишился разума. Долго скитался он, безумный, по «долине блужданий», пока не прилетел на чёрных крыльях своих мрачный бог смерти Танат и не исторг его душу. Так сошёл в печальное царство теней великий герой Беллерофонт.

Тантал[85]

Изложено по поэме Гомера «Одиссея»

В Лидии, у горы Сипил, находился богатый город, называвшийся по имени горы Сипилом. В этом городе правил любимец богов, сын Зевса Тантал. Всем в изобилии наградили его боги. Не было на земле никого богаче и счастливее царя Тантала. Неисчислимые богатства давали ему богатейшие золотые рудники на горе Сипил, а также плодородные поля, сады и виноградники. На лугах Тантала, любимца богов, паслись громадные стада тонкорунных овец, кругорогих быков, коров и табуны быстрых как ветер коней. У царя Тантала был избыток во всём. Он мог бы жить в счастье и довольстве до глубокой старости, но погубила его чрезмерная гордость и преступления.

[85] В этом мифе поражает нас дикая жестокость Тантала. Он убивает своего сына лишь для того, чтобы испытать, всеведущи ли олимпийские боги. В этом поступке Тантала ясно сказывается пережиток того времени, когда у греков существовали ещё человеческие жертвоприношения.



Боги смотрели на своего любимца Тантала как на равного себе. Олимпийцы часто приходили в сияющие золотом чертоги Тантала и весело пировали с ним. Даже на светлый Олимп, куда не всходил ни один смертный, не раз поднимался по зову богов Тантал. Там он принимал участие в совете богов и пировал за одним столом с ними во дворце своего отца, громовержца Зевса. От такого великого счастья возгордился Тантал и стал считать себя равным даже самому тучегонителю Зевсу. Часто, возвращаясь с Олимпа, Тантал брал с собой пищу богов – амброзию и нектар – и давал своим смертным друзьям, пируя с ними у себя во дворце. Даже те решения, которые принимали боги, совещаясь на светлом Олимпе о судьбе мира, Тантал сообщал людям; он не хранил тайн, которые поверял ему отец его Зевс. Однажды во время пира на Олимпе великий сын Крона сказал Танталу:

– Сын мой, проси у меня всё, что хочешь: из любви к тебе я исполню любую твою просьбу.

Но Тантал, забыв, что он только смертный, гордо ответил отцу своему, эгидодержавному Зевсу:

– Я не нуждаюсь в твоих милостях. Мне ничего не нужно. Жребий, выпавший мне на долю, прекрасней жребия бессмертных богов.

Громовержец ничего не ответил сыну: нахмурил грозно брови, но сдержал свой гнев, – потому что ещё любил его, несмотря на высокомерие. Вскоре Тантал дважды жестоко оскорбил бессмертных богов. Только тогда Зевс наказал высокомерного.

На Крите, родине громовержца, была золотая собака. Некогда она охраняла новорожденного Зевса и питавшую его чудесную козу Амалфею. Когда же Зевс вырос и отнял у Крона власть над миром, эту собаку оставил на Крите охранять своё святилище. Царь Эфеса Пандарей, прельщённый красотой её и силой, тайно приехал на остров и увёз её на своём корабле. Но где же скрыть чудесное животное? Долго думал об этом Пандарей во время пути по морю и, наконец, решил отдать золотую собаку на хранение Танталу. Царь Сипила скрыл от богов чудесное животное. Разгневался Зевс. Призвал он сына своего, вестника богов Гермеса, и послал к Танталу потребовать возвращения золотой собаки. В мгновение ока примчался с Олимпа в Сипил быстрый Гермес, предстал перед Танталом и сказал ему:

– Царь Эфеса Пандарей похитил на Крите из святилища Зевса золотую собаку и отдал на сохранение тебе. Всё знают боги Олимпа, ничего не могут скрыть от них смертные! Верни собаку Зевсу. Остерегайся навлечь на себя гнев громовержца!

Тантал же так ответил вестнику богов:

– Напрасно грозишь ты мне гневом Зевса. Не видал я золотой собаки. Боги ошибаются: нет её у меня.

Страшной клятвой поклялся Тантал в том, что говорит правду, но этой клятвой ещё больше разгневал Зевса. Таково было первое оскорбление, нанесённое Танталом богам. Но и теперь не наказал его громовержец.

Кару богов навлёк на себя Тантал следующим, вторым оскорблением и страшным злодеянием. Когда олимпийцы собрались на пир во дворце Тантала, задумал он испытать их всеведение, потому что не верил в такие их способности. Приготовил он богам ужасную трапезу: убил своего сына Пелопса и его мясо под видом прекрасного блюда подал во время пира. Боги тотчас постигли злой умысел Тантала, и никто из них не коснулся ужасного угощения. Лишь богиня Деметра, полная скорби по похищенной у неё дочери Персефоне, думая только о ней и в своём горе ничего не замечая вокруг, съела плечо юного Пелопса. Боги же собрали все останки Пелопса в котёл и поставили на ярко пылавший огонь. Гермес своими чарами сумел оживить мальчика, и предстал тот перед богами ещё прекраснее, чем раньше, лишь того плеча,

что съела Деметра, у него не хватало. По повелению Зевса великий Гефест тотчас изготовил Пелопсу плечо из блестящей слоновой кости. С тех пор у всех потомков Пелопса ярко-белое пятно на правом плече.

Преступление же Тантала переполнило чашу терпения великого царя богов и людей Зевса. Громовержец низверг Тантала в мрачное царство брата своего Аида; там он и несёт ужасное наказание. Мучимый жаждой и голодом, стоит он в прозрачной воде, которая доходит ему до самого подбородка, так что надо лишь наклониться, чтобы утолить нестерпимую жажду, но едва наклоняется Тантал, как исчезает вода и под ногами остается лишь сухая чёрная земля. Над головой Тантала склоняются ветви плодовых деревьев: сочные фиги, румяные яблоки, гранаты, груши и оливы висят низко над его головой, – почти касаются его волос тяжёлые, спелые

грозди винограда. Изнурённый голодом, Тантал протягивает руки за прекрасными плодами, но налетает порыв бурного ветра и уносит плодоносные ветки. Не только голод и жажда терзают Тантала – вечный страх сжимает его сердце. Нависшая над его головой скала едва держится, грозя ежеминутно упасть и раздавить своей тяжестью Тантала. Так и мучается царь Сипила, сын Зевса Тантал, в царстве ужасного Аида вечным страхом, голодом и жаждой.

Пелопс[86]

Изложено по поэме «Метаморфозы» Овидия и стихам Пиндара

После смерти Тантала в городе Сипиле правил сын его Пелопс, так чудесно спасённый богами, но совсем недолго. Царь Трои Ил пошёл войной на Пелопса, и несчастливой была для Пелопса эта война. Могучий царь Трои победил его. Пришлось Пелопсу покинуть родину. Погрузил он все свои сокровища на быстроходные корабли и пустился с верными спутниками в далёкий путь по морю, к берегам Греции. Достигнув полуострова на самом юге Греции, он там и поселился. С тех пор этот полуостров стал называться по имени Пелопса Пелопоннесом.

Однажды увидел Пелопс на своей новой родине прекрасную Гипподамию, дочь царя города Писы[87] Эномая. Героя пленила дочь Эномая своей красотой, и он решил добыть её себе в жёны.

---

[86] В мифах о Пелопсе много черт глубочайшей древности. В них мы встречаемся с пережитком – похищением невесты, так называемым «умыканием». Состязание Пелопса с Эномаем не что иное, как похищение невесты. На греческих вазах Пелопс часто изображался на колеснице вместе с Гипподамией, дочерью Эномая, которую вроде бы увозил. В некоторых мифах есть упоминание, что Эномай вешал головы убитых им женихов на двери своего дворца.

[87] Город на западе Пелопоннеса, в долине реки Алфей.

Трудно было получить руку Гипподамии. Эномаю было предсказано оракулом, что погибнет он от руки мужа своей дочери. Чтобы предотвратить такую судьбу, Эномай решил не выдавать свою дочь замуж. Но как быть ему? Как отказывать всем женихам, которые просили руки Гипподамии? Много героев приходило к Эномаю и сваталось за его дочь. Он оскорблял бы их, отказывая им всем без всякой причины. Наконец Эномай нашёл выход. Он объявил, что отдаст Гипподамию в жёны лишь тому герою, который победит его в состязании на колеснице, но если победителем окажется он сам, то побеждённый поплатится жизнью. Эномай решил так поступить потому, что не было ему равных во всей Греции в искусстве управлять колесницей, да и кони его были быстрее бурного северного ветра Борея. Царь Писы мог быть уверен в том, что ни один герой не победит его, однако многих героев Греции страх лишиться жизни, погибнув от руки жестокого Эномая, не останавливал. Они один за другим приходили в его дворец, готовые состязаться, лишь бы получить в жёны Гипподамию, – так была она прекрасна. Всех их постигла злая доля, всех убил Эномай, а головы их прибил к дверям своего дворца, чтобы каждый новый претендент на руку прекрасной дочери Эномая заранее знал, какая участь его ожидает. Не остановило это героя Пелопса, и решил он во что бы то ни стало заполучить Гипподамию.

Сурово принял Эномай нового жениха:

– Ты хочешь получить в жёны дочь мою Гипподамию?

Разве не видел ты, сколько славных героев сложило за неё головы в опасном состязании? Смотри, как бы и тебя не постигла их участь!

– Не страшит меня участь погибших героев, – ответил царю Пелопс. – Я верю: помогут мне боги Олимпа, – с их помощью получу я в жёны Гипподамию.

Жестокая улыбка зазмеилась на устах Эномая: много раз слыхал он подобные речи.

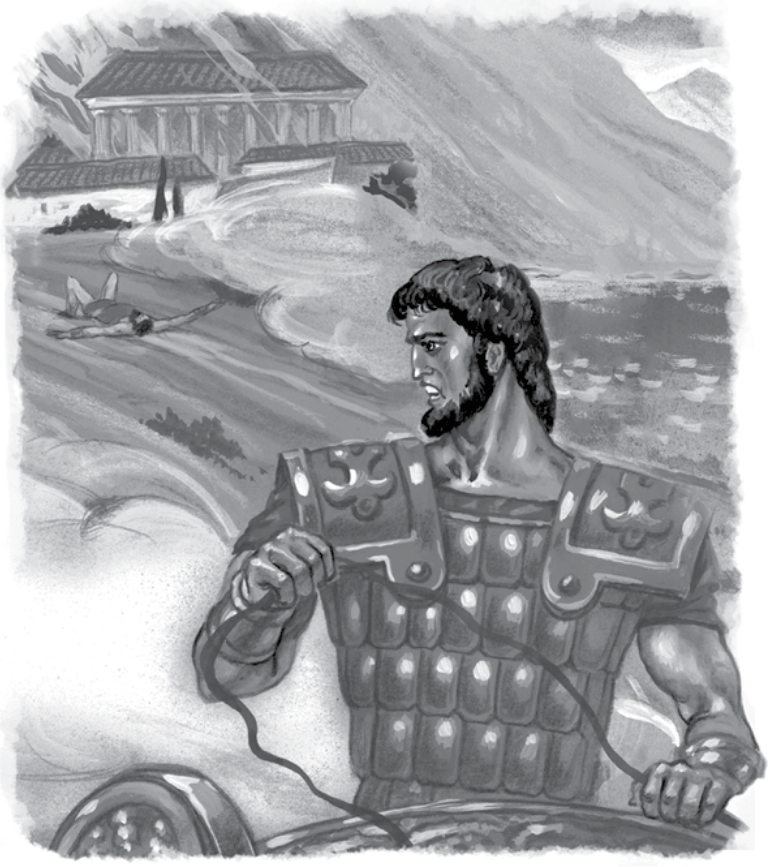
– Слушай же, Пелопс, вот условия состязания: путь лежит от города Писы через весь Пелопоннес до самого Истма[88] и кончается у жертвенника властителя морей Посейдона недалеко от Коринфа. Если ты достигнешь жертвенника первым, то победил, но горе тебе, если быстрее окажусь я. Тогда пронзит тебя в пути моё копьё, как случилось уже со многими героями, и бесславно сойдёшь ты в мрачное царство Аида. Я дам тебе лишь одно снисхождение, как давал и всем другим: ты тронешься в путь раньше меня. Я же принесу прежде жертву великому громовержцу и только тогда взойду на колесницу. Спеши же проехать за это время как можно больше пути.

Пелопс ушёл от Эномая, зная, что только хитростью удастся ему победить жестокого царя. Решил он найти себе помощника. Тайно пошёл Пелопс к возничему Эномая Миртилу, сыну Гермеса, и попросил его, обещая богатые дары, не вставлять чек в оси, чтобы соскочили колёса с колесницы царя и задержало бы это его в пути. Долго колебался Миртил, но потом всё же соблазнился богатыми дарами и пообещал сделать то, о чём его просили.

Настало утро. Позолотила восходящая розоперстая Эос небесный свод. Вот уж показался на небе и лучезарный Ге-

[88] Истмийский перешеек, соединяющий Пелопоннес с центральной Грецией.

лиос на своей золотой колеснице. Сейчас начнётся состязание. Помолился Пелопс великому колебателю земли Посейдону, попросив о помощи, и вскочил на колесницу. Царь Эномай подошёл к жертвеннику Зевса и дал знак Пелопсу, что он может трогаться в путь. Пелопс погнал коней во весь опор. Гремели по камням колёса его колесницы. Как птицы неслись кони. Быстро скрылся в облаке пыли Пелопс: гнала его любовь к Гипподамии и страх за свою жизнь.



Но вот вдали послышался грохот колесницы Эномая, и всё яснее с каждым мгновением. Почти настиг царь Писы сына Тантала. Как буря неслись кони царя, вихрем кру-

жилась пыль от колёс. Ударил хлыстом по коням Пелопс, и понеслись они ещё быстрее, только ветер свистит в ушах. Но разве уйти ему от бешеного бега коней Эномая, которые быстрее северного ветра! Всё ближе и ближе Эномай. Пелопс уже чувствует за спиной горячее дыхание его коней, уже видит, взглянув через плечо, как с торжествующим смехом царь замахнулся копьём. Взмолился Пелопс тогда Посейдону, и в этот раз услыхал его властитель безбрежного моря. Колёса с осей колесницы Эномая соскочили, колесница опрокинулась, и грянул оземь жестокосердый царь Писы. Насмерть разбился Эномай при падении, мрак смерти покрыл его очи.

С торжеством вернулся Пелопс в Пису, взял в жёны Гипподамию и завладел всем царством Эномая. Когда же пришёл к Пелопсу Миртил, возничий Эномая, и стал требовать себе в награду полцарства, то жаль стало Пелопсу расставаться с половиной царства. Коварный сын Тантала хитростью заманил Миртила на берег моря и столкнул с высокой скалы в бурные волны. Падая со скалы, проклял Миртил Пелопса и всё его потомство. Как ни старался смягчить гневную душу Миртила сын Тантала, как ни старался смягчить и гнев отца его Гермеса, всё было напрасно. Исполнилось проклятие Миртила. С тех пор преследовали неисчислимые беды потомков Пелопса, а своими злодеяниями навлекли они на себя кару богов.

Европа[89]

Изложено по поэме Мосха «Идиллии»

У царя богатого финикийского города Сидона Агенора было три сына и дочь, прекрасная, как бессмертная богиня. Звали эту юную красавицу Европа. Приснился однажды сон дочери Агенора. Она увидела, как Азия и тот материк, что отделён от Азии морем, в виде двух женщин боролись за неё. Каждая женщина хотела обладать Европой. Побеждена была Азия, и ей, воспитавшей и вскормившей Европу, пришлось уступить её другой. В страхе Европа проснулась, но не могла понять значения этого сна. Смиренно стала молить юная дочь Агенора, чтобы отвратили от неё боги несчастье, если сон грозит им. Затем, одевшись в пурпурные одежды, затканные золотом, пошла она со своими подругами на зелёный, покрытый цветами луг, к берегу моря. Там, резвясь, собирали сидонские девы в свои золотые корзины цветы: душистые белоснежные нарциссы, пёстрые крокусы, фиалки и лилии. Сама же дочь Агенора, блистая красой своей среди подруг подобно Афродите, окружённой харитами, собирала к себе в золотую корзиночку одни лишь алые розы. Набрав цветов, девы стали со смехом водить весёлый хоровод. Их молодые голоса далеко разносились по цветущему лугу и ла-

[89] Миф о похищении Европы Зевсом говорит нам о браке путём похищения невесты. Превращение же Зевса в быка – пережиток тотемизма.

зурному морю, заглушая его тихий ласковый плеск.

Недолго пришлось наслаждаться прекрасной Европе беззаботной жизнью. Увидел её сын Крона, могучий тучегонитель Зевс, и решил похитить, а чтобы не испугать, принял вид чудесного быка. Вся шерсть Зевса-быка сверкала как золото, и лишь на лбу горело, подобно полной луне, серебряное пятно. Золотые же рога напоминали молодой месяц, который появляется в лучах пурпурного заката. Чудесный

бык лёгкими шагами, едва касаясь травы, вышел на поляну и приблизился к девам. Те вовсе не испугались, а, окружив дивное животное, принялись его ласково гладить. Бык подошёл к Европе и стал к ней ластиться, лизать ей руки. Дыхание быка благоухало амброзией, и вмиг весь воздух оказался напоён этим благоуханием. Европа гладила быка своей нежной рукой по золотой шерсти, обнимала за голову и целовала. Бык лёг у ног прекрасной девы, словно предлагая сесть на его широкую спину, и, смеясь, Европа приняла его приглашение. Хотели и другие девушки сесть с ней рядом, но вдруг бык вскочил и быстро помчался к морю.

Громко вскрикнули от испуга сидонянки. Европа же протягивала к ним руки и звала на помощь, но не могли помочь ей сидонские девы. Как ветер нёсся златорогий бык, а достигнув моря, бросился в воду и быстро, словно дельфин, поплыл. Лазурные волны расступались перед ним, и брызги скатывались, как алмазы, с его шерсти, даже не смочив её. Всплыли из морской глубины прекрасные нереиды и, окружив быка, последовали за ним. Сам бог моря Посейдон вместе с морскими божествами плыл впереди на своей колеснице, трезубцем укрощая волны, ровняя путь по морю своему

великому брату Зевсу. Трепеща от страха, сидела на спине быка Европа: одной рукой держалась за золотые рога, другой придерживала подол своего пурпурного платья, чтобы не замочили его морские волны. Напрасно боялась она: море шумело ласково, а солёные брызги не долетали до неё. Морской ветер колыхал кудри Европы и развевал её лёгкое покрывало. Всё дальше берег: вот уже и скрылся в голубой дали, – а кругом лишь море да синее небо. Скоро показался в морской дали и Крит. Быстро приплыл к нему со своей драгоценной ношей Зевс-бык, вышел на берег и принял свой обычный облик. Европа стала женой Зевса и поселилась на Крите. Трёх сыновей родила она: Миноса, Радаманфа и Сарпедона, – и по всему миру гремела их слава.

Кадм[90]

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Когда Зевс под видом быка похитил Европу, опечалился её отец, царь Сидона Агенор. Ничто не могло его утешить. Он призвал трёх сыновей своих – Фойникса, Киликса и Кадма – и послал разыскать Европу, запретив им под страхом смерти возвращаться домой без сестры. Отправились сыновья Агенора на поиски. Фойникс и Киликс скоро покинули Кадма, основали свои царства: Фойникс – Финикию[91], а Киликс – Киликию[92] – и остались в них.

Кадм один продолжил поиски. Долго странствовал он по свету, всюду расспрашивая о Европе, да разве можно было найти сестру, раз сам Зевс скрыл её от всех! Наконец, потеряв всякую надежду, но не рискуя возвращаться домой, решил Кадм навсегда остаться на чужбине. Отправился он в священные Дельфы и вопросил там оракула стреловержца Аполлона, в какой стране поселиться ему и основать город. Так ответил Кадму оракул Аполлона: «На уединённой поляне увидишь ты корову, которая никогда не знала ярма. Сле-

---

[90] В мифе о Кадме мы опять встречаемся с пережитками тотемизма – это воины, происшедшие от дракона, точнее – выросшие из его зубов. Да и сам Кадм с женой превращаются в змей.

[91] На восточном побережье Средиземного моря (крупнейшие города Тир и Сидон).

[92] На юге Малой Азии.

дуй за ней, и там, где ляжет она на траву, воздвигни стены города, а страну назови Беотией».

Получив такой ответ, покинул Кадм священные Дельфы. Лишь только вышел он за ворота, как увидел белоснежную корову, которая паслась, никем не охраняемая, на поляне. Кадм пошёл за ней со своими верными сидонскими слугами, славя великого Аполлона. Уже миновал он долину Кефиса[93], как вдруг остановилась корова, подняла голову к небу, громко замычала, посмотрела на следовавших за ней воинов и спокойно легла на зелёную траву. Полный благодарности Аполлону, опустился Кадм на колени, поцеловал землю своей новой родины и призвал благословение богов на незнакомые горы и долины. Кадм тотчас сложил из камней жертвенник, чтобы принести жертву эгидодержавному Зевсу, но так как не было у него воды для жертвоприношения, то послал он своих верных сидонцев к источнику.

Невдалеке была вековая роща, которой ещё никогда не касался топор дровосека. Среди этой рощи находился глубокий грот, весь заросший кустарником, а вокруг него лежали нагромождённые в беспорядке громадные камни. Из этого грота вытекал, журча меж камней, источник с хрустально-прозрачной водой. В гроте же жил громадный змей, посвящённый богу войны Аресу. Его глаза сверкали огнём, из пасти, усаженной тремя рядами ядовитых зубов, высовывалось тройное жало, грозно колыхался на голове золотой гре-

[93] Река в Беотии, впадает в Копаидское озеро.

бень. Когда слуги Кадма подошли к источнику и погрузили уже сосуды в его студёную воду, выполз из грота с грозным шипением змей, извиваясь между камнями своим громадным телом. Побледнели от страха слуги Кадма, выпали у них из рук сосуды, леденящий ужас сковал их члены. Поднялся на хвосте змей – выше вековых деревьев леса его голова с разинутой пастью. Прежде чем кто-нибудь из сидонян успел подумать о бегстве или защите, бросился на них ужасный змей и погубил всех.

Кадм долго ждал возвращения слуг. Уже солнце стало

склоняться к западу, вытянулись тени на земле, а слуг всё нет и нет. Подивился сын Агенора: куда пропали сидоняне, чего медлят? – и решил пойти по их следам в рощу, прикрывшись, как панцирем, львиной шкурой, опоясавшись острым мечом и вооружившись копьём. Ещё более надёжной защитой служило герою его мужество. Кадм вошёл в рощу, увидел растерзанные тела своих верных слуг, на которых лежал громадный змей, и в горе и гневе воскликнул:

– О верные слуги, я буду вашим мстителем! Или я отомщу за вас, или сойду вместе с вами в мрачное царство теней!

Схватил Кадм камень величиной со скалу и, размахнувшись, бросил в змея. От такого удара опрокинулась бы крепостная башня, но невредимым остался змей – защитила его твёрдая, как сталь, чешуя, покрывавшая всё тело. Потряс тогда своим копьём сын Агенора и, собрав всю силу, вонзил его в спину чудовища. От копья Кадма не защитила змея стальная чешуя. По самое древко вонзилось копьё в тело змея. Извиваясь, схватил змей зубами копьё и хотел вырвать из раны, но напрасны были его усилия: остриё так и осталось глубоко в ране, лишь древко обломилось. От чёрного яда и ярости вздулась шея змея, пена хлынула у него из пасти, свирепое шипение разнеслось далеко по всей стране, весь воздух наполнился смрадом его дыхания. То извивается змей громадными кольцами по земле, то, бешено крутясь, высоко вздымается вверх. Он валит деревья, вырывая их с корнем, и во все стороны разбрасывает хвостом своим громадные камни.

Он пытается схватить своей ядовитой пастью Кадма, но, прикрывшись, как щитом, львиной шкурой, герой отражает змея своим мечом. Грызёт змей зубами острый меч, но только тупит зубы о его сталь.

Наконец изловчился сын Агенора и пронзил шею змея, пригвоздив его к дубу, – так силён был удар могучего героя.

Согнулся столетний дуб под тяжестью тела чудовища. С изумлением смотрел Кадм на поверженного змея, дивясь его величине. Вдруг раздался неведомый голос:

– Что стоишь ты, сын Агенора, и дивишься на убитого тобой змея? Скоро и на тебя, обращённого в змея, будут дивиться люди.

Посмотрел по сторонам Кадм, не понимая, откуда раздался таинственный голос, и содрогнулся от ужаса, когда осознал смысл предсказания; аж волосы поднялись дыбом у него на голове. Чуть не лишившись сознания, стоял он перед убитым змеем. Тогда явилась Кадму любимая дочь Зевса Афина Паллада и велела вырвать у змея зубы и посеять их, как семена, на вспаханном поле.

Кадм выполнил повеление совоокой богини-воительницы. Едва посеял он зубы змея, как – о чудо! – из земли показались сначала острия копий, затем поднялись над пашней гребни шлемов, потом головы воинов, плечи, закованные в панцири груди, руки со щитами; наконец вырос из зубов дракона целый отряд вооружённых воинов. Увидев нового, неведомого врага, схватился за меч Кадм, но один из

воинов, рождённых землёй, воскликнул:

– Не хватайся за меч! Берегись вмешиваться в междоусобный бой!

Страшная, кровавая битва началась между воинами. Они разили друг друга мечами и копьями и падали один за другим на только что породившую их землю. Их оставалось уже только пятеро. Тогда один из них по повелению Афины Паллады бросил на землю своё оружие в знак мира. Заключили воины тесную братскую дружбу. Эти воины, рождённые землёй из зубов дракона, и были помощниками Кадма, когда он строил Кадмею – крепость семивратных Фив.

Кадм основал великий город Фивы, дал гражданам законы и устроил всё государство. Боги Олимпа дали в жёны Кадму прекрасную дочь Ареса и Афродиты Гармонию. Великолепен был свадебный пир великого основателя Фив. Все олимпийцы собрались на эту свадьбу и богато одарили новобрачных.

С тех пор Кадм стал одним из могущественнейших царей Греции. Неисчислимы были его богатства. Многочисленно и непобедимо было его войско, во главе которого стояли воины, рождённые землёй из зубов змея. Казалось бы, вечная радость и счастье должны были царить в доме сына Агенора, но не одно счастье послали ему олимпийцы. Много горя пришлось испытать ему. Его дочери, Семела и Ино, погибли на глазах у отца. Правда, после смерти они были приняты в сонм олимпийских богов, но всё же потерял Кадм своих

нежно любимых дочерей. Актеон, внук Кадма, сын его дочери Автонои, пал жертвой гнева Артемиды. Пришлось Кадму оплакивать и внуков своих.

На старости лет, удручённый тяжким горем, Кадм покинул семивратные Фивы. Со своей женой Гармонией долго скитался он на чужбине и пришёл наконец в далёкую Иллирию[94]. С болью в сердце Кадм вспоминал все несчастья, постигшие его дом, а также борьбу со змеем и те слова, которые произнёс неведомый голос.

– Не был ли тот змей, – сказал Кадм, – которого поразил я своим мечом, посвящён богам? Если за его гибель карают меня так тяжко боги, то лучше бы мне самому обратиться в змея.

Только промолвил это Кадм, как тело его вытянулось и покрылось чешуёй, ноги срослись и стали длинным извивающимся змеиным хвостом. В ужасе он простёр со слезами на глазах к Гармонии ещё сохранившиеся руки и воскликнул:

– О, приди ко мне, Гармония! Коснись меня, коснись моей руки, пока не обратился я весь в змея!

Он звал Гармонию, много ещё хотел ей сказать, но язык его начал раздваиваться, и уже колебалось во рту змеиное жало, а из уст вылетало лишь шипение. Прибежала тут Гармония и воскликнула:

– О Кадм! Освободись же скорее от этого образа! О боги, зачем не обратили вы и меня в змею!

---

[94] Страна, расположенная на восточном побережье Адриатического моря.

Обвился вокруг своей верной жены обращённый в громадного змея Кадм и стал лизать ей лицо своим раздвоенным языком. С печалью гладила Гармония покрытую чешуёй спину змея.

Боги услышали её мольбу и тоже обратили в змею, так что стало уже две змеи – Гармония и Кадм. Под видом змей оставались они до конца жизни.

Зет и Амфион

В городе Фивы жила дочь речного бога Асопа[95] Антиопа. Полюбил её Зевс-громовержец, и у Антиопы родились два сына-близнеца. Их назвала она Зет и Амфион. Боясь гнева отца своего за то, что тайно вступила в брак с Зевсом, Антиопа положила своих маленьких сыновей в корзину и отнесла в горы. Она была уверена, что Зевс не даст погибнуть своим сыновьям, и он действительно позаботился о них. К тому месту, где лежали Зет и Амфион, он послал пастуха. Тот нашёл маленьких сыновей Зевса и Антиопы и взял к себе домой. Так и росли братья в доме пастуха. Уже в детстве Зет и Амфион очень различались по характеру: Зет был сильным мальчиком, рано стал помогать пастуху пасти стада; Амфион же обладал кротким приветливым нравом, и ничто не привлекало его так, как музыка. Когда же оба брата выросли, Зет стал могучим воином и отважным охотником. Никто не превосходил его силой и ловкостью; его радовали лишь шум оружия во время боя и охота на диких зверей. Амфиону же, любимцу бога Аполлона, одно только доставляло радость – игра на златострунной кифаре, которую подарил ему сам сребролукий сын Латоны Аполлон. Амфион так дивно играл на кифаре, что приводил в движение своей игрой даже деревья и скалы.

---

[95] Название реки в Беотии.

По-прежнему жили юноши у пастуха, не зная, кто их отец и мать. А мать их Антиопа томилась в это время во власти сурового царя Фив Лика и жены его Дирки. Закованная в тяжёлые цепи, была заключена Антиопа в темницу, куда даже луч солнца не проникал, но Зевс освободил её. Спали с неё сами собой цепи, открылись двери темницы; она бежала в горы и укрылась в хижине того пастуха, который воспитал её сыновей.

Едва только принял её под свою защиту пастух, как явилась к нему жестокая Дирка, которая с другими фиванками справляла в горах весёлый праздник Диониса. Блуждая по горам, в венке из плюща и с тирсом в руках, она случайно набрела на хижину пастуха. Увидала Дирка Антиопу, и вся ненависть к ней вспыхнула неудержимо в сердце жестокой царицы. Она решила погубить несчастную Антиопу. Дирка призвала Зета и Амфиона, оклеветала Антиопу и убедила юношей привязать невинную дочь Асопа к рогам дикого быка, чтобы он растерзал её. Зет и Амфион уже готовы были послушаться: поймали быка и схватили Антиопу, – но тут, на её счастье, пришёл пастух. Увидав, что собственные сыновья хотят привязать Антиопу к рогам разъярённого быка, пастух воскликнул:

– Несчастные, какое ужасное злодеяние вы едва не совершили! Вы хотели, сами не зная, что творите, предать ужасной смерти свою родную мать. Ведь это мать ваша, Антиопа.

В ужас пришли Зет и Амфион, когда поняли, что могли

совершить по вине жестокой Дирки. В гневе схватили они жестокую царицу, оклеветавшую их мать, и привязали к рогам дикого быка, сказав ей:

– Погибни же сама той смертью, на которую ты обрекла нашу мать! Пусть будет эта смерть твоим заслуженным наказанием и за жестокость, и за клевету!

Мучительной смертью погибла Дирка. Отомстили за мать Зет и Амфион и Лику: убили его и завладели властью над Фивами.

Став царями Фив, решили братья укрепить свой город. Лишь высокая Кадмея, крепость Фив, построенная Кадмом, была защищена стенами, весь же остальной город был беззащитен. Братья сами построили стену вокруг Фив. Как различен был их труд! Могучий, как титан, Зет носил громадные глыбы камня, напрягая все свои силы, и громоздил их друг на друга. Амфион же не носил каменных глыб: послушные звуку его златострунной кифары, сами двигались камни и складывались в высокую несокрушимую стену. Далеко разошлась слава о великих героях Зете и Амфионе, их знали даже за пределами Греции. Сам Тантал, любимец богов, отдал Амфиону в жёны дочь свою Ниобу. Зет же женился на Аэдоне, дочери царя Эфеса Пандерея. Ниоба и Аэдона и навлекли несчастье на дом сыновей Антиопы.

Ниоба

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

У жены царя Фив Амфиона, Ниобы, было семь сыновей и семь дочерей. Гордилась своими детьми дочь Тантала. Прекрасны, как юные боги, были её дети. Счастье, богатство и прекрасных детей дали боги Ниобе, но не была благодарна им дочь Тантала.

Однажды дочь слепого прорицателя Тиресия, вещая Манто, проходя по улицам семивратных Фив, звала всех фиванок принести жертвы Латоне и её детям-близнецам: златокудрому далекоразящему Аполлону и девственной Артемиде. Послушные призыву Манто, фиванки пошли к алтарям богов, украсив головы лавровыми венками. Одна лишь Ниоба, гордая своим могуществом и посланным ей богами счастьем, не хотела идти приносить жертвы Латоне.

Смутили фиванок полные гордыни слова Ниобы, но всё же совершили они жертвоприношения. Смиренно молили женщины Фив великую Латону не гневаться.

Услыхала богиня Латона надменные речи Ниобы, призвала детей своих, Аполлона и Артемиду, и, сетуя на Ниобу, сказала:

– Тяжко оскорбила меня, вашу мать, гордая дочь Тантала. Она не верит, что я богиня, и не признаёт меня, хотя лишь великой жене Зевса Гере уступаю я в могуществе и славе.

Неужели вы, дети, не отомстите за это оскорбление? Ведь если вы оставите Ниобу без отмщения, то перестанут люди чтить меня как богиню и разрушат мои алтари. Ведь и вас оскорбила дочь Тантала! Она равняет вас, бессмертных богов, со своими смертными детьми. Она столь же надменна, как и её отец Тантал!

Прервал свою мать стреловержец Аполлон:

– О, хватит! Не говори больше ничего! Ведь своими жалобами ты отдаляешь наказание!

– Будет! Остановись! – воскликнула и Артемида.

Окутанные облаком, разгневанные брат и сестра понеслись с вершины Кинта[96] к Фивам. Золотые стрелы зловеще гремели в их колчанах. Примчались они к семивратным Фивам. Аполлон невидимым остановился на ровном поле у городских стен, где фиванские юноши упражнялись в воинских играх. Как раз в этот момент два сына Ниобы, Исмен и Сипил, неслись на горячих конях, одетые в пурпурные плащи. Вдруг вскрикнул Исмен – пронзила ему грудь золотая стрела Аполлона. Выпустил он поводья из рук и мёртвым упал на землю. Услыхал Сипил грозный звон тетивы лука Аполлона и, пытаясь спастись от грозной опасности на быстром коне, во весь опор понёсся по полю, как несётся по морю, распустив все паруса, корабль, стараясь уйти от надвигающегося шторма. Настигла всё же сына Ниобы смертоносная стрела и вонзилась в спину у самой шеи. Сыновья Нио-

[96] Гора на острове Делос.

бы, Файдим и Тантал, боролись, тесно обхватив друг друга руками, когда сверкнула в воздухе стрела и пронзила обоих. Со стоном упали они. Смерть одновременно погасила в глазах их свет жизни, одновременно испустили они своё последнее дыхание. Подбежал брат их Альпенор, попытался поднять, обхватив похолодевшие тела, но глубоко вонзилась и ему в сердце стрела Аполлона, и пал он бездыханным на тела своих братьев. Дамасихтона поразил Аполлон в бедро у самого колена. Попытался вырвать из раны золотую стрелу сын Ниобы, но вдруг со свистом другая стрела вонзилась ему в горло. Поднял к небу руки последний из сыновей Ниобы, юный Илионей, и взмолился:

– О олимпийские боги, пощадите, пощадите!

Его мольба тронула грозного Аполлона, но поздно! Уже слетела с тетивы золотая стрела, нельзя вернуть её. Пронзила она сердце и последнему сыну Ниобы. Быстро донёсся слух о великом несчастье до Ниобы. Со слезами сообщили слуги и Амфиону о гибели его сыновей.

Не перенёс их потери несчастный отец и сам пронзил себе грудь острым мечом.

Склонившись над телами сыновей и мужа, рыдала Ниоба, целуя их похолодевшие уста. Разрывалось от страданий её сердце. В отчаянии простирала несчастная к небу руки, но не о милости молила: горе не смягчило её сердце, – а гневно восклицала:

– Радуйся, жестокая Латона! Веселись, пока не насытится твоё сердце моей скорбью! Ты победила, соперница! О нет, что я говорю! Пусть много вокруг меня, несчастной, бездыханных тел моих детей, всё же больше их осталось у меня, чем у тебя, счастливой. Значит, победила я.

Только замолкла Ниоба, как раздался грозный звон тетивы. Ужас объял всех. Одна Ниоба осталась спокойной: горе придало ей смелости.

Недаром раздался звон тетивы лука Артемиды: упала одна из дочерей Ниобы, стоявших в глубокой печали вокруг тел братьев, сражённая стрелой. Вот опять прозвенела тетива, и рухнула как подкошенная другая дочь Ниобы. Шесть

золотых стрел одна за другой слетели с тетивы лука Артемиды, и бездыханными остались лежать шесть прекрасных юных дочерей Ниобы. Самая младшая дочь бросилась к матери и укрылась в складках её платья.

Горе сломило гордое сердце Ниобы.

– Пощади хоть эту малышку, великая Латона! – взмолилась она, полная скорби. – Хоть одну оставь мне!

Но не сжалилась богиня: стрела Артемиды пронзила и младшую дочь.

Оцепенела от горя Ниоба, окружённая телами дочерей, сыновей и мужа, даже ветер не колышет её волос. В лице её нет ни кровинки, не светятся жизнью её глаза, не бьётся в груди сердце, лишь слёзы скорби льются из глаз. Постепенно в холодный камень превращаются её члены. Поднялся вокруг бурный вихрь и перенёс Ниобу на её родину, в Лидию.

Там, высоко на горе Сипил, стоит и сейчас обращённая в камень Ниоба и вечно льёт слёзы скорби.

Кекроп[97], Эрихтоний[98] и Эрехтей[99]

Основателем великих Афин и их Акрополя был рождённый землёй Кекроп. Земля породила его получеловеком-полузмеёй. Тело его оканчивалось громадным змеиным хвостом. Кекроп основал Афины в Аттике в то время, когда спорили за власть над всей страной колебатель земли, бог моря Посейдон и воительница богиня Афина, любимая дочь Зевса. Чтобы решить этот спор, все боги собрались во главе с самим великим громовержцем Зевсом на афинском Акрополе. На суд властитель богов и людей призвал и Кекропа, чтобы решил, кому же должна принадлежать власть в Аттике. Змееногий Кекроп явился на суд. Боги решили дать власть над Аттикой тому, кто принесёт стране самый ценный дар. Ударил колебатель земли Посейдон своим трезубцем в скалу, и из неё забил источник солёной морской воды. Афина же вонзила в землю своё сверкающее копьё, и выросла из земли плодоносная олива. Тогда Кекроп сказал:

---

[97] Получеловек-полузмея, основатель афинского Акрополя. Афиняне же называли себя кекропидами, т. е. потомками Кекропа. Отсюда ясно, что было время, когда афиняне верили в своё происхождение от змеи или от предка змеи. Это указывает на древность мифа.

[98] Рождён землёй и тоже имеет вид змеи.

[99] Первоначально было синонимом имени Эрихтоний, и лишь с конца V в. до н. э. в произведениях Еврипида Эрехтей упоминается как самостоятельный мифический герой.

– Светлые боги Олимпа, всюду шумят солёные воды безбрежного моря, но нет нигде оливы, дающей богатые плоды. Афине принадлежит олива, она даст богатство всей стране и будет побуждать жителей к труду земледельцев и возделыванию плодородной почвы. Великое благо дала Афина Аттике, пусть же ей принадлежит власть над всей страной.

Боги-олимпийцы присудили Афине Палладе власть над городом, основанным Кекропом, и над всей Аттикой. С тех пор город стал называться в честь любимой дочери Зевса Афинами. Кекроп основал там первое святилище богине Афине, защитнице города, и отцу её Зевсу. Дочери Кекропа были первыми жрицами Афины. Кекроп был первым царём Аттики, дал афинянам законы и устроил всё государство.

Преемником Кекропа стал Эрихтоний, сын бога огня Гефеста, который, подобно Кекропу, был также рождён землёй. Полно тайны его рождение. В раннем младенчестве взяла его под своё покровительство богиня Афина, и он рос в её святилище. Афина положила новорождённого Эрихтония в плетёную корзину с плотно закрытой крышкой, и две змеи должны были его охранять. К нему также были приставлены и дочери Кекропа, но Афина строго запретила им поднимать крышку с корзины: никто не должен был видеть таинственно рождённого землёй младенца. Любопытство мучило дочерей Кекропа, им хотелось хоть раз взглянуть на Эрихтония.

Однажды Афина отлучилась из своего святилища на Ак-

рополе, чтобы принести от Паллены гору, которую решила поставить у Акрополя для его защиты. Когда богиня несла гору к Афинам, ей повстречалась ворона и сказала, что дочери Кекропа открыли корзину и увидели таинственного младенца. Страшно разгневалась Афина, бросила гору и в мгновение ока явилась в своё святилище на Акрополе, где строго покарала дочерей Кекропа. Их охватило безумие: они выбежали из святилища, бросились с отвесных скал и разбились насмерть. С этих пор сама Афина охраняла Эрихтония. Гора же, которую она бросила, так и осталась на том месте, где сообщила богине ворона о проступке дочерей Кекропа; потом эта гора стала называться Ликабетом. Эрихтоний, возмужав, стал царём Афин, где и правил долгие годы. Им были учреждены древнейшие празднества в честь Афины – Панафинеи[100].

Эрихтоний первый впряг коней в колесницу и первый

[100] Главный праздник Афин; отмечался на протяжении нескольких дней в месяце гекатомбайоне, первом месяце года, по нашему летосчислению – в конце июля – начале августа. Раз в четыре года справлялись великие Панафинеи, отличавшиеся особой торжественностью. Начинались празднества ночью торжественным бегом с факелами. Утром устраивалось пышное шествие на Акрополь, участники которого несли богато затканный новый пеплос (верхнюю одежду) богини. Его надевали на статую Афины, стоявшую в храме Парфенон. Происходили во время Панафинеи, кроме того, состязания в беге, борьбе, метании диска и т. д., состязания в беге колесниц, а также состязания поэтов, певцов и музыкантов. В гимнастических состязаниях и в особом торжественном танце в полном вооружении участвовали мальчики, юноши и взрослые граждане. Конечно, ближайшее участие в празднестве могли принимать только зажиточные граждане, так как это требовало значительных расходов.

ввёл ристания на колесницах в Афинах.

Потомком Эрихтония был царь Афин Эрехтей. Ему пришлось вести тяжёлую войну с городом Элевсином, которому пришёл на помощь сын фракийского царя Эвмолпа Иммарад.

Несчастливой была эта война для Эрехтея. Всё больше и больше теснили его Иммарад и фракийцы. Наконец Эрехтей решил обратиться к оракулу Аполлона в Дельфах, чтобы узнать, какой ценой может он достигнуть победы. Ужасный ответ дала пифия. Она сказала Эрехтею, что только в том случае победит он Иммарада, если принесёт в жертву богам одну из своих дочерей. Эрехтей вернулся из Дельф с ужасным ответом. Юная дочь царя Хтония, полная любви к родине, узнав ответ пифии, объявила, что готова пожертвовать жизнью за родные Афины. Глубоко скорбя о судьбе своей дочери, Эрехтей принёс её в жертву богам; лишь желание спасти Афины заставило его решиться на такую жертву.

Вскоре после того, как принесена была Хтония в жертву, произошло сражение. В пылу битвы встретились Эрехтей и Иммарад и вступили в поединок. Долго бились герои, не уступавшие друг другу ни в силе, ни в умении владеть оружием, ни в храбрости. Наконец победил Эрехтей и поразил насмерть своим копьём Иммарада. Опечалился отец Иммарада Эвмолп и упросил бога Посейдона отомстить Эрехтею за смерть сына. Быстро примчался на своей колеснице по бурным волнам моря Посейдон в Аттику, взмахнул сво-

им трезубцем и убил Эрехтея. Так погиб Эрехтей, защищая свою родину. Погибли и все дети его, кроме дочери Креусы, – её одну пощадил злой рок.

Кефал и Прокрида

Изложено по трагедии Софокла «Филоктет»

Кефал, сын бога Гермеса и дочери Кекропа Херсы, далеко по всей Греции славился своей дивной красотой, а также как неутомимый охотник. Рано, ещё до восхода солнца, покидал он свой дворец и юную жену свою Прокриду и отправлялся на охоту в горы Гимета. Однажды увидала прекрасного Кефала розоперстая богиня зари Эос, похитила его и унесла далеко от Афин, на самый край земли. Кефал любил одну лишь Прокриду, только о ней думал, имя её не сходило с его уст. Тосковал он в разлуке с женой и молил богиню Эос отпустить его назад в Афины. Разгневалась Эос и сказала Кефалу:

– Хорошо, возвращайся к Прокриде, перестань жаловаться на судьбу! Когда-нибудь ты пожалеешь, что Прокрида твоя жена; пожалеешь даже, что узнал её! О, я предвижу, что это случится!

Отпустила Эос Кефала, а прощаясь с ним, убедила испытать верность жены. Богиня изменила наружность Кефала, и он вернулся, никем не узнанный, в Афины. Хитростью проник Кефал в свой дом и застал жену в глубокой печали, но и в печали была прекрасна Прокрида. Кефал заговорил с женой, долго старался склонить её забыть мужа, уйти от него и стать его женой. Не узнала Прокрида мужа. Долго не хоте-

ла она и слушать незнакомца и всё твердила:

– Одного лишь Кефала люблю я и останусь ему верна. Где бы он ни был, жив или умер, я навек останусь ему верна!

Наконец поколебал её богатыми дарами Кефал. И она уже была готова склониться на его мольбы. Тогда, приняв свой настоящий образ, он воскликнул:

– Неверная! Я муж твой, Кефал! Сам я свидетель твоей неверности!

Ни слова не ответила Прокрида мужу. Низко склонив от стыда голову, покинула она дом Кефала и ушла в покрытые лесом горы. Там стала она спутницей богини Артемиды. От богини получила в подарок Прокрида чудесное копьё, которое всегда попадало в цель и само возвращалось к бросившему его, и собаку Лайлапа, от которой не мог спастись ни один дикий зверь.

Недолго был в силах Кефал жить в разлуке с Прокридой. Он разыскал в лесах свою жену и уговорил её вернуться назад. Вернулась Прокрида к мужу, и долго жили они счастливо. Своё чудесное копьё и собаку Лайлапа Прокрида подарила мужу, который, как и прежде, до рассвета уходил на охоту. Один, без провожатых, охотился Кефал, ему не нужно было помощников – ведь с ним было чудесное копьё и Лайлап. Однажды с раннего утра был на охоте Кефал; в полдень, когда наступил палящий зной, стал он искать защиты в тени от зноя. Медленно шёл Кефал и пел:

– О сладостная прохлада, приди скорей ко мне! Овей мою

открытую грудь! Скорей приблизься ко мне, прохлада, полная неги, и развей палящий зной! О небесная, ты – моя отрада, ты оживляешь и укрепляешь меня! О, дай мне вдохнуть твоё сладостное дуновение!

Кто-то из афинян услыхал пение Кефала и, не поняв смысла его песни, сказал Прокриде, что слыхал, как муж её зовёт в лесу какую-то нимфу Прохладу. Опечалилась Прокрида, решив, что Кефал уже не любит её, что забыл её и нашёл другую. Раз, когда Кефал был на охоте, Прокрида тайно пошла в лес и, спрятавшись в разросшихся густо кустах, стала ждать, когда придёт её муж. Вот показался среди деревьев и Кефал. Громко пел он:

– О, полная ласки прохлада, приди и прогони мою усталость!

Вдруг остановился Кефал – ему послышался тяжёлый вздох. Прислушался Кефал, но всё тихо в лесу, не шелохнётся ни один листок в полуденном зное. Опять запел Кефал:

– Спеши же ко мне, желанная прохлада!

Только прозвучали эти слова, как тихо зашелестело что-то в кустах. Кефал, думая, что в них скрылся какой-нибудь дикий зверь, бросил в кусты не знающее промаха копьё. Громко вскрикнула Прокрида, поражённая в грудь. Узнал её голос Кефал, бросился к кустам и нашёл в них свою жену. Вся грудь её была залита кровью; смертельной оказалась ужасная рана. Поспешил Кефал перевязать рану Прокриды, но всё напрасно. Перед смертью сказала Прокрида мужу:

– О Кефал, я заклинаю тебя святостью наших брачных уз, богами Олимпа и подземными богами, к которым иду я теперь, заклинаю тебя и моей любовью: не позволяй входить в наш дом той, которую ты звал сейчас!

Понял Кефал из слов умирающей Прокриды, что ввело её в заблуждение, и поспешил объяснить её ошибку. Слабела Прокрида, туманились смертью её глаза, и, нежно улыбаясь Кефалу, умерла она на его руках. С последним поцелуем отлетела её душа в мрачное царство Аида.

Долго был неутешен Кефал. Как совершивший убийство, покинул он родные Афины и удалился в семивратные Фивы. Здесь помог он Амфитриону в охоте на неуловимую тавтесейскую лисицу. Её послал в наказание фивянам Посейдон. Каждый месяц приносили лисице в жертву мальчика, чтобы хоть как-нибудь утолить её ярость. Кефал выпустил на лисицу свою собаку Лайлапа. Вечно преследовал бы Лайлап лисицу, если бы не превратил громовержец Зевс в два камня и лисицу, и собаку. После охоты на тавтесейскую лисицу Кефал принял участие в войне Амфитриона с телебоями и достиг благодаря своей храбрости власти над островом Кефаления, названным так по его имени, – там и жил до самой своей смерти.

Прокна и Филомела

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Царь Афин Пандион, потомок Эрихтония, вёл войну с варварами, осадившими его город. Трудно было бы ему защитить Афины от многочисленного варварского войска, если бы на помощь ему не пришёл царь Фракии Терей. Он победил варваров и прогнал их из пределов Аттики. В награду за это Пандион дал Терею в жёны дочь свою Прокну. Вернулся Терей со своей молодой женой во Фракию. Там родился вскоре у Терея и Прокны сын. Казалось, что счастье сулили мойры Тесею и его жене.

Прошло пять лет со дня брака Терея. Однажды Прокна стала просить мужа:

– Если ты ещё любишь меня, то отпусти повидаться с сестрой или же привези её к нам. Съезди в Афины за сестрой моей, попроси отца отпустить её и обещай, что она скоро вернётся назад. Увидеть сестру будет для меня величайшим счастьем.

Приготовил Терей корабли к дальнему плаванию и вскоре отплыл из Фракии. Благополучно достиг он берегов Аттики. С радостью встретил своего зятя Пандион и отвёл в свой дворец. Не успел ещё сказать Терей о причине своего приезда в Афины, как вошла Филомела, сестра Прокны, равная красотой прекрасным нимфам. Поразила Терея красота Фило-

мелы, и он, воспылав к ней страстной любовью, стал просить Пандиона отпустить её погостить у сестры её Прокны. Любовь к Филомеле делала ещё убедительней речи Терея. Сама Филомела, не ведая, какая грозит ей опасность, тоже просила отца отпустить её к Прокне. Наконец согласился Пандион. Отпуская свою дочь в далёкую Фракию, говорил он Терею:

– Тебе поручаю я, Терей, дочь мою и бессмертными богами заклинаю: защищай её как отец. Скорей пришли назад Филомелу, ведь она единственная утеха моей старости.

Пандион просил и Филомелу:

– Дочь моя, если ты любишь старика отца, возвращайся скорей, не покидай меня одного.

Со слезами простился Пандион с дочерью; хотя тяжёлые предчувствия угнетали его, всё же не мог он отказать Терею и Филомеле.

Взошла прекрасная дочь Пандиона на корабль. Дружно ударили вёслами гребцы, быстро понёсся корабль в открытое море, всё дальше берег Аттики. Ликуя, воскликнул Терей:

– Я победил! Со мной здесь, на корабле, избранница моего сердца, прекрасная Филомела.

Не сводил глаз с Филомелы Терей и не отходил от неё во всё время пути. Вот и берег Фракии, окончен путь. Но не повёл в свой дворец Филомелу царь Фракии, а увёл насильно в тёмный лес, в хижину пастуха, где и держал в неволе. Не трогали его слёзы и мольбы Филомелы, страдавшей в неволе. Часто звала сестру и отца Филомела, часто призывала вели-

ких богов-олимпийцев, но тщетны были её мольбы и жалобы. Филомела рвала в отчаянии волосы, ломала руки и сетовала на свою судьбу:

– О суровый варвар! Тебя не тронули ни просьбы отца, ни слёзы, ни заботы обо мне моей сестры! Ты не сохранил святости твоего домашнего очага! Возьми же, Терей, мою жизнь, но знай: видели твоё преступление великие боги, и если есть ещё у них сила, то понесёшь ты заслуженное наказание. Сама поведаю я обо всём, что ты сделал! Сама пойду я к народу! Если же не пустят меня уйти леса, которые здесь вокруг, я все их наполню своими жалобами: пусть слышит их вечный Эфир небесный, пусть слышат их боги!

Страшный гнев овладел Тереем, когда услыхал он угрозы Филомелы. Выхватил он свой меч, схватил за волосы Филомелу, связал её и вырезал ей язык, чтобы никому не могла поведать несчастная дочь Пандиона о его преступлении. Сам же Терей вернулся к Прокне. Она спросила мужа, где же сестра, но Терей сказал, что сестра её умерла. Долго оплакивала Прокна мнимо умершую Филомелу.

Миновал целый год, но по-прежнему томилась Филомела в неволе и не могла дать знать ни отцу, ни сестре, где держит её взаперти Терей. Наконец нашла она способ известить Прокну. Усевшись за ткацкий станок, она выткала на покрывале всю свою ужасную повесть и послала тайно это покрывало Прокне. Развернула Прокна покрывало и, к ужасу своему, увидала на нём вытканную страшную повесть сестры. Не

плакала Прокна, а словно в забытьи блуждала как безумная по дворцу и думала лишь о том, как отомстить Терею.

Были как раз те дни, когда женщины Фракии справляли праздник Диониса. С ними пошла в леса и Прокна. На склонах гор, в густом лесу разыскала она хижину, в которой держал её муж в неволе Филомелу. Освободила Прокна сестру и привела тайно во дворец.

– Не до слёз теперь, Филомела, – сказала Прокна, – не помогут нам слёзы. Не слезами, а мечом должны мы действовать. Я готова на самое страшное злодеяние, лишь бы отомстить и за тебя, и за себя Терею. Я готова предать его самой ужасной смерти!

В то время, когда говорила это Прокна, вошёл к ней в покои её сын.

– О, как похож ты на отца! – воскликнула Прокна, взглянув на сына.

Вдруг смолкла она, сурово сдвинув брови. Ужасное злодеяние замыслила Прокна, но толкнул её на это гнев, клокотавший в груди. А сын подошёл доверчиво, обнял мать ручками и потянулся к ней, чтобы поцеловать. На одно мгновение жалость проснулась в сердце Прокны, на глазах навернулись слёзы, и она поспешно отвернулась от сына, но от взгляда на сестру снова вспыхнул в её груди неистовый гнев. Схватила Прокна сына за руку и потащила в дальний покой дворца, где острым мечом, отвернувшись, пронзила ему грудь. Разрезали Прокна и Филомела на куски тело несчастного мальчика,

часть сварили в котле, часть же изжарили на вертеле и приготовили Терею ужасную трапезу. Прокна сама прислуживала Терею, а он, ничего не подозревая, ел кушанье, приготовленное из тела любимого сына. Во время трапезы вспомнил о сыне Терей и велел позвать его. Прокна же, радуясь своей мести, ответила:

– В тебе самом тот, кого ты зовёшь!

Не понял её слов Терей и принялся настаивать, чтобы позвали сына. Тогда вышла вдруг из-за занавеси Филомела и бросила в лицо Терею окровавленную голову сына. Содрогнулся от ужаса Терей, поняв, как ужасна была его трапеза. Проклял он жену свою и Филомелу. Оттолкнув от себя стол, вскочил он с ложа и, обнажив меч, погнался за Прокной и Филомелой, чтобы отомстить им своими руками за убийство сына, но настигнуть их не смог: крылья вдруг выросли у сестёр и обратились они в двух птиц – Филомела в ласточку, а Прокна в соловья. Сохранилось у ласточки Филомелы на груди и кровавое пятно от крови сына Терея.

Сам же Терей был обращён в удода с длинным клювом и большим гребнем на голове. Как у воинственного Терея на шлеме, развевается у удода на голове гребень из перьев.

Борей и Орифия

Грозен Борей, бог неукротимого, бурного северного ветра. Неистовый, носится он над землями и морями, вызывая полётом своим всесокрушающие бури. Увидал однажды Борей, проносясь над Аттикой, дочь Эрехтея Орифию и полюбил. Молил Борей Орифию стать его женой и позволить ему унести её с собой в своё царство на далёкий север. Не соглашалась Орифия, боялась грозного, сурового бога. Отказал Борею и отец Орифии Эрехтей. Не помогали никакие просьбы, никакие мольбы Борея. Разгневался грозный бог и воскликнул:

– Я заслужил сам такое унижение! Я забыл о моей грозной, неистовой силе! Разве подобает мне смиренно умолять кого-либо? Лишь силой должен я действовать! Я гоню по небу грозовые тучи, я вздымаю на море, словно горы, волны, я с корнем вырываю, как сухие былинки, вековые дубы, я бичую градом землю и в твёрдый как камень лед превращаю воду – и я молю, словно бессильный смертный. Когда я несусь в неистовом полёте над землёй, вся земля колеблется, содрогается даже подземное царство Аида. И я молю Эрехтея, словно я его слуга. Я должен не молить отдать мне в жёны Орифию, а отнять её силой!

Взмахнул Борей своими могучими крыльями. Буря забушевала по всей земле. Как тростник, заколебались вековые

леса, грозно заходили по морю покрытые пеной валы, тёмные тучи заволокли всё небо. Выше гор распростёрся тёмный плащ Борея, и веяло от него леденящим холодом севера. Всё сокрушая на своём пути, понёсся Борей в Афины, схватил Орифию, взвился и улетел с ней к себе на север.

Там стала Орифия женой Борея и родила ему двух сыновей-близнецов, Зета и Калаида. Оба они родились крылатыми, как и их отец. Великими героями были сыновья Борея: участвовали в походе аргонавтов за золотым руном в Колхиду и совершали великие подвиги.

Дедал и Икар[101]

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Величайшим художником, скульптором и зодчим Афин был Дедал, потомок Эрехтея. О нём рассказывали, что он высекал из белоснежного мрамора такие дивные статуи, что они выглядели как живые; казалось, что статуи Дедала смотрят и двигаются. Много инструментов изобрёл Дедал для своей работы; им же были изобретены топор и бурав. Далеко шла слава о Дедале.

В учениках у великого художника был племянник Тал, сын его сестры Пердики. Уже в ранней юности поражал он всех своим талантом и изобретательностью. Можно было предвидеть, что Тал далеко превзойдёт своего учителя. Дедал так завидовал племяннику, что решил его убить. Однажды Дедал стоял с племянником на высоком афинском Акрополе у самого края скалы. Никого не было видно кругом. Увидев, что они одни, Дедал столкнул Тала со скалы. Был уверен художник, что его преступление останется безнаказанным. Упав со скалы, юноша разбился насмерть. Дедал по-

---

[101] Миф о Дедале и Икаре указывает на то, что уже в глубокой древности люди стали думать о том, как овладеть способом передвигаться не только по земле и по воде, но и по воздуху. Характерно, что величайшим достижением мифического художника Дедала считались не статуи и воздвигнутые им здания, а именно крылья. Миф о Дедале сложился в Афинах – важнейшем центре торговли, промышленности, искусства и науки Древней Греции.

спешно спустился с Акрополя, поднял тело и хотел было уже тайно зарыть, но, когда рыл могилу, застали его афиняне. Злодеяние открылось. Ареопаг присудил его к смерти.

Спасаясь от казни, Дедал бежал на Крит, к могущественному царю Миносу, сыну Зевса и Европы. Минос охотно принял под свою защиту великого художника Греции. Много дивных произведений искусства изготовил Дедал для царя Крита, а ещё выстроил знаменитый дворец-лабиринт с такими запутанными ходами, что, раз войдя в него, невозможно было найти выход. В этом дворце Минос заключил сына жены своей Пасифаи, ужасного Минотавра, чудовище с телом человека и головой быка.

Много лет жил Дедал у Миноса. Не хотел отпускать его царь с Крита, чтобы никто больше не мог пользоваться искусством великого художника. Словно пленника, держал Минос Дедала на Крите. Долго думал мастер, как ему бежать, и наконец нашёл способ освободиться от критской неволи.

– Если не могу я, – воскликнул Дедал, – спастись от власти Миноса ни сухим путём, ни морским, то ведь открыто же для бегства небо! Вот мой путь! Всем владеет Минос, лишь воздухом не владеет.

Принялся за работу Дедал: набрал перьев, скрепил их льняными нитками и воском и стал изготавливать четыре больших крыла. Пока Дедал работал, сын его Икар играл около отца: то ловил пух, который взлетал от дуновения ве-

терка, то мял в руках воск. Мальчик беспечно резвился, его забавляла работа отца. Наконец Дедал закончил свою работу: готовы были крылья, – привязал их за спину, продел руки в петли, укреплённые на крыльях, взмахнул ими и плавно поднялся в воздух. С изумлением смотрел Икар на отца, который парил в воздухе подобно громадной птице. Дедал спустился на землю и сказал сыну:

– Слушай, Икар, сейчас мы улетим с Крита. Будь осторожен во время полёта. Не спускайся слишком низко к морю, чтобы солёные брызги волн не смочили твоих крыльев. Не подымайся и близко к солнцу: жара может растопить воск,

и разлетятся перья. За мной лети, не отставай от меня.

Отец с сыном надели крылья на руки и легко понеслись. Те, кто видел их полёт высоко над землёй, думали, что это два бога несутся по небесной лазури. Часто оборачивался Дедал, чтобы посмотреть, как летит сын. Они миновали уже острова Делос, Парос и летели всё дальше и дальше.

Быстрый полёт забавлял Икара, всё смелее взмахивал он крыльями и, забыв наставления отца, уже не летел следом за ним. Сильно взмахнув крыльями, взлетел он высоко, под самое небо, ближе к лучезарному солнцу. Палящие лучи растопили воск, скреплявший перья крыльев, выпали перья и разлетелись далеко по воздуху, гонимые ветром. Взмахнул Икар руками, но не было больше на них крыльев. Стремглав упал он со страшной высоты в море и погиб в его волнах.

Дедал обернулся, посмотрел по сторонам, но нигде не было видно Икара. Громко стал звать он сына:

– Икар! Икар! Где ты? Откликнись!

Нет ответа. Увидал Дедал на морских волнах перья из крыльев Икара и понял, что случилось. Как возненавидел Дедал своё искусство, как возненавидел тот день, когда задумал спастись с Крита воздушным путём!

А тело Икара долго носилось по волнам моря, которое стало называться по имени погибшего Икарийским[102]. Наконец прибили его волны к берегу острова, где и нашёл его Геракл и похоронил.

Дедал же продолжил свой полёт и прилетел, наконец, в Сицилию. Там он поселился у царя Кокала. Минос узнал, где скрылся художник, отправился с большим войском в Сицилию и потребовал, чтобы Кокал выдал ему Дедала.

Дочери Кокала, не желая лишаться такого художника, придумали хитрость: уговорили отца согласиться на требования Миноса и принять его как гостя во дворце. Когда Ми-

[102] Часть Эгейского моря между островами Самос, Парос и берегом Малой Азии.

нос принимал ванну, дочери Кокала вылили ему на голову котел кипящей воды, и умер он в страшных мучениях. Долго жил Дедал в Сицилии, а последние годы провёл на родине, в Афинах, где стал родоначальником Дедалидов, славного рода афинских художников.

Тесей[103]

Изложено по биографии Плутарха «Тесей»

Рождение и воспитание Тесея

Сын Пандиона Эгей правил в Афинах после того, как вместе с братьями изгнал из Аттики своих родственников, сыновей Метиона, захвативших не по праву власть. Долго Эгей правил счастливо. Печалило его только одно: не было у него детей. Наконец отправился Эгей к оракулу Аполлона в Дельфы и там вопросил светозарного бога, почему боги не посылают ему детей. Оракул дал Эгею неясный ответ. Долго думал он, стараясь разгадать сокровенный смысл его слов,

---

[103] Величайший герой Афин, имевший много общего с Гераклом, герой военно-родовой аристократии, а затем – правящей афинской рабовладельческой аристократии землевладельцев, которая приписывала ему создание всего древнего государственного строя Афин. Прежде всего ему приписывалось разделение населения на три класса: эвпатридов, или благородных, геоморов, или земледельцев, и демиургов, или ремесленников, – и предоставление исключительного права на замещение должностей одним благородным. Характерен и следующий факт: рассказывали, что во время Марафонской битвы (490 г. до н. э.), в которой греки одержали победу над персами, многие афиняне якобы видели Тесея – в шлеме, с копьём и щитом, – возглавлявшего боевой строй афинян. Этими баснословными рассказами воспользовались аристократы. Их представитель Кимон перевёз в Афины с острова Скирос останки Тесея, в действительности, конечно, не существовавшие, так как и Тесей-то никогда не существовал.

но так и не смог. Наконец решил Эгей отправиться в город Троисена[104] к мудрому царю Арголиды Питфею, чтобы тот растолковал ответ Аполлона. Питфей сразу понял, что у Эгея должен родиться сын, который будет величайшим героем Афин. Питфею хотелось, чтобы честь быть родиной великого героя принадлежала Троисене, поэтому дал он в жёны Эгею свою дочь Эфру. И вот родился у Эфры, когда она стала женой Эгея, сын, но это был сын бога Посейдона, а не Эгея. Новорождённому дали имя Тесей. Вскоре после рождения Тесея царь Эгей должен был покинуть Троисену и вернуться в Афины. Уходя, взял Эгей свой меч и сандалии, положил их под скалу в горах у Троисены и сказал Эфре:

– Когда сын мой Тесей будет в силах сдвинуть эту скалу и достать мой меч и сандалии, пришли его с ними ко мне в Афины. Я узнаю его по этим вещам.

До шестнадцати лет воспитывался Тесей в доме своего деда Питфея. Знаменитый своей мудростью Питфей заботился о воспитании внука и радовался, видя, что во всём превосходит своих сверстников. Но вот исполнилось Тесею шестнадцать лет; уже тогда никто не мог сравняться с ним ни в силе, ни в ловкости, ни в умении владеть оружием. Прекрасен был Тесей: высокий, стройный, с ясным взглядом прекрасных глаз, с тёмными кудрями, которые пышными кольцами спадали до плеч; спереди же, на лбу, кудри были обрезаны, так как посвятил он их Аполлону; юное мускулистое тело ге-

[104] Город в Арголиде на Пелопоннесе.

роя ясно говорило о его могучей силе.

Подвиги Тесея на пути в Афины

Когда Эфра увидела, что сын её превосходит силой всех своих сверстников, то привела его к скале, под которой лежали меч и сандалии Эгея, и сказала:

– Сын мой, здесь, под этой скалой, лежат меч и сандалии твоего отца, повелителя Афин Эгея. Сдвинь скалу и возьми их – по этим знакам узнает тебя отец.

Толкнул Тесей скалу, легко сдвинул с места, взял меч и сандалии, простился с матерью и дедом и отправился в далёкий путь, в Афины. Тесей не внял просьбам матери и деда избрать более безопасный морской путь и решил идти в Афины посуху, через Истм.

Труден был этот путь. Много опасностей пришлось преодолеть Тесею, много совершить подвигов. Уже на границе Троисены и Эпидавра[105] герой встретил великана Перифета, сына бога Гефеста, такого же хромого, как отец, с такими же могучими руками и огромным телом. Грозен был Перифет. Ни один странник не проходил через те горы, в которых он жил: всех убивал великан своей железной палицей, – но Тесей легко победил Перифета. Это был первый подвиг героя, и как знак своей победы взял он железную палицу убитого.

Дальше до самого Истма Тесей шёл, не подвергаясь опас-

[105] Город на восточном побережье Арголиды.

ностям. На Истме, в сосновом бору, посвящённом Посейдону, встретил он сгибателя сосен Синида. Это был свирепый разбойник, который предавал страшной смерти всех путников. Согнув две сосны так, что они касались верхушками, Синид привязывал к ним несчастного путника и отпускал. Со страшной силой выпрямлялись сосны и разрывали тело несчастного. Тесей отомстил за всех, кого погубил Синид: связал разбойника, согнул своими могучими руками две громадные сосны, привязал его к ним и отпустил деревья. Свирепый разбойник погиб той самой смертью, которой губил ни в чём не повинных путников. Дорога через Истм была теперь свободна. Позднее же, в память своей победы, Тесей учредил на том месте, где победил Синида, Истмийские игры[106].

Дальнейший путь Тесея шёл через Кромион[107]. Вся местность вокруг была опустошена громадной дикой свиньёй, порождённой Тифоном и Ехидной. Жители Кромиона молили юного героя избавить их от этого чудовища. Тесей настиг свинью и поразил своим мечом.

Отправился Тесей дальше. В самом опасном месте Истма, у границ Мегары[108], там, где высоко к небу поднимались от-

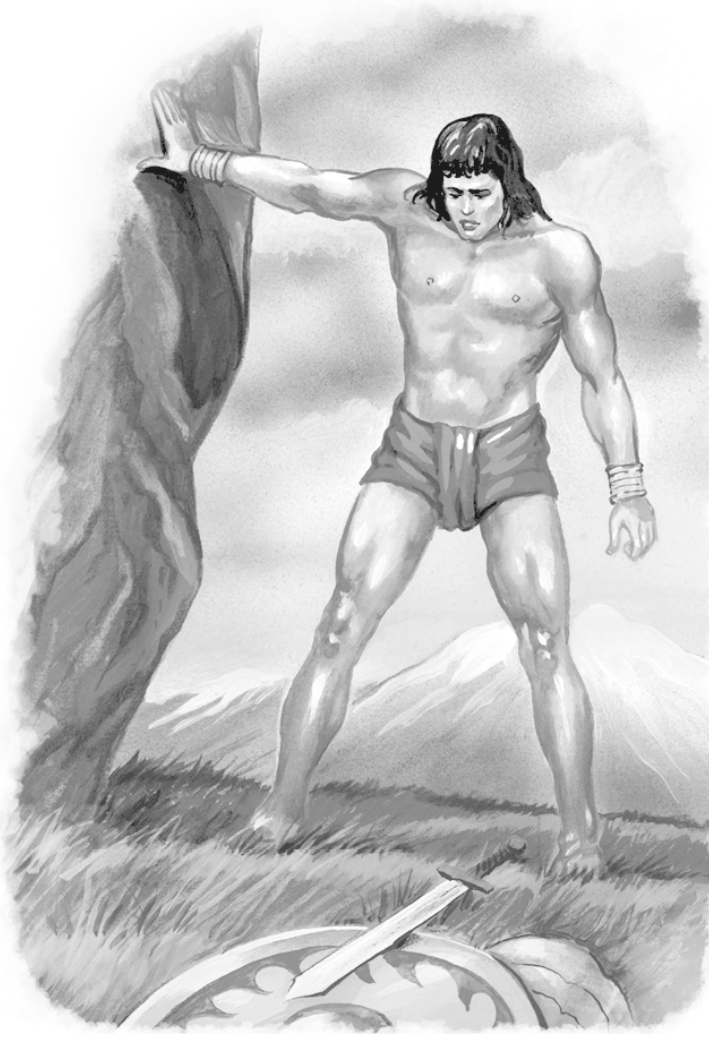
---

[106] Общегреческое празднество, справлявшееся каждые два года на Коринфском перешейке – Истме. Во время Игр, продолжавшихся несколько дней, происходили состязания в борьбе, беге, кулачном бою, метании диска и копья, а также состязания в беге колесниц.

[107] Город на Истме, недалеко от Коринфа.

[108] Область на севере Истма, граничащая на востоке с Аттикой.

весные скалы, у подножия которых грозно шумели пенистые морские валы, Тесей встретил новую опасность. На самом краю скалы жил разбойник Скирон, который заставлял всех, кто проходил мимо, мыть ему ноги, но лишь только склонялся путник, он сильным толчком сбрасывал несчастного со скалы в бурные волны моря, и тот разбивался насмерть о торчавшие из воды острые камни, а тело его пожирала чудовищная черепаха. Тесей, когда Скирон хотел столкнуть и его, схватил разбойника за ногу и сбросил в море.



Недалеко от Элевсина Тесею пришлось вступить в борьбу с Керкионом, подобно тому как и Гераклу пришлось бороться с Антеем. Могучий Керкион многих погубил, но Тесей, обхватив Керкиона руками, сжал его, как в железных тисках, и убил. Освободил этим Тесей и дочь Керкиона Алопу, а власть над его страной отдал сыну Алопы и Посейдона Гиппотоонту.

Миновав Элевсин и приближаясь уже к долине реки Ке-

фис в Аттике, Тесей пришёл к разбойнику Дамасту, которого называли обыкновенно Прокрустом (вытягивателем). Разбойник этот придумал особо мучительное истязание для всех, кто приходил к нему. У Прокруста было ложе, на него заставлял он ложиться тех, кто попадал ему в руки. Если ложе было слишком длинно, Прокруст вытягивал несчастного до тех пор, пока его ноги не касались края, а если, напротив, коротко, то обрубал жертве ноги. Тесей повалил самого Прокруста на ложе, но оно, конечно, оказалось слишком коротким для великана, и герой убил его так же, как убивал злодей путников.

Это был последний подвиг Тесея на пути в Афины. Не желая прийти в Афины запятнанным[109] пролитой кровью Синида, Скирона, Прокруста и других, попросил он фиталидов[110] особыми религиозными церемониями очистить его у алтаря Зевса-мелихия[111]. Радушно, как гостя, приняли фиталиды юного героя и исполнили его просьбу, очистив от скверны пролитой крови. Теперь Тесей мог идти в Афины, к своему отцу Эгею.

Тесей в Афинах

В длинной ионийской одежде, блистая красотой, шёл Тесей по улицам Афин; пышные кудри спадали ему на плечи. Юный герой в своей длинной одежде был скорее похож на девушку, чем на героя, совершившего столько великих подвигов. Когда проходил он мимо строившегося храма Аполлона, на котором рабочие уже возводили крышу, те приняли его за девушку и стали над ним подтрунивать:

– Посмотрите на неё: бродит по городу одна, без провожатых. Распустила напоказ волосы, платьем уличную пыль

---

[109] Греки считали, что пролитая кровь оскверняет, поэтому всякий убивший человека должен совершить особые очистительные обряды у алтаря какого-либо бога.

[110] Потомки героя Фитала, основавшего в Элевсине мистерии – особый религиозный культ в честь богини Деметры.

[111] *Мелихий* значит «милостивый».

подметает.

Рассерженный их насмешками, Тесей подбежал к повозке, запряжённой волами, выпряг волов, схватил повозку и бросил её так высоко, что она перелетела через головы рабочих, стоявших на крыше храма. Разобрав, что это не девушка, а юный герой, обладающий страшной силой, пришли они в ужас, испугавшись, что и их постигнет та же участь, но Тесей спокойно продолжил свой путь.

Наконец пришёл герой во дворец Эгея, но не открылся сразу престарелому отцу, а сказал, что он, чужеземец, ищет защиты. Эгей не узнал своего сына, но зато узнала его волшебница Медея, которая, бежав из Коринфа в Афины, стала его женой. Хитрая Медея, пообещав Эгею вернуть колдовством молодость, властвовала в его доме, и царь во всём ей подчинялся. Сразу поняла властолюбивая Медея, какая грозит ей опасность, если узнает Эгей, кто тот прекрасный чужеземец, которого принял он в своём дворце, и, чтобы не лишиться власти, задумала погубить героя. Уверив старого царя, что юноша – лазутчик, подосланный врагами, она уговорила его отравить Тесея. Дряхлый, слабый Эгей очень боялся, что кто-нибудь лишит его власти, и согласился на это злодеяние.

Во время пира Медея поставила перед героем кубок с отравленным вином, и как раз в этот момент Тесей ненароком вынул меч из ножен. Эгей сразу узнал меч, который сам шестнадцать лет назад положил под скалу у Троисены.

Взглянув на ноги Тесея и увидав свои сандалии, он понял, кто этот чужеземец. Опрокинув кубок с отравленным вином, Эгей обнял сына. Медея же была изгнана из Афин и бежала с сыном Медоном в Мидию.

Торжественно объявил Эгей всему афинскому народу о прибытии сына и рассказал о его великих подвигах, совершённых во время пути из Троисены в Афины. Ликовали афиняне вместе с Эгеем и громкими криками приветствовали своего будущего царя.

Слух о том, что в Афины прибыл сын Эгея, дошёл и до сыновей Палланта, брата Эгея. Рухнула их надежда править в Афинах после смерти Эгея – ведь теперь у него был законный наследник. Суровые Паллантиды не могли этого допустить и решили силой завладеть Афинами. Во главе со своим отцом двинулись все пятнадцать Паллантидов против Афин. Зная могучую силу Тесея, они придумали следующую хитрость: некоторые из них открыто подступили к стенам Афин, а другие укрылись в засаде, чтобы напасть неожиданно, но вестник Паллантидов Леос открыл их план Тесею. Юный герой быстро сообразил, как надо действовать: напал на тех, что скрылись в засаде, и перебил; – не спасла их ни сила, ни храбрость. Когда Паллантиды, стоявшие под стенами Афин, узнали о гибели своих братьев, ими овладел такой страх, что они обратились в позорное бегство. Теперь Эгей мог спокойно править в Афинах под охраной своего сына.

Тесей, не желая сидеть без дела, решил освободить Аттику от дикого быка, который опустошал окрестности Марафона. Этого быка привёл по приказу Эврисфея с Крита в Микены Геракл и выпустил там на волю. Бык убежал в Аттику и с тех пор был великим злом для всех земледельцев. Бесстрашно отправился Тесей на этот новый подвиг. В Марафоне он встретил старую женщину Гекалу. Она приняла героя как гостя и посоветовала ему принести перед новым подвигом жертву Зевсу-спасителю, чтобы охранял его во время опасного боя с чудовищным быком. Тесей послушался совета Гекалы. Вскоре герой нашёл быка: бросился тот на него, но Тесей схватил его за рога. Рванулся бык, но вырваться из

могучих рук не мог. Тесей пригнул к земле голову быка, связал его, укротил и повёл в Афины. На обратном пути юноша уже не застал старую Гекалу в живых. Отдал он ей великие почести за совет и гостеприимство и пошёл дальше. В Афинах Тесей принёс быка в жертву богу Аполлону.

Путешествие Тесея на Крит

Когда Тесей пришёл в Афины, вся Аттика была погружена в глубокую печаль. Уже в третий раз прибывали послы с Крита, от могущественного царя Миноса, за данью. Тяжела и позорна была эта дань. Афиняне должны были каждые девять лет посылать на Крит семь юношей и семь девушек. Там их запирали в громадном дворце-лабиринте, и их пожирало ужасное чудовище Минотавр, с туловищем человека и головой быка. Минос наложил эту дань на афинян за то, что они убили его сына Андрогея. Вот уже в третий раз афиняне снарядили на Крит корабль с чёрными парусами в знак скорби по жертвам Минотавра.

Видя общую печаль, юный герой Тесей решил отправиться с афинскими юношами и девушками на Крит, чтобы попытаться прекратить уплату этой ужасной дани, а добиться этого можно было, только убив Минотавра. Задумал Тесей вступить с чудовищем в бой и или убить его, или погибнуть. Престарелый Эгей не хотел и слышать об отъезде своего единственного сына, но Тесей настоял на своём. Принёс

герой жертву Аполлону-дельфинию – покровителю морских путешествий, а из Дельф перед самым отъездом был дан ему оракул, чтобы покровительницей в этом подвиге он избрал себе богиню любви Афродиту. Призвав её на помощь и принеся ей жертву, Тесей отправился на Крит.

Корабль благополучно прибыл на остров, и афинских юношей и девушек отвели к Миносу. Могущественный царь сразу обратил внимание на прекрасного юношу-героя. Заметила его и дочь царя Ариадна, в сердце которой покровительница Тесея Афродита вызвала сильную любовь к нему. Не в силах даже и помыслить о том, что юный герой погибнет в лабиринте, растерзанный Минотавром, дочь Миноса решила помочь Тесею.

Прежде чем отправиться на бой с чудовищем, Тесею пришлось совершить ещё один подвиг. Минос оскорбил одну из афинских девушек. Тесей заступился за неё, но, гордый своим происхождением, царь Крита разгневался, что какой-то афинянин смеет противиться ему, сыну Зевса. Тесей гордо ответил царю:

– Ты гордишься своим происхождением, но мой отец не простой смертный, а великий колебатель земли, бог моря Посейдон.

– Если это так, то докажи: достань кольцо из морской пучины, – ответил Минос и бросил в море золотое кольцо.

Призвав отца своего Посейдона, Тесей бесстрашно прыгнул с крутого берега в морские волны. Высоко взлетели со-

лёные брызги, и скрыло море Тесея. Все застыли, объятые страхом, в полной уверенности, что не вернётся он назад. Полная отчаяния, стояла и Ариадна, тоже не сомневаясь, что возлюбленный погиб.

А Тесея, лишь только сомкнулись над его головой морские волны, подхватил бог Тритон и в мгновение ока домчал до подводного дворца Посейдона. Морской владыка с радостью приветствовал в своём волшебном подводном дворце сына и подал ему кольцо Миноса, а жена его Амфитрита, восхищённая красотой и смелостью героя, возложила ему на пышные кудри золотой венок. Опять подхватил Тесея Тритон и вынес из морской пучины к тому месту, с которого бросился герой в море. Так Тесей доказал Миносу, что он действительно сын Посейдона, повелителя морей. Ариадна ликовала, что вернулся возлюбленный невредимым из морских глубин.

Но впереди был главный подвиг: убить Минотавра. Тут на помощь Тесею пришла Ариадна, тайно от отца передав ему острый меч и клубок ниток. Когда отвели всех обречённых на растерзание к лабиринту, Тесей привязал у входа конец нитки и повёл остальных по запутанным бесконечным переходам лабиринта. Клубок постепенно разматывался, и по нитке можно было найти обратный путь. Всё дальше Тесей вёл афинян, и наконец дошли они до того места, где находился Минотавр. С грозным рёвом, наклонив голову с громадными острыми рогами, бросилось чудовище на юного ге-

роя, и начался страшный бой. Минотавр с яростью несколько раз кидался на Тесея, но все попытки отражал меч. Наконец изловчился Тесей, схватил Минотавра за рог и вонзил свой острый меч ему в грудь. Покончив с чудовищем, по нитке клубка вышел он из лабиринта и вывел всех афинских юношей и девушек. У выхода их встретила Ариадна и с радостью приветствовала Тесея. Ликовали спасённые им юноши и девушки: украшенные венками из роз, водили весёлый хоровод, славя героя и его покровительницу Афродиту.

Теперь нужно было позаботиться и о спасении от гнева

Миноса. Тесей быстро снарядил свой корабль и, прорубив дно у всех вытащенных на берег кораблей критян, быстро отправился в обратный путь в Афины. Ариадна последовала за возлюбленным.

На обратном пути Тесей решил пристать к Наксосу, чтобы дать отдых морякам и своим спутникам. Явился ему во сне бог вина Дионис и поведал, что должен он здесь, на пустынном берегу Наксоса, покинуть Ариадну, так как боги назначили её в жёны ему, богу Дионису. Тесей проснулся и, полный грусти, быстро собрался в путь, потому что не смел ослушаться воли богов. Громко приветствовали спутники Диониса Ариадну и славили пением как жену великого бога.

А корабль Тесея тем временем нёсся на своих чёрных парусах по лазурному морю. Вот уже показался вдали берег Аттики. Забыл Тесей, опечаленный утратой Ариадны, данное Эгею обещание заменить чёрные паруса белыми, если, победив Минотавра, счастливо вернётся в Афины. Эгей, вперив взгляд в морскую даль, ждал сына на высокой скале. Вот вдали показалась чёрная точка и начала быстро расти, приближаясь к берегу. Это корабль его сына. Всё ближе он. Эгей смотрит, напрягая зрение, какие на нём паруса. Нет, не блестят белые паруса на солнце, чёрные они. Значит – погиб Тесей! В отчаянии бросился старик с высокой скалы в море и погиб в морской пучине. Его безжизненное тело выброси-

ли волны на берег. С тех пор зовётся море, в котором погиб Эгей, Эгейским.

А Тесей тем временем причалил к берегам Аттики и собрался было принести богам благодарственные жертвы, как вдруг, к ужасу своему, узнал, что стал невольной причиной гибели отца. С великими почестями убитый горем Тесей похоронил его, а после похорон принял власть над Афинами.

Тесей и Амазонки

Тесей мудро правил в Афинах, но постоянно там не жил, часто покидая их для того, чтобы принять участие в подвигах героев Греции. Так, участвовал Тесей в калидонской охоте, в плавании аргонавтов за золотым руном и в походе Геракла против амазонок. Когда был взят город амазонок Фемискира, Тесей увёл с собой в Афины как награду за храбрость их царицу Антиопу и сделал своей женой, пышно отпраздновав свадьбу.

Амазонки же замыслили отомстить грекам за разрушение их города и освободить царицу Антиопу от тяжкого, как думали, плена у Тесея. Большое войско вторглось в Аттику, и афиняне принуждены были укрыться от натиска воинственных амазонок за городскими стенами. Амазонки ворвались даже и в сам город, и жителям пришлось скрыться в неприступном Акрополе. Воительницы, разбив свой лагерь на холме ареопага, держали афинян в осаде. Несколько раз

делали вылазки афиняне, пытаясь изгнать грозных воительниц, и наконец произошла решительная битва.

Сама Антиопа сражалась рядом с Тесеем против тех самых амазонок, которыми раньше повелевала, потому что не хотела покидать мужа-героя, которого горячо любила. В этой грозной битве гибель ждала Антиопу. Сверкнуло в воздухе брошенное одной из амазонок копьё, его смертоносное

остриё вонзилось в грудь Антиопы, и она мёртвой упала к ногам мужа. В ужасе смотрели оба войска на сражённую насмерть Антиопу. Склонился в горе Тесей над телом жены. Прерван был кровавый бой. Полные скорби, похоронили амазонки и афиняне молодую царицу. Амазонки покинули Аттику и вернулись к себе на далёкую родину. Долго царила печаль в Афинах по безвременно погибшей прекрасной Антиопе.

Тесей и Пейрифой

В Фессалии жило племя воинственных лапифов[112], и царил над ними могучий герой Пейрифой. Наслышан он был о великой храбрости и силе непобедимого Тесея и хотел помериться с ним силой. Чтобы вызвать Тесея на битву, отправился Пейрифой к Марафону и там на тучных пастбищах похитил стадо быков, принадлежавшее герою. Лишь только узнал об этом Тесей, как тотчас пустился в погоню за похитителем и быстро настиг его. Встретились оба героя. Одетые в блестящие доспехи, стояли они друг против друга, подобные грозным бессмертным богам. Оба они были поражены величием друг друга, оба одинаково исполнены были храбрости, оба были могучи, оба прекрасны. Они бросили оружие и, протянув друг другу руки, заключили между собой союз тесной, нерушимой дружбы и обменялись в знак это-

[112] Мифический народ.

го оружием. Так стали друзьями два великих героя, Тесей и Пейрифой.

Вскоре после этой встречи отправился Тесей в Фессалию на свадьбу своего друга Пейрифоя с Гипподамией. Пышна была эта свадьба. Много славных героев собралось на неё со всех концов Греции. Были приглашены на свадьбу и дикие кентавры, полулюди-полукони. Богат был свадебный пир. Весь царский дворец был полон гостей, возлежавших за пиршественными столами, а некоторые – так как во дворце не хватило места для всех собравшихся на свадьбу – пировали в большом прохладном гроте. Курились благовония, звучали свадебные гимны и музыка, громко разносились весёлые клики пирующих. Славили гости жениха и невесту, которая сияла среди всех своей красотой подобно небесной звезде. Весело пировали гости. Вино лилось рекой. Всё громче раздавались пиршественные клики. Вдруг вскочил, опьянённый вином, самый могучий и дикий из кентавров, Эврит, и бросился на невесту, схватил её своими могучими руками и хотел похитить. Увидев это, и другие кентавры бросились на присутствовавших на пиру женщин. Каждый хотел завладеть добычей. Вскочили из-за пиршественных столов Тесей, Пейрифой и греческие герои и бросились на защиту женщин. Прерван был пир, начался неистовый бой. Не оружием бились герои с кентаврами. Невооружёнными пришли они на пир. Всё служило оружием в этой битве: тяжёлые кубки, большие сосуды для вина, ножки сломанных столов, тре-

ножники, на которых только что курились благовония, – всё было пущено в ход. Шаг за шагом теснили герои из пиршественного зала диких кентавров, но и вне зала продолжалась битва. Теперь уже греческие герои бились с оружием в руках, прикрывшись щитами. Кентавры же вырывали с корнями деревья, бросали в героев целые скалы. В первых рядах сражались Тесей, Пейрифой, Пелей и Нестор, сын Пелея. Кровавый холм из тел кентавров всё выше громоздился около них. Падали один за другим сражённые кентавры. Наконец дрогнули они, обратились в бегство и укрылись в лесах высокого Пелиона. Герои Греции победили диких кентавров, но немного спаслось их в ужасной битве.

Похищение Елены. Тесей и Пейрифой похищают Персефону. Смерть Тесея

Недолго жила прекрасная жена Пейрифоя Гипподамия – умерла в полном расцвете своей красоты. Овдовевший Пейрифой, оплакав супругу, через некоторое время решил опять жениться и отправился к своему другу Тесею в Афины, где и решили они похитить прекрасную Елену. Она была ещё совсем юной девушкой, но слава о её красоте гремела дале-

ко по всей Греции. Тайно прибыли друзья в Лаконию и там похитили Елену, когда она весело танцевала со своими подругами во время праздника Артемиды. Тесей и Пейрифой схватили девушку и быстро понесли к горам Аркадии, а оттуда через Коринф и Истм привезли в Аттику, в крепость Афины. Бросились спартанцы в погоню, но не могли настигнуть похитителей. Скрыв Елену в Афинах, в Аттике, друзья бросили жребий, кому из них должна принадлежать дивная красавица. Жребий выпал Тесею. Но ещё раньше друзья дали друг другу клятву, что тот из них, кому достанется прекраснокудрая Елена, должен помогать другому достать жену.

Когда Елена досталась Тесею, Пейрифой потребовал от своего друга, чтобы тот помог ему похитить Персефону, же-

ну страшного бога Аида, владыки царства теней умерших. В ужас пришёл Тесей, но что тут поделаешь? Он дал клятву и нарушить её не мог. Пришлось ему сопутствовать Пейрифою в царство умерших. Через мрачную расщелину у селения Колона, около Афин, спустились друзья в подземное царство. Там, в царстве ужасов, предстали оба друга пред Аидом и потребовали отдать им Персефону. Разгневался мрачный властитель царства умерших, но скрыл свой гнев и предложил героям сесть на трон, вырубленный в скале у самого входа в царство умерших. Лишь только опустились оба героя на трон, как приросли к нему, не в силах пошевелиться. Так наказал их Аид за нечестивое требование.

Пока Тесей оставался в царстве Аида, братья прекрасной Елены, Кастор и Полидевк, всюду искали свою сестру. Наконец узнали они, где скрыл её Тесей. Тотчас осадили они Афины, и неприступная крепость не устояла. Кастор и Полидевк взяли её, освободили сестру и вместе с ней увели в плен мать Тесея Эфру. Власть же над Афинами и всей Аттикой братья отдали Менесфею, давнему врагу Тесея. Тесей долго пробыл в царстве Аида. Тяжкие муки терпел он там, но наконец освободил его величайший из героев Геракл.

Тесей вернулся опять на свет солнца, но это не принесло ему радости. Разрушены были неприступные Афины, Елена освобождена, мать в тяжком плену в Спарте, сыновья Тесея, Демофон и Акамант, принуждены были бежать из города, а вся власть сосредоточилась в руках ненавистного Мене-

сфея. Покинул Тесей Аттику и удалился на остров Эвбея, где имел владения. Несчастья так и преследовали Тесея. Царь Скироса Ликомед, не желая отдавать Тесею его владения, заманил великого героя на высокую скалу и столкнул в море. Так погиб от предательской руки величайший герой Аттики. Только через многие годы после смерти Менесфея вернулись в Афины сыновья Тесея, участники похода под Трою. Там, в Трое, нашли они и мать Тесея Эфру. Её привёз туда как рабыню сын царя Приама Парис вместе с похищенной им прекрасной Еленой.

Мелеагр[113]

Царь Калидона[114] Ойней, отец героя Мелеагра, навлёк на себя гнев великой богини Артемиды. Однажды, празднуя сбор плодов в своих садах и виноградниках, он приносил богатые жертвы богам-олимпийцам, и только одной Артемиде не принёс жертвы.

Покарала за это Артемида Ойнея, послав в страну грозного кабана. Свирепый громадный кабан опустошал все окрестности Калидона. Своими чудовищными клыками он вырывал с корнем целые деревья, уничтожал виноградники и покрытые нежными цветами яблони. Кабан не щадил и людей, если они попадались ему навстречу. Горе царило в окрестностях Калидона. Тогда сын Ойнея Мелеагр, видя общую печаль, решил устроить облаву на кабана и собрал на эту опасную охоту многих героев Греции. Участие в охо-

---

[113] В мифе о Мелеагре интересна следующая черта: мать Мелеагра Алфея, узнав о том, что он в бою убил её брата, молит богов покарать её сына, и Аполлон убивает Мелеагра. Почему преступление Мелеагра так велико, что родная мать проклинает и осуждает на смерть своего единственного сына? Это можно объяснить лишь тем, что миф этот – пережиток времени материнского права, когда брат матери был её ближайшим родственником, а за убийство ближайшего родственника нужно было мстить. Мифом о Мелеагре как доказательством того, что у греков существовало в древнейшие времена материнское право, воспользовался Ф. Энгельс в своём труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

[114] Город на берегу реки Эвен в области Этолии (на западе средней Греции).

те принимали пришедшие из Спарты Кастор и Полидевк, Тесей из Афин, царь Адмет из Фер, Ясон из Иолка[115], Иолай из Фив, Пейрифой из Фессалии, Пелей из Фтии[116], Теламон с острова Саламин[117] и многие другие герои. Явилась на охоту из Аркадии и Атланта, воспитанная в горах и потому быстрая в беге, как самый быстроногий олень. Тотчас же после рождения отец велел отнести её в горы, так как не хотел иметь дочерей. Там, в ущелье, вскормила Атланту медведица, а выросла она среди охотников, поэтому как охотница была равна самой Артемиде.

Девять дней пировали собравшиеся герои у гостеприимного Ойнея, наконец отправились на охоту за кабаном. Окрестные горы огласились громким лаем многочисленных свор собак. Собаки подняли громадного кабана и погнали. Вот показался и кабан, гонимый собаками. Бросились к нему охотники. Каждый из них спешил поразить кабана своим копьём, но тяжела была борьба с чудовищем, не один из охотников изведал силу его страшных клыков. Насмерть поразил кабан своими клыками неустрашимого охотника, аркадца Анкея, который замахнулся на него своей обоюдоострой секирой. Тогда Атланта натянула тугой лук и пустила в кабана острую стрелу. В это мгновение подоспел и Мелеагр

---

[115] См.: *Аргонавты,* ч. II.

[116] См.: *Пелей и Фетида*, ч. II.

[117] Остров у берегов Аттики, в Сароническом заливе; знаменит по морской битве греков с персами в 480 г. до н. э.

и ударом копья убил громадного кабана. Кончилась охота. Все радовались удаче.

Но кому же присудить награду? Много героев участвовало в охоте, многие посылали в кабана свои острые копья. Возник спор из-за награды, а богиня Артемида, гневаясь на Мелеагра за то, что убил её кабана, ещё сильнее раздула распрю.

Эта распря привела, в конце концов, к войне между этолянами, жителями Калидона, и куретами, жителями соседнего города Плеврона. Пока могучий герой Мелеагр сражался в рядах этолян, на их стороне была победа.

Случилось так, что в пылу битвы Мелеагр убил брата своей матери Алфеи. Опечалилась Алфея, узнав о гибели любимого брата, и пришла в неистовый гнев, когда до неё дошло известие, что пал он от руки её сына Мелеагра. В гневе на сына Алфея молила мрачного царя Аида и жену его Персефону покарать Мелеагра. В исступлении призывала она мстительниц эриний услышать её мольбы. Мелеагр разгневался, узнав о том, что мать призывала гибель на него, своего сына, и, удалившись от битвы, печальный, склонив голову на руки, закрылся в покоях жены своей, прекрасной Клеопатры. Лишь только перестал сражаться Мелеагр в рядах этолян, как изменила им удача, побеждали их куреты. Гибель грозила богатому Калидону, который они осадили. Напрасно молили Мелеагра старцы Калидона вернуться в войско, предлагали герою великую награду – не внял он их моль-

бам. Сам престарелый отец Мелеагра Ойней пришёл к покоям Клеопарты, стал стучать в закрытую дверь и молить сына забыть свой гнев – ведь погибал родной его Калидон, – но и его не послушался Мелеагр. Молили помочь Мелеагра и сестра его, и мать, и любимые друзья, но герой был непреклонен. Куреты между тем уже завладели стенами Калидона, стали поджигать городские дома, желая предать всё огню. Наконец сотряслись от ударов и стены покоев, где скрывался Мелеагр. Тогда юная жена его в ужасе бросилась перед ним на колени и стала молить спасти город от гибели. Она молила его подумать о той злой участи, которая постигнет и город, и побеждённых; подумать о том, что победители уведут жён и детей в тяжкое рабство. Неужели же он хочет, чтобы такая участь постигла и её? Могучий Мелеагр внял наконец мольбам жены: быстро облачился в блестящие доспехи, опоясался мечом, взял в руки свой громадный щит и копьё и, ринувшись в битву, отразил куретов и спас родной Калидон. Но гибель ждала самого Мелеагра. Услышали боги царства теней умерших мольбы и проклятия Алфеи. Пал Мелеагр в битве, сражённый насмерть золотой стрелой далекоразящего бога Аполлона, и отлетела душа героя в печальное царство теней[118].

[118] О смерти Мелеагра существует и другой миф. Когда он родился, к его матери Алфее явились богини судьбы мойры, и одна из них сказала: «Твой сын умрёт тогда, когда сгорит эта головня в очаге». Услыхав это, Алфея тотчас погасила головню, спрятала в ларец, где и бережно хранила. И вот, когда Мелеагр убил в битве брата своей матери, вспомнила она о предсказании мойр. Гневаясь на

сына, вынула она головню из ларца и сожгла её. Лишь только сгорела головня и превратилась в пепел, умер герой Мелеагр.

Кипарис

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

На острове Кеос[119] в Карфейской долине жил олень, посвящённый нимфам, и был этот олень прекрасен: ветвистые рога вызолочены, шею украшало жемчужное ожерелье, а с ушей спускались драгоценные подвески. Олень не боялся людей: заходил в дома поселян и охотно протягивал шею всякому, кто хотел его погладить. Все жители любили этого оленя, но больше всех – юный сын царя Кеоса Кипарис, любимый друг стреловержца Аполлона. Кипарис водил оленя на поляны с сочной травой и к звонко журчащим ручьям; украшал могучие рога его венками из душистых цветов; часто, играя, вскакивал, смеясь, ему на спину и разъезжал на нём по цветущей Карфейской долине.

Был жаркий летний полдень; солнце палило; весь воздух полон был зноя. Олень укрылся в тени от полуденного жара и лёг в кустах. Случайно там, где лежал олень, охотился Кипарис. Не узнал он своего любимца оленя, так как его прикрывала листва, бросил в него острым копьём и поразил насмерть. Ужаснулся юный Кипарис, когда увидал, что убил своего любимца, и в горе пожелал умереть вместе с ним. Напрасно утешал его Аполлон: так велико было горе Кипариса, что стал он молить сребролукого бога дать ему грустить

[119] Один из Кикладских островов в Эгейском море.

вечно. Внял ему Аполлон и превратил в дерево. Кудри его стали тёмно-зелёной хвоей, тело одела кора. Стройным деревом кипарисом стоял он пред Аполлоном; как стрела, уходила его вершина в небо. Грустно вздохнул Аполлон и промолвил:

– Всегда буду я скорбеть о тебе, прекрасный юноша, скорбеть будешь и ты о чужом горе. Будь же всегда со скорбящими!

С тех пор на двери дома, где кто-то умирал, греки вешали ветвь кипариса, его хвоей украшали погребальные костры, на которых сжигали тела умерших, и у могил тоже сажали кипарисы.

Орфей и Эвридика

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Орфей в подземном царстве

Великий певец Орфей, сын речного бога Эагра и музы Каллиопы, жил в далёкой Фракии вместе с женой, прекрасной нимфой Эвридикой. Горячо любил её певец Орфей, но наслаждался счастливой жизнью недолго. Однажды, вскоре после свадьбы, прекрасная Эвридика собирала со своими юными резвыми подругами нимфами весенние цветы в зелёной долине. Не заметила Эвридика в густой траве змею и наступила на неё. Ужалила змея юную жену Орфея в ногу. Громко вскрикнула Эвридика, упала на руки подбежавшим подругам, побледнела, сомкнулись её очи. Яд змеи пресёк её жизнь. В ужас пришли подруги, и далеко разнёсся их скорбный плач. Услыхал его Орфей, поспешил в долину и, увидев холодный труп своей нежно любимой жены, пришёл в отчаяние. Не в силах примириться с этой утратой долго оплакивал Орфей свою Эвридику, и плакала вся природа, слыша его грустное пение.

Наконец решил Орфей спуститься в мрачное царство душ умерших, чтобы упросить владыку Аида и жену его Персефону вернуть ему жену. Через мрачную пещеру Танар про-

шёл он к берегам священной реки Стикс, но как переправиться на другой берег, туда, где находится мрачное царство владыки Аида? Вокруг Орфея тем временем столпились тени умерших. Их чуть слышные стоны были подобны шороху падающих листьев в лесу поздней осенью.

Вот послышался вдали плеск вёсел – это приближалась

ладья перевозчика умерших, Харона. Как только причалил Харон к берегу, стал просить Орфей перевезти его вместе с душами на другой берег, но суровый получил отказ. Как ни молил Орфей, ответ один: «Нет!»

Ударил тогда Орфей по струнам своей золотой кифары, и широкой волной разнеслись по берегу мрачного Стикса волшебные звуки. Своей музыкой очаровал он Харона: слушал тот игру Орфея, опершись на своё весло. Под звуки музыки вошёл Орфей в ладью, оттолкнул её Харон веслом от берега, и поплыла она через мрачные воды Стикса.

Вот пристала ладья к берегу, вышёл Орфей и, не переставая играть на золотой кифаре, направился по мрачному царству умерших к трону бога Аида, окруженный душами, слетевшимися на звуки его музыки.

Приблизившись к трону владыки, Орфей склонился пред ним, сильнее ударил по струнам кифары и запел: о своей любви к Эвридике, о том, как счастлива была его жизнь с ней в светлые, ясные дни весны, которые так быстро миновали. О своём горе, о муках разбитой любви, о тоске по умершей пел Орфей. Всё царство Аида внимало ему, всех очаровала его песня. Склонив на грудь голову, слушал Орфея и сам скорбный бог. Припав головой к плечу мужа, внимала песне Персефона, и слёзы печали дрожали на её ресницах. Очарованный звуками песни, Тантал забыл терзавшие его голод и жажду. Сизиф прекратил свою тяжкую, бесплодную работу, сел на тот камень, который вкатывал на гору, и глубо-

ко-глубоко задумался. Очарованные пением, стояли данаиды, забыв о своём бездонном сосуде. Сама грозная трёхликая богиня Геката закрылась руками, чтобы не видно было слёз на её глазах. Слёзы блестели и на глазах не знающих жалости эриний – даже их тронул своей песней Орфей. Но вот утихают звуки струн золотой кифары, подходит к концу песнь Орфея, подобно чуть слышному вздоху печали, прозвучал последний аккорд.

Глубокое молчание воцарилось кругом. Но вот заговорил бог Аид: спросил Орфея, зачем пришёл в его царство, о чём хочет просить, – и поклялся нерушимой клятвой богов – водами реки Стикс, – что исполнит просьбу дивного певца. Так ответил Орфей:

– О, могучий владыка Аид, всех нас, смертных, принимаешь ты в своё царство, когда кончаются дни нашей жизни. Не затем пришёл я сюда, чтобы смотреть на те ужасы, которые наполняют твоё царство, не затем, чтобы увести, подобно Гераклу, стража твоего царства – трёхголового Кербера. Я пришёл сюда молить тебя отпустить назад на землю мою Эвридику. Верни её к жизни: ты же видишь, как я страдаю по ней! Подумай, владыка, если бы отняли у тебя жену твою Персефону, ведь и ты страдал бы. Не навсегда же возвращаешь ты Эвридику. Вернётся опять она в твоё царство. Кратка жизнь наша, владыка Аид. О, дай Эвридике испытать радости жизни, ведь она сошла в твоё царство такой юной!

Задумался бог Аид и, наконец, ответил:

– Хорошо, Орфей! Я верну тебе Эвридику. Веди её к жизни, к свету солнца. Но ты должен исполнить одно условие: пойдёшь вперёд следом за богом Гермесом, он поведёт тебя, а за тобой будет идти Эвридика. Всё время пути по подземному царству ты не должен оглядываться. Помни! Оглянешься, и тотчас покинет тебя Эвридика и вернётся навсегда в моё царство.

На всё был согласен Орфей, лишь бы скорее отправиться в обратный путь. Привёл быстрый как мысль Гермес тень Эвридики. Хотел Орфей обнять её, но остановил его бог Гермес:

– Орфей, ведь ты обнимаешь лишь тень. Пойдём скорее: труден наш путь.

И они отправились в путь: впереди шёл Гермес, за ним Орфей, а следом – тень Эвридики. Быстро миновали они царство Аида. Переправил их через Стикс в своей ладье Харон. Вот и тропинка, которая ведёт на поверхность земли: круто подымается вверх, неровная, каменистая. В глубоких сумерках едва видна фигура шагавшего впереди Гермеса, но вот далеко впереди забрезжил свет. Это выход. Стало как будто светлее и кругом. Если бы Орфей обернулся, то увидал бы Эвридику. А идёт ли она за ним? Не осталась ли в полном мрака царстве душ умерших? Может, отстала, ведь путь так труден, а значит, обречена вечно скитаться во мраке. Орфей замедлил шаг, прислушался, но было тихо. Да и разве могут быть слышны шаги бесплотной тени? Всё сильнее и сильнее

охватывала Орфея тревога за Эвридику, всё чаще он останавливался по мере того как становилось светлее. Теперь ясно рассмотрел бы Орфей тень жены. Наконец, забыв предупреждение Аида, он остановился, обернулся и почти рядом с собой увидел тень Эвридики. Протянул к ней руки Орфей, но быстро удаляться стала тень, а потом и вовсе потонула во мраке. Словно окаменел Орфей, охваченный отчаянием. Ему пришлось ещё раз пережить смерть Эвридики, и виновником её был он сам.

Долго стоял Орфей: казалось, жизнь покинула его; казалось, что превратился он в мраморную статую, – наконец шевельнулся, сделал шаг, другой и пошёл назад, к берегам мрачного Стикса. Надумал он снова молить Аида вернуть ему Эвридику, но не повёз его старый Харон. Напрасно просил Орфей – непреклонен остался перевозчик. Семь дней и ночей сидел печальный Орфей на берегу Стикса, проливая слёзы скорби, забыв о пище, обо всём, сетуя на богов мрачного царства душ умерших, и только на восьмой день решил, наконец, вернуться во Фракию.

Смерть Орфея

Четыре года прошло со смерти Эвридики, но остался по-прежнему верен ей Орфей и не желал брака ни с одной женщиной Фракии. Однажды ранней весной, когда на деревьях пробивалась первая зелень, сидел великий певец на невы-

соком холме. У ног его лежала золотая кифара. Поднял её певец, тихо ударил по струнам и запел. Вся природа заслушалась дивного пения. Такая сила звучала в песне Орфея, так покоряла она и влекла к певцу, что вокруг него как зачарованные столпились дикие звери, покинувшие окрестные леса и горы. Птицы слетелись слушать певца. Даже деревья двинулись с места и окружили Орфея: дуб и тополь, стройные кипарисы и широколистые платаны, сосны и ели толпились кругом и слушали певца; ни одна ветка, ни один лист не дрожал на них. Вся природа казалась очарованной дивным пением и звуками кифары Орфея. Вдруг раздались вдали громкие возгласы, звон тимпанов и смех. Это киконские женщины справляли весёлый праздник шумного Вакха. Всё ближе вакханки, вот увидали они Орфея, и одна из них громко воскликнула:

– Вот он, ненавистник женщин!

Взмахнула вакханка тирсом и бросила им в Орфея, но плющ, обвивавший тирс, защитил певца. Бросила другая вакханка камнем в Орфея, но камень, побеждённый чарующим пением, упал к его ногам, словно моля о прощении. Всё громче раздавались вокруг певца крики вакханок, громче звучали песни, и сильнее гремели тимпаны. Шум праздника Вакха заглушил певца. Окружили Орфея вакханки, налетев на него словно стая хищных птиц. Градом полетели в певца тирсы и камни. Напрасно молил о пощаде Орфей: его, голосу которого повиновались деревья и скалы, не слушали неисто-

вые вакханки. Обагрённый кровью, упал Орфей на землю, отлетела его душа, а вакханки своими окровавленными руками разорвали его тело. Голову Орфея и кифару бросили вакханки в быстрые воды реки Гебр[120]. И – о чудо! – струны кифары, уносимой волнами реки, тихо звучали, словно сетовали на гибель певца, и отвечал им печально берег. Вся природа оплакивала Орфея: плакали деревья и цветы, плакали звери и птицы, и даже немые скалы плакали, – и реки стали многоводней от слёз. Нимфы и дриады в знак печали распустили свои волосы и надели тёмные одежды. Всё дальше и дальше уносил Гебр голову и кифару певца, пока не оказались они в открытом море, а морские волны не прибили их потом к берегам Лесбоса[121]. С тех пор звучат звуки дивных песен на острове, а золотую кифару Орфея боги поместили на небе среди созвездий[122].

Душа Орфея сошла в царство теней и вновь увидела те места, где искал Орфей свою Эвридику. Снова встретил великий певец её тень и заключил с любовью в свои объятия. С этих пор они могли быть неразлучны. Блуждают тени Орфея и Эвридики по сумрачным полям, заросшим асфоделами. Теперь Орфей без боязни может обернуться, чтобы посмотреть, следует ли за ним Эвридика.

---

[120] Река во Фракии (совр. Марица).

[121] Остров в Эгейском море, у берегов Малой Азии. Родом с Лесбоса были знаменитый впоследствии поэт Древней Греции Алкей и поэтесса Сапфо.

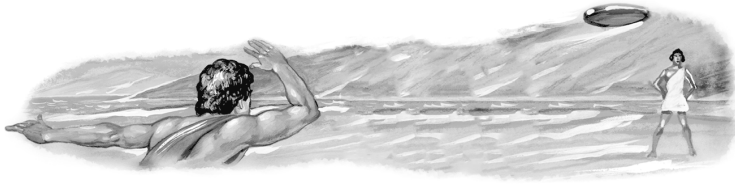
[122] Созвездие Лиры со звездой первой величины Вегой.

Гиацинт

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Прекрасный, равный самим богам-олимпийцам своей красотой, юный сын царя Спарты Гиацинт был другом бога-стреловержца Аполлона. Часто являлся Аполлон на берега Эврота, в Спарту, к своему другу и там проводил с ним время, охотясь по склонам гор в густо разросшихся лесах или развлекаясь гимнастикой, в которой были так искусны спартанцы.

Однажды, когда близился уже жаркий полдень, Аполлон и Гиацинт состязались в метании тяжёлого диска. Всё выше и выше взлетал к небу бронзовый диск. Вот, напрягши силы, бросил диск могучий бог Аполлон. Высоко, к самым облакам, взлетел диск и, сверкая как звезда, упал на землю. Побежал Гиацинт к тому месту, где должен был упасть диск, чтобы скорее поднять его и бросить, чтобы показать Аполлону, что он, юный атлет, не уступит ему, богу, в умении, но, упав на землю, он отскочил от удара и со страшной силой попал в голову юноше. Со стоном упал Гиацинт на землю, потоком хлынула алая кровь из раны и окрасила тёмные кудри прекрасного юноши.



Подбежал испуганный Аполлон, склонился над своим другом, приподнял его, положил окровавленную голову себе на колени и попытался остановить льющуюся из раны кровь, но всё напрасно. Бледнеет Гиацинт. Тускнеют всегда такие ясные его глаза, бессильно склоняется голова подобно венчику вянущего на палящем полуденном солнце полевого цветка. В отчаянии воскликнул Аполлон:

– Ты умираешь, мой милый друг! О горе, горе! Ты погиб от моей руки! Зачем бросил я диск! О если бы мог я искупить мою вину и вместе с тобой сойти в безрадостное царство душ умерших! Зачем я бессмертен, зачем не могу последовать за тобой!

Крепко держал Аполлон в своих объятиях умирающего друга, и падали его слёзы на окровавленные кудри Гиацинта. Умер Гиацинт, отлетела душа его в царство Аида, а Аполлон стоял над телом умершего и тихо шептал:

– Ты навсегда останешься в моём сердце, прекрасный Гиацинт. Пусть же память о тебе вечно живёт и среди людей.

И вот, по слову Аполлона, из крови Гиацинта вырос алый

ароматный цветок – гиацинт, а на лепестках его запечатлелся стон скорби бога Аполлона. Жива память о Гиацинте и среди людей, они чтут его празднествами во дни гиацинтий[123].

[123] Греки считали, что на лепестках дикого гиацинта можно прочесть слова «ай-ай», что значит «горе, горе». Празднества в честь Гиацинта, считавшегося божеством пастухов, так называемые «гиацинтии», справлялись в июле на Пелопоннесе, в Малой Азии, на юге Италии, в Сицилии, в Сиракузах.

Полифем, Акид и Галатея

Прекрасная нереида Галатея любила сына Симефиды, юного Акида, и Акид любил нереиду. Но не один Акид пленился Галатеей. Громадный циклоп Полифем увидел однажды прекрасную девушку, когда выплывала она из волн лазурного моря, сияя своей красотой, и воспылал к ней неистовой любовью. О как велико могущество твоё, златая Афродита! Суровому циклопу, к которому никто не смел приблизиться безнаказанно, который презирал богов-олимпийцев, вдохнула ты любовь! Сгорая от пламени любви, Полифем забыл своих овец и свои пещеры. Дикий циклоп начал даже заботиться о своей внешности: расчёсывал косматые волосы киркой, а всклокоченную бороду подрезал серпом, – не таким диким и кровожадным стал.

Как раз в это время приплыл к берегам Сицилии прорицатель Теллем и предсказал Полифему:

– Твой единственный глаз, который у тебя во лбу, вырвет герой Одиссей.

Грубо засмеялся в ответ Полифем и воскликнул:

– Глупейший из прорицателей, ты солгал! Уже другая завладела моим глазом!

Далеко в море вдавался скалистый холм и круто обрывался к вечно шумящим волнам. Полифем часто приходил со своим стадом на этот холм. Там он садился, положив у ног

дубину, которая величиной была с корабельную мачту, доставал свою сделанную из ста тростинок свирель и начинал изо всех сил дуть в неё. Дикие звуки свирели Полифема далеко разносились по морю, по горам и долинам, доносились и до Акида с Галатеей, которые часто сидели в прохладном гроте на морском берегу, недалеко от холма. Играл на свирели и пел Полифем, но вдруг, словно бешеный бык, вскочил: это он увидал Галатею и Акида.

– Я вижу вас! – закричал он таким громовым голосом, что на Этне откликнулось эхо. – Хорошо же, это будет ваше последнее свидание!

Испугалась Галатея и бросилась скорее в море. Защитили её от Полифема родные морские волны. В ужасе Акид простёр руки к морю и воскликнул:

– О, помоги мне, Галатея! Родители, спасите меня, укройте меня!

Настиг пытавшегося спастись бегством Акида циклоп. Вот оторвал он от горы целую скалу, взмахнул ею и бросил в Акида. Хотя лишь краем скалы задел Полифем несчастного юношу, всё же придавило его и убило. Потоком текла из-под края скалы алая кровь Акида, но постепенно пропадал алый цвет, всё светлее и светлее становится поток. Вот он уже похож на реку, которую замутил бурный ливень. Всё светлее и прозрачнее он. Вдруг раскололась скала, раздавившая Акида. Зазеленел звонкий тростник в расщелине, и заструился из неё быстрый прозрачный поток. Из потока по-

казался торс юноши с голубоватым цветом лица, в венке из тростника. Это стал речным богом Алкид.

Диоскуры, Кастор и Полидевк

Женой царя Спарты Тиндарея была прекрасная Леда, дочь царя Этолии Фестия. По всей Греции славилась она своей дивной красотой. Стала женой Зевса Леда и родила ему двух детей: прекрасную, как богиня, дочь Елену и сына, великого героя Полидевка. От Тиндарея у Леды было тоже двое детей: дочь Клитемнестра и сын Кастор.

Полидевк получил от отца своего бессмертие, а брат его Кастор был смертным, но оба прославились как великие герои Греции. Никто не мог превзойти Кастора в искусстве править колесницей: мог он усмирить самых неукротимых коней. Полидевк же не знал равных в кулачном бою. Во многих подвигах героев Греции участвовали братья Диоскуры. Всегда были они вместе, самая искренняя любовь связывала братьев.

У Диоскуров было два двоюродных брата, Линкей и Идас, – сыновья мессенского царя Афарея. Могучим бойцом был Идас; брат же его Линкей обладал таким острым зрением, что оно проникало даже в недра земли; ничто не могло скрыться от Линкея. Много подвигов совершили Диоскуры со своими двоюродными братьями. Однажды во время смелого набега угнали они из Аркадии стадо быков и решили поделить между собой добычу. Делить стадо должен был Идас. Захотелось им с братом завладеть всей добычей,

и решили они прибегнуть к хитрости. Разрезал Идас быка на четыре равные части, поделил между собой, братом и Диоскурами и предложил отдать половину стада тому, кто съест свою часть первым, а вторую половину – тому, кто съест вторым. Идас быстро справился со своей частью и помог Линкею.

Страшно разгневались Кастор и Полидевк: ведь Идас об-

манул их, – и решили отомстить своим двоюродным братьям, с которыми их связывала до этого неразрывная дружба. Вторглись Кастор и Полидевк в Мессению и похитили не только стадо, угнанное из Аркадии, но и часть стада Идаса и Линкея. И этим не удовлетворились Диоскуры: похитили ещё и невест своих двоюродных братьев.

Знали Диоскуры, что не простят им этого Идас и Линкей, и решили спрятаться в дупле большого дерева и подождать, когда начнут их преследовать. Надеялись Диоскуры застать их врасплох, так как опасались вступить в бой с могучим Идасом, который однажды отважился даже на борьбу с самим Аполлоном, когда сребролукий бог спорил с ним за прекрасную Марпессу[124]. Но не могли скрыться Диоскуры от зорких глаз Линкея: с высокого Тайгета увидал он братьев в дупле дерева. Напали на Диоскуров Идас и Линкей, и прежде чем те успели выйти из засады, Идас ударил своим копьём в дерево и пронзил Кастору грудь. Бросился на них Полидевк. Не выдержали его натиска Афареиды и обратились в бегство. У могилы их отца настиг их Полидевк, убил Линкея и начал смертельный бой с Идасом. Но Зевс прекратил этот поединок, бросив сверкающую молнию и испепелив ею и Идаса, и труп Линкея.

---

[124] Идас похитил Марпессу на крылатой колеснице, данной ему Посейдоном. Аполлон пожелал отнять девушку и вступил в бой. Зевс прекратил сражение, повелев Марпессе самой выбрать себе мужа, и та выбрала Идаса, потому что знала: Аполлон не будет любить её вечно, забудет её бессмертный бог, когда она состарится.

Вернулся Полидевк туда, где лежал смертельно раненный Кастор. Горько плакал он, видя, что смерть разлучает его с братом. Взмолился тогда Полидевк отцу своему Зевсу и попросил дать и ему умереть вместе с братом. Явился громовержец своему сыну и предложил сделать выбор: или жить вечно юным в сонме светлых богов на Олимпе, или же пребывать вместе с братом один день в мрачном царстве Аида, другой – на светлом Олимпе. Не захотел Полидевк расставаться с братом и выбрал общую с ним долю. С тех пор братья один день блуждают по мрачным полям царства теней умерших, а другой день живут вместе с богами во дворце эгидодержавного Зевса. Чтут греки братьев Диоскуров как богов. Они защищают людей от опасностей, охраняют в пути как на чужбине, так и на родине.

Атрей и Фиест

Сыновьями великого героя Пелопса были Атрей и Фиест. Проклял некогда Пелопса возничий царя Эномая Миртил[125], предательски убитый Пелопсом, и обрёк своим проклятием на великие злодеяния и гибель весь род Пелопса. Тяготело проклятие Миртила и над Атреем и Фиестом. Ряд злодеяний совершили они: погубили Хрисиппа, сына нимфы Аксионы и отца их Пелопса, на что подговорила их мать Гипподамия. Совершив это злодеяние, бежали они из царства отца, боясь его гнева, и укрылись у царя Микен Сфенела, сына Персея, который женат был на сестре их Никиппе. Когда же умер Сфенел и погиб от руки матери Геракла Алкмены сын его Эврисфей, захваченный в плен Иолайем, стал властвовать над Микенским царством Атрей, так как Эврисфей не оставил после себя наследников.

Завидовавший Атрею брат его Фиест решил во что бы то ни стало отнять у него власть и похитил у своего брата с помощью жены Атрея Аеропы подаренного ему богом Гермесом златорунного овена. А сделал он это потому, что сказано было богами: «Властвовать над Микенами будет тот, кому принадлежит златорунный овен». Похитив овена, Фиест потребовал и власти над царством. Разгневался на Фиеста Зевс-громовержец и небесными знамениями дал понять

[125] См. миф о Пелопсе.

жителям Микен, что нечестивым путём пытается захватить Фиест власть. Отказались микенцы признать царём Фиеста, и он, спасаясь от гнева брата, принужден был бежать из Микен. Мстя брату, он тайно увёл из Микен сына Атрея Полисфена и воспитал на чужбине как родного сына, внушив ему великую ненависть к Атрею. Хотел коварный Фиест воспользоваться Полисфеном как орудием мести своему брату.

Когда вырос Полисфен, Фиест послал его в Микены, приказав убить Атрея, но юноша сам пал от руки своего отца. В ужас пришёл Атрей, когда узнал, кого убил, и поклялся отомстить брату, для чего придумал коварный и жестокий план. Атрей притворился, что готов примириться с Фиестом, и позвал его обратно в Микены. Когда Фиест вернулся, они с Аеропой опять стали строить козни против Атрея, помышляя лишь о том, как бы его убить. Знал об этом Атрей, и ещё больше окрепла в нём решимость отомстить коварному брату. Велел он тайно схватить сыновей Фиеста, юных Полисфена и Тантала, и убить, а из их тел приказал приготовить своему брату ужасную трапезу.

Пригласил он Фиеста на пир и поставил перед ним яства из мяса его сыновей. Громы Зевса раскатились по небу. Разгневался громовержец на Атрея за это злодеяние. Содрогнулся от ужаса и лучезарный бог солнца Гелиос, повернул свою колесницу и погнал крылатых коней назад к востоку, чтобы не видеть, как отец будет насыщаться мясом своих сыновей. Фиест же, ничего не подозревая, сел за трапезу

и спокойно принялся есть, а когда насытился, вдруг смутное предчувствие великого несчастья овладело им, и он спросил Атрея о своих сыновьях. Тот позвал слуг и велел им показать Фиесту головы и ноги Полисфена и Тантала. Зарыдал Фиест, увидав, что погибли его сыновья, и стал молить выдать ему трупы сыновей, чтобы похоронить. Но Атрей ответил брату, что сыновья уже похоронены им самим, но не в земле, а в нём самом. В ужасе понял Фиест, что за кушанья только что ел, опрокинул стол и с ужасным воплем рухнул на пол. Обезумев от горя, вскочил он наконец и, проклиная Атрея и весь его род, выбежал из дворца. Ничего не помня, ничего не видя, бежал из Микен Фиест. Долго скрывался он потом в пустыне, наконец пришёл к царю Эпира Феспроту, и тот дал ему пристанище.

Прогневались боги на Атрея за совершённые им злодеяния и, чтобы наказать его, наслали неурожай на Арголиду. Ничего не произрастало на тучных полях. Голод воцарился во владениях Атрея. Тысячами гибли жители. Обратился к оракулу Атрей, чтобы узнать о причине несчастья. Оракул дал ответ, что бедствие прекратится только тогда, когда будет возвращён в Микены Фиест. Долго разыскивал по всей Греции Атрей своего брата, но не мог открыть его убежища. Наконец нашёл он его малолетнего сына Эгисфа, привёз в свой дворец и воспитал как сына.

Прошло много лет. Как-то случайно сыновья Атрея, Менелай и Агамемнон, открыли, где скрывается Фиест. Им уда-

лось схватить его и привезти в Микены. Не примирился Атрей с братом: заточил его в темницу и решил убить. Призвал он Эгисфа, дал ему острый меч, велел пойти в темницу и убить узника. Не знал Эгисф, на какое страшное дело посылает его Атрей, которого считал своим отцом. Лишь только вступил Эгисф в темницу, как тотчас узнал в нём своего сына Фиест и открыл ему. Тут же в темнице отец и сын придумали план, как погубить Атрея. Эгисф вернулся во дворец и сказал Атрею, что исполнил его приказание: убил узника. Обрадовался Атрей, что наконец-то удалось ему погубить брата, и поспешил на берег моря, чтобы принести жертву богам-олимпийцам. Здесь-то во время жертвоприношения ударом в спину и поразил его насмерть Эгисф тем самым мечом, который дал ему Атрей, чтобы убил им отца. Освободил Эгисф Фиеста из темницы, и вместе стали они править Микенами. Сыновья Атрея, Менелай и Агамемнон, принуждены были спасаться бегством. Защиту нашли они у царя Спарты Тиндарея, и тот отдал им в жёны своих дочерей: Менелаю – прекрасную, как богиня Афродита, Елену, а Агамемнону – Клитемнестру. Через некоторое время Агамемнон вернулся в Микены, убил Фиеста и занял место своего отца. Менелай же после смерти Тиндарея стал царём Спарты.

Эсак и Гесперия

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Эсак был сыном царя Трои Приама, братом великого героя Гектора. Родила его на склонах лесистой Иды прекрасная нимфа Алексироя, дочь речного бога Граника. Выросший в горах Эсак не любил город и избегал жить в роскошном дворце отца своего Приама, предпочитая уединение гор и тенистых лесов, простор полей.

Редко показывался Эсак в Трое и в совете троянцев, но, несмотря на уединенную жизнь, характер его не стал диким и грубым. Эсак был приветлив, с сердцем, открытым для любви. Часто встречал юный сын Приама в лесах и полях прекрасную нимфу Гесперию и, наконец, пламенно полюбил её. Нимфа же, лишь только увидит Эсака, скрывалась.

Однажды он застал на берегу реки Кебрен красавицу Гесперию в то время, когда она сушила на солнце свои пышные волосы. Увидала нимфа юношу, испугалась и бросилась бежать, но Эсак погнался за ней.

Вдруг прятавшаяся в траве змея ужалила нимфу в ногу, и яд змеиных зубов остался в ране. Вместе с жизнью кончилось бегство. Упала на руки подбежавшего Эсака Гесперия. Обезумев от горя, прижал к груди её юноша и воскликнул:

– О горе, горе! Как ненавистно теперь мне это преследование! Не думал я победить такой дорогой ценой! Мы оба

убили тебя, Гесперия! Смертельную рану нанесла тебе змея, и виноват в этом я. Я буду коварнее змеи, если не искуплю своей смертью твою смерть!

Бросился Эсак с высокой скалы в пенистые волны моря, которые бились с шумом о берег. Сжалилась над несчастным юношей Фетида, ласково приняла его в волнах и одела всего перьями, когда погрузился он в морскую пучину. Не постигла сына Приама смерть, которой он так желал. Выплыл уже птицей Эсак на поверхность моря. Негодует он, что должен жить против воли. Он высоко взлетает на своих только что выросших крыльях и с размаху бросается в море, но перья защищают его при падении. Ещё и ещё бросается в море Эсак, чтобы найти гибель в морской пучине, но нет ему гибели! Он только ныряет в волнах моря! Худеет тело Эсака, ноги становятся сухими и тонкими, шея вытягивается, и обращается он в нырка.